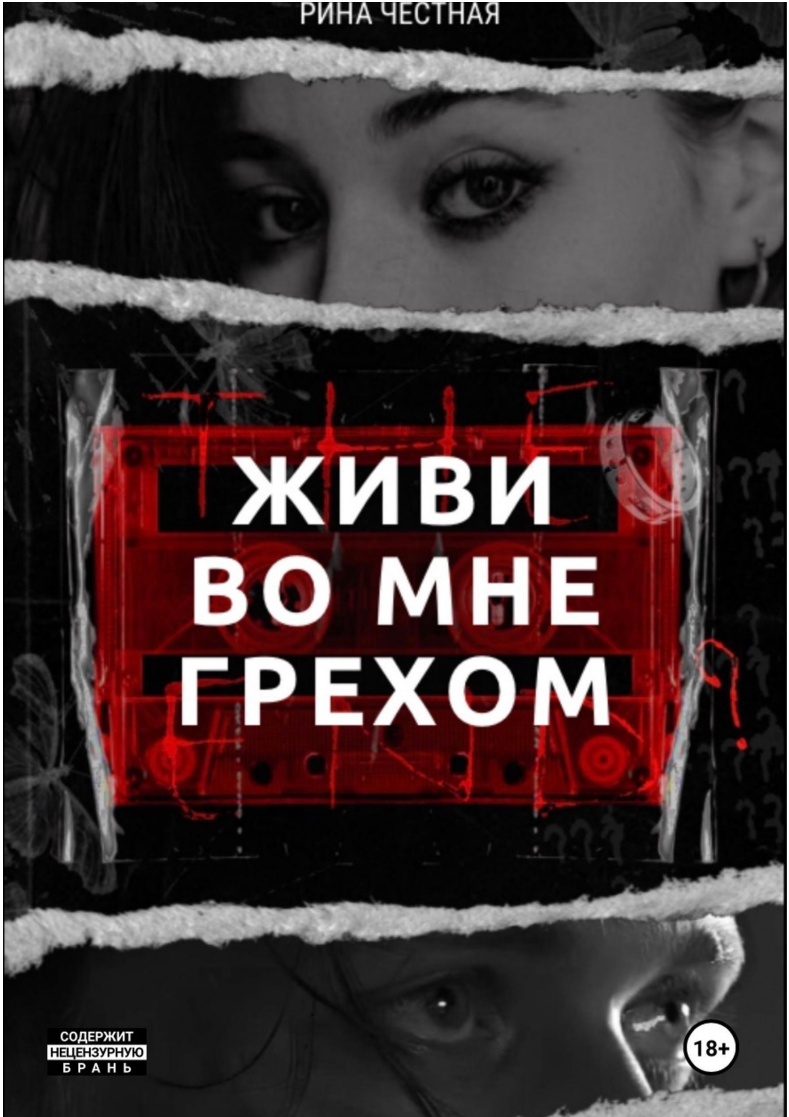
РИНА ЧЕСТНАЯ



ЖИВИ ВО МНЕ ГРЕХОМ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Рина Честная
Живи во мне грехом

https://litres.ru/74965542
SelfPub; 2026

Аннотация

У лжи есть превратное свойство - всплывать наружу. Френсис Гвинерра скрывала от Флойда Маккастера важные вещи, и они не могли навсегда остаться тайной.

Существование второй секты, предательство

Мориса, общение с Гектором - секреты разоблачаются один за другим и причиняют боль. Люди в белом, тем временем, регулярно привносят ужас, который шокирует даже бывшего карателя шахматного клуба. Можно ли выстоять такие трудности и сохранить отношения, вопреки ранам? Героям предстоит пройти сложный путь, чтобы узнать ответ.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	58
Глава 4	81
Глава 5	107
Глава 6	129
Глава 7	152
Глава 8	186
Глава 9	211
Глава 10	237
Глава 11. Мазь, обезьяны и Дом Братства	269
Глава 12	298
Глава 13	326
Конец ознакомительного фрагмента.	334

Рина Честная
Живи во мне грехом

Дорогой читатель, это вторая часть книги "Спаси меня грехом". Всего частей три. Завершающая, "Стань моим светом", находится в процессе написания.

Спасибо за любовь к моему делу!

Глава 1

«Ад и рай ближе, чем кажется.
Сегодня ты оказываешься в одном,
а завтра — в другом. И никогда
не предугадаешь, где в итоге суждено остаться навсегда».

Каждый узел моего нутра натягивается до скрипа. Кабинет клуба погружается в кромешную тишину — сквозь нее слышны лишь сбивчивые выдохи Френсис и отголоски битов с танцпола.

— Что ты сейчас сказала?

Девушка шмыгала носом, но сейчас замолкла по причине щемящего тона, который я применял крайне редко, или, пожалуй, никогда. Раньше тембр мог выходить гневным, дерз-

ким, отрешенным. В эту секунду открылась новая грань. Тон наполнился нескрываемой яростью — только не громким звуком, а подавляюще мирным. В этом и состоит несостыковка. Будто вы спрашиваете о погоде, хотя разгромите все живое после ответа. И я дублирую в той же манере, ведь девушка лишь тихо трясет сырыми губами.

— Повтори то, что ты произнесла, Френсис.

Она сглатывает страх, тяжело и часто дышит без шума, то опускает, то запрокидывает голову и следует инструкции, когда заикается:

— Я... я сказала, что ты расправился не со всеми. Сущ...существует вторая сек-к-кта. Я... не г-г-говорила, хотя... знала.

Тяжелый шаг навстречу. Кулаки болят от степени сжатия. Паникующая Альма кладет ладонь на мое подрагивающее плечо, и тогда я чуть подаюсь торсом вперед так, что между мной и милой гребаной лгуньей остается полметра расстояния. Буквы гравируется в воздухе четче:

— Повтори.

Френсис мотает носом и беспомощно хныкает:

— Я уже...

— Нет, мать твою, повтори нормальными словами! — сдержанность лопается, отчего подпрыгивает даже подруга, безудержный гнев пронизывает всю чертову комнату, и мне абсолютно плевать, если кто-то скажет, что это грубо, потому что каждый долбаный слог заслужен, — Давай, блять,

вместе, раз туго доходит! «Я подвергала свою жизнь опасности, не включала мозги и была идиоткой»!

Девушка всхлипывает и жмется в стол за спиной. Я сейчас ее не меньше люблю, но вместе с тем не выношу, терпеть, сука, не способен!

— Флойд, уймись, — нервно шепчет Альма, метая взор от Френсис ко мне и обратно, бесконечно, — Успокойся, я тебя молю...

— Успокоиться?! — я поворачиваю к ней шею и кишу агрессией, — Мне, черт возьми, успокоиться?! Это как?! Пойти чай попить и забить на случившееся дерьмо?!

— Она в стрессе диком, а ты кошмарно добавляешь, и я уже не могу обнимать ее, пока ты выглядишь как тот, кто будет бить...

Они все ебанулись?! Это последняя грань, обе переступили.

— Закрой, нахер, рот, не неси бред! — огрызаюсь и убираю ее руку, реально захлебываясь переизбытком реальности, — Я ее пальцем не трону никогда, не смей подобное предполагать! Мне просто нужно понять, — глаза снова смотрят на Френсис через силу, ноги шагают, туловище оказывается близко и голос изрывается басом громче, — Ты о чем думала вообще?! Что в твоей голове, а?! Что?!

Пытаюсь поднять мокрое лицо, ведь она, черт возьми, тупится в пол, настойчиво беру за щеку, однако Френсис внезапно скидывает ладонь грубым жестом и вытирает нос, су-

дорожно стремясь вперед, вероятно, к дверям, толкнув мое плечо своим плечом. Тогда действия происходит инстинктивно, на беспокойном выдохе. Я тяну ее обратно и прижимаю к груди дичайше крепко, обвиваю двумя предплечьями, склоняюсь, роняю нос в волосы. И она рыдает снова: гораздо отчаяннее, кажется, во все горло, вминаясь в мое тело без устали, словно желает спрятаться где-то внутри.

Я правда ненавижу ее.

Я правда ее люблю до потери кислорода.

Это буйная смесь, почти умерщвляющая, так как сердце кровоточит и разрывается на два противоположных чувства. Нельзя было молчать. Запрещено. Но Френсис планировала унести секрет в гроб. И меня это взрывает.

В туалете все было обляпано кровью. Девушка тоже. Дверь испачкана доходчивым посланием. Я анализировал ровно секунду, потом поднял истеричного котенка, начал спешно умывать, обнимать, утешать. Кинул СМС Морису. Они пришли. Закрыли помещение на ключ, когда мы покинули злосчастную комнату, дабы запереться в кабинете, понять, что сейчас делаем, и действовать четко. Я сетовал, рычал. Невнятно твердил одно и то же, будто это дало бы какой-то ответ:

— Я же всех убил. Всех. Со всеми расправился...

И ответ поступил. Френсис тоненько перебила теми самыми словами. Дала чертово пояснение — две минуты назад.

Потому я разочарован. Не могу поверить, что она прояви-

ла столько гребаной глупости. Это же надо быть полностью поехавшей, Господи, блять, помоги!

— Почему ты не сказала? — пытаюсь быть мягче, обнимаю со страхом потерять, — Почему?

— А давай поразмышляем вместе, — отзывается Альма, театрально поднимая руки, — Извините, конечно, я открыла рот, когда запретили, — замечание заставляет поморщиться, — Но, знаешь, хочу помочь. Вариантов, скажем, мало. Может, причина ее молчания в том, что ты долбаный психопат, который бы поехал мочить тех, кого не добил?

— Естественно, я поступлю именно так, — не даю ни секунды промедления, и Френсис застывает в мои руках, отчего говорю резче, грубее, — Хочешь расставаться со мной за это? Расставайся. Хорошо. Согласен. Мне твоя безопасность важнее отношений, поверь, я не буду эгоистом в такой момент.

Не блефую, и меня не колышет, как потом буду страдать позже, если цена этого в том, что не пострадает она. Но девушка упирается в грудь и ежится в хватке, шатается назад, не переставая хлюпать носом. Мне жаль ее. И мне жаль, что сейчас я не могу утешать, потому что это время для решения вопроса, а не для переноса критически важных, блять, обсуждений. Мы не можем просто прикинуться, что все в порядке. Не тогда, когда та, кого люблю, до сих пор в остатках крови на шее.

— Я не говорила тебе, потому что там, потому что, —

трясется она, — Там дети. Секта для детей, отдельная, туда их отправляют, и там воспитывают. Я боялась и... боюсь, что ты причинишь им боль...

— Они причинили боль тебе! — доказываю, не смекая, в чем долбаное препятствие, — Мне похуй, кого за такое расчленять.

Френсис поднимает опухшие глаза в неверии и бегает зрачками так, будто я вмиг стал ей неприятен. Она обнимает себя и выдает колотящееся:

— Ты реально способен пролить их кровь?

— Ну, им нравятся эти игры, ты только посмотри! — выплевываю в абсурде и развожу руками, — Я лишь поступлю в той же манере! Разве сладкие детишки не напрашивались на идентичный подход?!

— Ты ведешь себя, как скотина, — выдыхает Альма и прижимает Френсис к себе, тут же поглаживая по затылку.

Она не перестает плакать. Ни на миг с туалета. Я редко заставал ее в схожем состоянии. Оттого рецепторы и покалывает приторный вкус железа — кусаю язык до крови, лишь бы не наговорить с три короба. Всего за пять минут меж нами образовалась уже знакомая перегородка. Словно теряем или неосознанно покидаем. Но, хоть убейте, не вижу своей вины. Иногда для милого парня нет места, и я ни разу не пытался натянуть маску паиньки.

— Она хочет твоей защиты, а не скандала...

— Я занимаюсь именно этим, если не видно! — переби-

ваю замечание Альмы.

— Мне видно только то, что ты мудак, — отзывается брюнетка, — Ты же не можешь поговорит нормально. Нужно вести себя, как Флойд Маккастер — орать, а потом...

— А потом извиняться? — заканчиваю за нее, рыча, — Я не стану, не в этот раз...

— Если ты перебьешь меня снова, больше подруги у тебя не будет, — огрызается девушка, — Иди проветрись, задолбал в край. Лечиться давно пора.

Я запускаю пальцы в волосы и отхожу, дабы сесть на диван, попросту стиснув зубы. Таращусь в пол в глобальном разочаровании. И разрабатываю план. Их несколько. Один краше другого. Приехать и кошмарить их медленно. Либо быть быстрым с некоторыми, дабы повергнуть в ужас других...

— Она получила травму, Флойд, и тебе следует быть рядом, — вторит девушка, старается донести что-то свое, — Так правильно для мужчины. Почему ты не понимаешь?

Меня утомил этот цирк.

— Знаешь, в чем проблема, Альма? — задираю голову, упираясь предплечьями в колени, пока Френсис неизменно прибивается к ласке, — Вы хотите парня, который будет с вами нежным котенком, того, кто склонит голову, встанет на колени и подавит нрав.

— Много хотим? — риторически уточняет глаза в глаза.

— Нет, обе заслуживаете, — говорю хладнокровно, — Но

у доверительной и исключительной мягкости есть цена, о которой вы, почему-то, забываете. Она заключается в ответном доверии. А когда этого нет, не нужно расстраиваться, что ручной щенок испаряется.

Сердце омывает сразу несколько чувств. Гнев, сожаление и боль. Я могу быть ласковым, но это не значит, что правила стерты. Существуют фундаментальные основы, которые целенаправленно не уберу, дабы не превратиться в сопляка. Альма улавливает это и наклоняет голову вбок, бормоча:

— И каково оно? Игнорировать страдание любимой, чтобы придерживаться воображаемых сводов и списков?

— Отвратительно, — выдаю честно, — Но это моя правда, и с некоторой моей правдой придется считаться. Сами предпочитаете, чтобы на вашей груди ютился не очкарик-ботаник, а мужчина, который убьет любого, кто пальцем тронет. Хотя, как могла заметить, не особо это романтично, — я метаю взгляд на дверь и отрезаю, — Где гребаный Морис, сколько там можно возиться?!

И друг появляется, будто услышал призыв сквозь несколько стен. Заходит с таким же лицом, какое и у меня. Наконец-то в комнате говорят по существу, а не по пустым вещам.

— Он проник не через охрану, никого там увольнять не надо. Я все камеры обшарил, нихера не понимал. В итоге переключил на другие. Сбоку здания есть мусорный бак, а оттуда пожарная лестница. Залез тем путем, а там в окно туалета, еще вечером, когда уборщица мыла полы. Она открыла

форточку выветрить запах хлорки. Отошла, видимо, и урод пробрался по-тихому. Потом в зал забежал и под диваном спрятался. Сейчас ушел через основной выход. Я тебе запись скинул, посмотришь сам.

Камикадзе высшего разряда. Интересно будет посмотреть, сможет ли лазить без ног — устрою этой же ночью. Родной папочка манерам не научил, значит, дядя Флойд объяснит доходчиво.

Я тяжело киваю и встаю, чтобы взять Френсис за руку и увезти отсюда. Куплю билет куда-то. Поживет в другой стране, вернется, когда закончу со всеми и во всем. Она, к счастью, переплетает пальцы без нареканий — скорее с нуждой. Альма что-то бубнит в спину, но я не слушаю. Веду девушку, придерживая за талию, сквозь толпу. На улице головой верчу по несколько раз. Банально не хочу, чтобы ее еще раз дотронулись — не допущу. Она садится на передние сиденье, когда открываю дверь. Сажусь сам, завожу машину и тяжело сглатываю от раненого вопроса, прилетающего в профиль.

— Ты наказываешь меня дистанцией, верно?

Я поворачиваюсь к ней и уставляюсь в лобовое спустя полсекунды, потому что выносить тихую отчаянность невозможно.

Наказываю? Это так ощущается?

Слово цепляется крючком под ребра. Не за кожу, глубже. Туда, где все слишком уязвимо — стоило хрупкому вопросу окутать машину, как сразу появился стыд .

Наказываю.

Если бы все было так просто, я бы, наверное, согласился. Наказание — это про контроль. Когда ты решаешь: вот здесь больно, вот здесь следует взять паузу, вот тут надавить сильне. Когда есть цель, логика, даже если она жестокая. А у меня внутри сейчас нет логики. Только мешанина. Поэтому, конечно, нет, черт возьми, ни о каком уроке речи не идет.

— Я за тебя боюсь, — пальцы сжимают руль до побеления, нога плавно давит на газ, — Ты... повела себя глупо.

Она трет веки, которые, вероятно, зудят от количества пролитой соли, и вновь пытается успокоиться — вижу боковым зрением. Через полминуты поражаюсь внезапной фразе, совершенно неуместной.

— Мы не забрали мою кожанку. Она осталась на диванчике.

— Тебя реально это волнует? — выдыхаю через зубы в ответ на понурый тон.

Френсис вяло крутит головой, теперь потирая нос.

— Совсем нет. Мне просто нужно отвлечь мысли, — голос глухой и сломленный, — Что ты... Чем ты был занят в полицейском участке? Так и не сказал.

— Это неважно, — сразу отрезаю, не желая беседовать о том дерьме, — Где находится вторая секта? Обозначь, как их найти.

— Почему тебя вызвали в полицию? — неугомонно вторит.

Матерь Божья, блять, не надо.

— Френсис, сейчас явно, черт возьми, не время, ясно? — нервно выворачиваю руль на светофоре, — Место нахождения ублюдков — я жду. И с какого-то хрена жду долго.

— Для чего ты туда ездил? — шепчет одно и то же с болью, и меня взрывает снова.

— Тебе же не понравится ответ, так зачем ты хочешь знать?! Не съезжай с темы, мы сейчас разговариваем о твоей гребаной молчанке и блядских дегенератах, которые любят писать стишки!

Мы не будем. Я не буду. Знаю, она любопытная, но пусть, ради всего святого, уймется.

Я дерьмо человек — этого достаточно, чтобы усвоить, как обстоят дела. Ошибка выведывать больше необходимого. Есть то, что следует пропустить, и утренняя ситуация приписывается к таким вещам. Тем более там сущий пустяк. Ничего важного. Легкая оплошность.

— Говори или останавливай машину, чтобы я вышла, — ставит ультиматум трескающимся тоном, из-за чего расширяю глаза, — То, что ответ мне не понравится, — причина, по которой я обязана его услышать.

Хорошо. Ладно. Потрясающе!

— Люди устраивали кемпинг, пошли в поход, — отстукиваю через стресс, — Почувствовали вонь из заброшенного дома. Позвонили в полицию. Все.

Я верил, что мне не придется погружать ее в эту часть. Так

и должно было произойти — все кончилось, и старое кануло в пропасть. Но порой прошлое скалится из темноты, как недобитый зверь. Это то, что произошло — я не просчитал все так грамотно, как обычно, и секреты не умерли.

Потому девушка смотрит на меня в искреннем непонимании. Потому я морщусь от потерянных слов:

— При чем тут ты?

— Френсис...

Я не хочу делиться. Она воспримет накрученным образом. Мы разные, и то, что нормально для меня, ошеломляет ее. Нам никогда не прийти к компромиссу в подобном, и сейчас, особенно сейчас, я задаюсь тем же вопросом, что и в начале пути — почему мы вместе и как нам вместе удержаться?

У таких пар скоростной старт и красочный финиш, который наступает ботинком на горло без всякого предупреждения. Но, может быть, судьба сделала для нас исключение. Пожалуйста.

— При чем? — теперь давит, сжимая руки на ремне безопасности.

До встречи с ней у меня всегда был выбор. Что делать, что говорить, как себя вести — решения, которые принимались исходя из личной выгоды. Теперь так не получается. Последние пять месяцев стали уроком, что отныне законом служит слово Френсис. Но в эту ночь... в этот миг я бы предпочел играть по прошлым правилам. Только назад пути давно нет.

— Ты сказала завязать с тем бизнесом, да? — натянуто уточняю, и девушка тревожно сглатывает, — Я завязал. Продал помещение. В подвале у меня оставалось несколько смертников, которые должны были участвовать в мероприятии. Куда их девать? Нельзя выпустить. Они создали бы проблемы, обратились в полицию. Ни мне, ни тебе такого не нужно, — почти оправдываюсь, смачивая губы, пока она прекратила моргать, — Поэтому купил развалюху в степи и поручил одному человеку дело. Он отвез их туда, посадил в погреб. Дом записан на меня, я же его приобрел. Поэтому вопросы полиции ко мне — почему там трупы. Ничего значимого.

У нее отвисла челюсть.

О чем и говорил. Проблемы не произошло, но Френсис ее прослеживает, отчего в груди раздается дрожь. Ничего бы не всплыло наружу, сожги я тот дом раньше. Собирался ведь на днях, руки никак не доходили, откладывал, оттягивал и поплатился. Нет, не разговором с полицией. А этим разговором. Между нами. В машине, из салона которой я вдруг хочу сбежать.

— Почему они не могли выйти из погреба? — ее голос опускается до замершего шепота.

Я кривлюсь бровями и вскидываю рукой, когда неуверенно отвечаю:

— Ну, потому что их немного связали?

— Немного? — мгновенно переспрашивает в треморе.

— Что ты хочешь? — резко выдыхаю, — Я не убивал! Это мелкая неприятность!

Френсис раскрывает рот и шокировано восклицает:

— Ты не убивал?! Серьезно? Тогда из-за кого они умерли?!

— Боже, блять, не моя вина, что они дохнут от голода и жажды! — парирую громче, — Это погрешности природы, за которые точно не меня бить палками!

И в чем я неправ? Мы живем не в сказке, нельзя просто выпустить злодея из клетки и верить, что он не замыслит заточить тебя в ту же клетку позже. Френсис просила прекратить лить кровь, и я послушался. Ни в кого не стрелял, не душил, не пытал, даже правосудие над Гектором вершить отказался! И что, из-за шестерых жмуриков в погребе снова окажусь извергом? Это нечестно.

Ночь города мелькает за окном, огни отражаются в боковых зеркалах Мустанга, когда сворачиваю на парковку. У нас нехитрый план — взять ее паспорт, собрать небольшой чемодан и поехать в аэропорт. Отдохнет где-то в Испании, Италии или Греции — куда пальцем ткнет. Прилетит, когда Нью-Хейвен снова станет чистым. Без мерзких белых клопов.

— Страшнее всего то, что ты реально ни черта не понимаешь суть вещей, — разочарованно произносит, как только вынимаю ключи зажигания.

Меня это злит. Если кто-то здесь чего-то не понимает, то

точно не человек за рулем. Раздражение до сих пор кипит в горле.

— А мне страшно от того, что женщина, с которой я искренен, скрывала потенциальную опасность, — перевожу тему на насущное.

Девушка прыскает:

— Действительно, у меня же не было причин.

То есть я заставил ее лгать? Она это серьезно?!

— Да мне плевать на причины! — нервно ударяю ладонью по рулю, — Я не хочу девушку-лгунью, Френсис, ты не имела право скрывать это!

— А я не хочу парня-убийцу! — выкрикивает в ответ со злобой.

Тогда я выдаю басом самое необдуманное и тупое:

— Хорошо, значит, мы оба друг друга не хотим!

Салон авто сжимают тиски тишины. Как если бы корпус сминался, стекла лопались, механизмы ломались. Но все целое. И это странно — катастрофа ведь случилась, а мир выглядит нетронутым. Только воздух становится тяжелее. Вязкий, как масло, и его приходится буквально глотать.

Френсис молчит. Я чувствую голубой взгляд, но не поворачиваюсь. Не могу. Не хочу. Боюсь наткнуться на какой-то итог — край ее печали, решение расстаться или, что хуже, равнодушие, созданное из разочарования.

Фраза вышла случайно. Это не чистосердечное признание. Конечно, я ее хочу. Всегда и во всем. Я... я просто, про-

сто ляпнул. Как скотина — Альма верно выразилась. Конченый ублюдок. На эмоциях. Ничего схожего с правдой. Я не нарочно. По-глупости. Не убеждаю самого себя, а говорю истину. Френсис нужна. Зачем... зачем тогда выдал иное?

Руль под ладонью холодный, пальцы дрожат. Я чувствую, как покрываюсь ледяным потом, и замечаю, что не дышу, конкретно напуганный собственным поведением и последствиями. А следом почти рушусь от горького и ненавистного, полуглухого:

— Пошел ты.

Она бегло отстегивает ремень и дергает ручку, чтобы вылететь на улицу и хлопнуть дверью. Моя хлопается так же быстро — матерюсь на самого себя и сжимаю ключи в руке, когда спешу за удаляющейся фигурой. Нагоняю за две секунды. Обнимаю за талию и шиплю, ведь предплечье тут же упрямо бьют, скидывают. Асфальт скрипит под ее мельтешащими движениями: избегает, стремится к подъезду, безмолвно толкает в бок каждый раз, когда пытаюсь дотронуться. Но любящего мужчину прогнать непросто. Нужно потрудиться больше. Поэтому я ругаюсь под нос от нового удара в грудь и подхватываю ее тело, закидывая себе на плечо. Разумеется, получаю тонну брани:

— Не смей меня так брать, ты, гребаный мудак! Поставь на землю!

И она ничуть не шутит. Не та, кто притворно вырывается. Нет, здесь серьезно. Я прикладываю ключ к двери и удушли-

во мычу от укуса зубов в спину и ударов коленями по торсу — совершенно грубых и точечных.

— Френсис, прекрати! — тихо рычу, толкая дверь на себя и кряхтя от второй серии ударов, — Френсис!

Я хватаю ее крепче, ведь она вот-вот свалится из-за того, как ворочается. Упирается в мою спину руками, бьет кулаками и долбит ногами — бесконечно, будто сражается с настоящим маньяком. Я бы похвалил за такую ярость в любой другой ситуации. За то, что не замирает, не плачет, не превращается в удобную тишину. Но сейчас это бьет по мне — и, блять, можно поласковее?!

— Да успокойся ты! — выдыхаю сквозь зубы, чувствуя, как сбивается дыхание.

Дверь с глухим щелчком закрывается за нами. Подъезд встречает прохладой и эхом — каждый удар, каждое резкое движение отзывается в стенах, будто мы устроили здесь драку, а не... что это вообще? Как назвать?

Кошечка не прекращает. Вертится и дербанит кожу сквозь ткань поло, отбивает почки, пока моя задача состоит в том, чтобы удержать и зад при этом прикрыть — юбка-то не до колен. Оттягиваю ткань, лишь усиливаю хват на теле, тыкаю по кнопке лифта раз пятнадцать — пусть, сука, уже приедет.

Он на последнем этаже.

Конечно, именно сейчас ему нужно оказаться там.

Я протяжно выпускаю кислород через нос и прислоняюсь лбом к холодной стене. Стою неподвижно, в то время как

девушка продолжает брыкаться — не хаотично, а с расчетом. Колено — в бок. Локоть — в спину. Носок обуви — попытка дотянуться до паха, но вот за этим слежу особенно сильно. Мне еще нужны эти яйца. Ей, к слову, тоже. Хотя бы тут могла бы сжалиться.

— Хватит уже... — хрипло произношу и перехватываю ее выше, почти под ребра, чтобы зафиксировать корпус.

Лифт приезжает, и я стону, потому что, как только делаю шаг, ее носок все же прилетает между ног, не так сильно, не успела замахнуться нормально, но, блять, боль отдает аж в позвоночнике. Это вынуждает внести правки в тактику — я жму на кнопку нашего этажа и, как только двери закрываются, резко меняю положение. Прижимаю ее спиной к стенке так быстро, что она осознать не успевает, ресницами своими красивыми хлопает часто.

Невообразимо, черт возьми, красивая.

Подпираю бедра своими бедрами и цепляю подбородок пальцами, прожигая ее глаза своими глазами, хотя знаю, что проиграл — она осматривает мое лицо с настоящим укором, который без лишних слов ставит на колени.

Удар еще гудит где-то внутри, расползается тупой болью, но я уже не реагирую. Не до этого, хотя и благодарен, что близость наших тел не дает пространства для схожего маневра.

Дыхание у нас сбивается в один ритм — короткий, резкий. Поднимающийся металл отзывается глухим звоном —

этот грубый звук соответствует взгляду напротив. В ней нет ни страха, ни слез. Только злость — чистая, горячая. И я пытаюсь победить, так как сам пропитан гневом, — вообще-то, не ей устанавливать правила. Наклоняюсь ближе, но она не желает отвернуться. Мои низкие буквы упрека тоже никак не сбавляют пыл девушки.

— Довольна? — наши губы почти соприкасаются, дыхания соединяются в одну гремучую смесь, — Или еще хочешь меня добить?

Она задирает нос, дергая головой, пусть это и не помогает убрать мои пальцы. Выдает такое же тихое, но... поражающее.

— Кажется, доволен ты, потому что в мое бедро упирается однозначное доказательство, — я сглатываю и чуть ерзаю, дабы отодвинуть гребаный вставший член, на что Френсис негромко фыркает, — Правильно, прекращай, потому что меня больше не получишь. Ты же не хочешь, так? Сам сказал. И я имею достаточно сил, чтобы послать тебя после такой дерзости. Хотя... стой. Это ведь то, что я и сделала, — замечание заставляет челюсть сжаться, а девушка гравирует вновь, — Но если ты не услышал, повторю: пошел ты в задницу, Флойд Маккастер.

Я ее трахну. Сейчас, в квартире. Я трахну ее чертовски грубо и хорошо в ответ на то, как красиво она только что трахнула мое сердце.

Глаза спускаются к красивым губам, и мозг выключает-

ся, поддаваясь мощнейшей жажде — я целую ее так глубоко и жадно, словно остервенел от голода. Виной всему неудачный оргазм — вернее, его отсутствие. Это тянется больше суток, она была слишком вкусной в клубе, хорошей девочкой, ожидающей своего мужчину в грешном наряде, отчего голову сорвало с концами. Планировал отвести в укромное место и выдолбить из девушки все до последнего стона, но не вышло, и сейчас стону только в одиночку — из-за долгожданного контакта. Сладость ее рта опьяняет, заставляет забыть, что произошло, и приказывает раскаиваться, становиться лучше. Но лучше — не значит приличнее. О такой черте характера речи идти не может — у меня ее попросту нет. Потому рука ползет под кофточку и сжимает грудь под тканью за секунд. Теперь стон льется не только с меня. Она упирается в плечи, не отвечает на поцелуй, однако морщится, так как ответить хочет — рот открывает, позволяет выцеловывать дюймы и впускает язык с дрожью.

Я бы вошел в нее прямо тут, если бы не двери за спиной, которые распахиваются и услужливо напоминают, где нахожусь. Если бы не звук прибытия на этаж, если бы не шум за спиной, не отдалился бы ни за что. Тем не менее приходится. Плавно. Сложно. Заглядываю в ее глаза и осознаю, что теперь мы оба поникли. Настроя трахать хоть отбавляй, но есть огромная проблема — этого настроя нет у Френсис. Она отводит голову, упирается в грудь, дабы выпустил, и, когда выпускаю, понуро шагает к квартире, опуская кофточку по-

ниже.

Идиот.

Протираю лицо и выхожу из лифта, подбирая на связке правильный ключ, открываю дверь. Видимо, этой ночью у нас начался тот самый этап отношений, когда вы ссоритесь, как собаки, и вечно друг друга упрекаете. Буквально: еще утром все было хорошо. Сейчас раздрай.

— Знаешь, что самое ужасное? — бормочет с толикой претензии, стаскивая обувь, — Я тебя жалела, когда на части рвало обоих. Ты меня обижал, потом историю жизни рассказал, и я тебя на груди пригрела, утешала. А ты, когда стал очень нужен, ударился в злобу и разборки, отвергал...

— Я тебя не отвергал, — настойчиво заявляю, закрывая за нами дверь и подходя впритык, снова беру за щеку, говорю без злости, твердо, — Я умыл тебя, обнимал, целовал, шептал о любви, пока ты не сказала, что в курсе, как это получилось...

— Ты был необходим мне и тогда, — перебивает, желая улизнуть, но я двигаю ее ближе, крепче.

— Я был с тобой и после. Обнял, когда уйти хотела. Прижал к себе, — произношу чутче, склоняюсь ближе к неуступчивому лицу, — Гладил. Ругался, но гладил. Держал, лелеял руками. Ты сама отошла, а все это не про мои попытки дотронуться, когда вырываешься, не тот случай. Все это про долбаных сектантов, Френсис, про то, что они тебе навредили.

Она жует припухшую от поцелуя губу и думает, прежде чем обреченно выдохнуть, словно не знает, что тут сказать и сделать — ей больно, и это оправдано. Я ненавижу то, что они сотворили. И намерен доходчиво дать им вкусить, что такое страх. Но пока занимаюсь более важным — целую в лоб и нос так мягко, как позволяет подкожный призыв убивать. Диктую инструкцию:

— Собирай небольшую сумку вещей. Прими душ, если хочешь. Поедем в аэропорт, я куплю тебе билет, и ты улетишь на время. Вернешься, когда со всем разбер...

— Ты вообще больной? — не разрешает договорить, вылупляясь в шоке, — Башкой поехал.

Упрямая, мать ее, женщина. У меня самая упрямая женщина на свете!

Я чертыхаюсь и закатываю глаза, как только она отталкивает меня и идет на кухню — явно не туда, куда послал. Одежды, как и чемодана, у холодильника нет. Мы не там, блять, храним.

— Френсис, это для твоей безопасности, черт возьми, — упираю руки в бока, вешая нос, — Ты не понимаешь, что происходит? Они знали, где мы будем находится. Вели за нами слежку. Неизвестно, сколько дней, но это происходило. Находились рядом, наверняка подслушивали разговоры на заднем дворе дома, стояли где-то за забором — там мы обсуждали поездку в клуб снова, другого источника информации у них быть не могло...

— Я ребенок, по-твоему, или тупая? — снова пресекает, ставит кружку воды на стол, после глотка, — Конечно, я понимаю. Они готовились. Мальчик был в обычной одежде, не в белой. У них есть план. Какой-то извращенный план. Я догадываюсь, Флойд. Но никуда не поеду. А ты никого не убьешь.

Господь, да почему?!

Да, помышлял трахнуть ее во время поцелуя в лифте, но очнулся — она мозги плавит, сбивает с курса. И я не собьюсь вновь. Держите ее от меня, пожалуйста, подальше — на одну ночь.

— Ты поедешь, а я убью, — опровергаю, смотря на нее без шанса поддаться, и вижу, как Мяу запрыгивает хозяйке на руки, когда та присаживается на секунду, — Вдвоем поедете. В безопасное теплое место. Точка.

Я дал клятву не заканчивать людей, но сектанты начали первыми, и, в общей сложности, к людям их приписать сложно, так что обещание не нарушится. Главное — не делать все таким сложным. В этом девушка со мной категорически не согласна.

— Ты не можешь просто отослать нас, как ненужных щенят...

— Как очень нужных котят, — исправляю и шагаю навстречу, — Могу. Потому что забочусь. Потому что я должен заботиться нормально, Френсис, никаких полумер.

Она запрокидывает голову. Морщится. Устала. Мы стоим

друг напротив друга, между тел стол. Нам пора закончить споры. Поступить, согласно плану, и выдохнуть в облегчении. Дерьмо случается, но оно решается. Тут решение таково, иного нет.

— Я уже бежала от них, — щемяще произносит, — Я бежала, но они догнали сегодня. Не побегу снова. У меня здесь все. Ты и Альма. Дом. Никакой сектантский выродок не станет разрушать мою жизнь. Настало время прекратить прятаться и озираться, я выросла и стала смелее не для того, чтобы вновь скрыться, — она опускает подбородок, расстроено вглядывается, переходит на шаткую мольбу, — И не повторяй, что убьешь детей. Я понимаю, ты зол, эмоции бурлят. Но перестань. Не надо давать мне думать, что человек, которого люблю, способен вырезать толпу маленьких девочек и мальчиков. Не разбивай мне сердце, Флойд Маккастер, прошу, не поступай так жестоко.

Вот и что она вытворяет?

Дарит повод прикрыться фразой «да, переборщил»? Но я не перебарщивал. Хочу их убить и возраст не мешает. Никогда не расправлялся с детьми, однако не ставил запрет на данные казни. У меня нет такого принципа. Раз сто подчеркивал, что дерьмов, а потому удивляться бесполезно.

Мои кулаки упираются в стол. Взгляд сцеплен с ее поникшим. Вот так определяется наше будущее? Правда? Прошлую ночь мы трахаемся под травкой, а в эту на грани разрыва? Почему отношения не способны быть проще?

Потому что ты не мог ожидать, что хорошее продлится долго, Флойд, ну явно не с тобой и не с таким, как ты. Твое бремя в другом.

Не следовало размякать. Покоиться в ее нежных руках и забыть, что проведу жизнь без них. Просто... это было так потрясающе... Это был мой рай и мой дом. Так глупо... ужасно глупо уверовать, что все навечно.

Я коротко содрогаюсь в мышцах и часто моргаю, прежде чем трудно проговаривать то, что вынуждает девушку ранимо сжаться.

— Твои шрамы на спине. Не знаю, что ты думаешь обо мне, Френсис, но позволь пояснить. Секта причинила тебе боль, когда меня не было рядом. Исполосовали спину. И они причинили тебе боль, когда я рядом был. Сегодня. Мне не нужно ждать чего-то еще. Я не надеюсь на лучшее. Я делаю так, чтобы лучше стало. И лучше от того, что ты останешься в Нью-Хейвене, не будет, — мой торс чуть склоняется вперед, а горло першит, вровень ее поблескивающим глазам, — Каждый раз, когда я касаюсь тебя, когда ты подпускаешь меня к себе, доверяешь и открываешься, каждый раз, Френсис, чувствуя твои шрамы пальцами, я прекрасно помню, по вине кого они появились. Не из-за проповедника. Не из-за отца или матери. Они появились на тебе из-за меня. Потому что я тогда не приехал. Проспал. Не забрал тебя раньше, пусть насильно, пусть против воли — но я не забрал, проявил мягкость, терпение, за что поплатилась ты. Поэтому, если я ка-

жусь тебе больным, если считаешь, что у меня поехала башка — хорошо. Но я увезу тебя, чтобы не повторять прошлую ошибку. И даже если после ты меня не захочешь, я все равно не изменю мнение, что поступил правильно, ведь ты будешь живой, здоровой и невредимой в момент, когда расстанешься и уйдешь навсегда. Это гораздо важнее.

Вот и все. Конец. Хуже, чем смерть. Хуже, чем пытка. Слово «ад» и то маленькое в сравнении с горем в груди.

Знаю, что строю систему, где согласие девушки становится вторичным по отношению к моей уверенности. Это несправедливо, однако я не хочу опять оказаться тем, кто опоздал.

Иногда тебе, как мужчине, не предоставляют других путей. Есть только выбор приоритета: быть с Френсис сейчас, уважать ее решение или вмешаться и потом потерять кошечку, но считать, что сделал все, чтобы защитить.

Самое неприятное — я не могу совместить это.

Я не могу и сохранить отношения, и сделать так, как считаю правильным с точки зрения ее безопасности. Приходится выбирать одно. Торможу на озвученном потому, что люблю ее сильнее, чем идею «нас», как бы больно ни было.

И пока я «хладнокровно» раскладываю реальность по полочкам, Френсис выглядит совсем иначе. Не рационально и не взвешенно. Она живая. Настоящая. С этими растрепанными светлыми волосами, с намокшими длинными ресницами, взглядом, где хранится тихое отчаяние, изнеможение,

страх и любовь. Она... искренняя до болезненности. Любимая, нежная и самая хрупкая. Лицо, отличающееся от всех лиц в мире — не потому, что красивее, хотя, да, красивее, а потому, что оно поразительно полное из раза в раз. В нем никогда нет пустых зон, все чем-то наполнено. Сейчас — сопротивлением, потерянностью и анализом.

Любовь в таком объеме и в такой форме не помогает принять решение, она только делает цену любого шага невыносимой. Если я защищаю, то теряю Френсис навсегда. Если не делаю ничего, рискую тем, что не смогу потом себе простить, когда с ней что-то случится. И между этими двумя потерями все же есть правильная сторона. Для меня есть.

— Я... — скомкано лепечет она, стараясь подавить слезы, вытирает глаза невпопад и уязвимо трясет головой, — Я не знаю, Флойд. Не знаю, что тебе сказать, извини. Мне нужно в душ, а потом отдохнуть. Утром поговорим. Отложи это на утро, прошу.

Я опускаю веки и ненавижу себя за то, как ей плохо. Ненавижу за то, что не изменю ничего, кроме переноса момента расставания. За то, что даже не лягу с ней спать в одну постель, дабы не потерять контроль.

Глава 2

Френсис

Никто не учил меня женской хитрости. Но однажды, в подростковые годы, я получила нечто другое — короткую историю, которую отец рассказывал маме ночью на кухне нравоучительным тоном. Прежде это знание казалось бесполезным — что есть что нет. Сейчас оно дало подсказку, как быть.

«Мужчина шел по степи, когда внезапно ему встретилась свирепая вшивая псина. Он сжалился над оголодавшим животным, пришибленным солнцем. Отломил еду из припасов. Собака жадно съела все до последней крошки и пошагала вслед за человеком, по пятам. Он не хотел брать грязь — покоцанную, справедливо отвергнутую всем миром, безнадежную. Но псина привязалась намертво, ничего не помогало прогнать. Так что мужчина взял ее с собой — от безысходности, а не от великого желания, — и с тех пор она была ему верна. Кидалась на всех яростно, выглядела злобной, какой и предстала перед ним в первую встречу. А наедине с человеком превращалась в ласковое создание. Никогда не предавала, сидела у ноги и исполняла команды. Так и ты знай: женщина — убогая тварь. Но тварь эта обязана быть подле ног, проявлять благодарность за то, что дают кров, еду, а не бьют палкой. Вам рычать запрещено, в этом вы не похожи,

однако гнили в женщинах не счесть, и вы скалились бы, если бы вас не воспитывали. Потому поклоняйся мужу и за это».

Я не считаю себя мерзостью. Ни одно из тех ужасных слов не приписываю к естеству. Но теперь чувствую, что бессонная ночь в тишианском домике прошла не напрасно, не зря случайно подслушала. В словах отца вдруг обнаружилось что-то общее с тем, чем живу и дышу.

Флойд стал для меня тем самым единственным человеком, которому всецело доверяю телом и душой. Я росла в ненормальных условиях. В общей сложности была неприкаянной тихой дикаркой. Он появился, проявил милосердие, и это то, что произошло — прибилась вплотную отчаянно, планирую не отлипать до конца отведенных дней. Никому другому бы не открылась всецело. Точно не легла бы под кого-то в городе, даже если бы мы не познакомились — банально бы отвергала идею из-за страха и неприязни. А он... Он — это он. Я ему отдана по собственной воле. Словно так и было предначертано свыше, будто в этом и состоял смысл.

Потому буду бороться за нас, когда мужчина отказывается. Знаю, все гораздо сложнее, Флойд не просто исчезает, а видит данный вариант единственным выходом. Но для меня это не выход. Гибель. И для него тоже, вне сомнений. Значит, не позволю разрыву случиться — то есть не разрешу ему убивать детей, ведь в ином случае сама расторгну отношения навсегда, не пересилю страх, не разгромлю образовавшийся фундамент ориентиров и взглядов...

Кровь, кровь, кровь, кровь на лице, на мне, все на мне, кровь, я в крови, кровь, кровь, кровь...

Панически трясу головой, жмурюсь и прижимаю большие наушники к ушам плотнее, покачиваясь из стороны в сторону. Опять. Сбилась. Флойда нет. Вернее, есть, но в гостиной, за стенами. Не заходит в спальню все последние часы с того злосчастного разговора. Наверное, спит. Я не могу. Никак. Сижу на постели, согнув колени к подбородку, накрываюсь одеялом, слушаю музыку бесконечно, лишь бы не оставаться в тишине, потому что сквозь нее слышится тот жуткий издевательский смех.

Мне страшно. И мне нужно стать сильнее, чтобы у нас был шанс продолжить быть вместе.

Если Флойд увидит, в каком нахожусь состоянии, убедится бесповоротно, что не вынесу нового инцидента с сектой, его потом не переспоришь ничем и никак. Я не имею права просто сидеть и плакать, если планирую уговорить поступить иначе. Важно показать себя смелой, непоколебимой. Стойкой.

У меня нет выбора.

Я собираюсь твердо заявить, что морально готова к последующим нападкам, они напугали в первый раз, однако во второй не получится. И обозначу дополнительные опорные вещи. Флойд убьет за меня без промедлений, как только застанет дикие слезы, тремор, вой. Ну, в целом, это то, что он и лицезрел, это то, что он и наметил в первую же секунду.

Поэтому я обязана перевернуть картину происходящего. В противном случае ничего не предотвратит перелет в чужую страну, убийства и разрыв.

Я распахиваю ресницы. Мгновенно натыкаюсь на алую жидкость, пропитывающую матрас. Проглатываю панику. Поднимаю дрожащую руку и намеренно стараюсь окунуть ее в густой жар на постельном белье. Сначала не получается — безмолвно истерю, роняю слезы. Потом заставляю себя угомониться. Плавно касаюсь месива. С отвращением ныряю пальцами. Кожа приобретает красный оттенок, омывается противным теплом. Запах железа — он тоже повсюду. Голова идет кругом. Прекращаю дебютную попытку. Вытираю руки об ворот рубашки, ведь только он, вроде бы, чистый. Вновь закрываю глаза. Вслепую увеличиваю громкость незнакомой песни. Заставляю мозг абстрагироваться, вернуться к здравости.

Все должно стать машинальным — потому по возможности не обращаю внимание на чувства, не копаюсь. В наилучшем исходе схема следующая: вижу кровь, глючит, и отношусь, как к обыденности. Спокойно касаюсь предметов, не вызывая подозрения. У меня получится, если практиковаться, собраться духом. Впрочем, мотивация мощная — облажаюсь, и пиши-пропало.

Я боюсь потерять Флойда гораздо сильнее, чем купаться в венозной крови и терпеть выходки секты. Такова истина.

Что касается его рвения убить детей... Справедливо бу-

дет признаться в том, что делает меня ужасным человеком. Честность — основа адекватного самоанализа. И я не святая — множество раз доказывалось. Несмело каюсь: те мальчики и девочки не особо заботят сердце. Двадцать лет родители навязывали мне идею родить ребенка. Потому сейчас я не питаю к ним особой симпатии. Любые дети — они не вызывают отторжения, но и не воспринимаются как нечто близкое или необходимое. Скорее как часть мира, которую я осознаю умом, но не чувствую внутри. Как ветер за окном: знаю, что без него нельзя, и тем не менее он не трогает меня, если не касается напрямую.

Порой кажется, что в душе отсутствует какой-то невидимый механизм, отвечающий за эту привязанность. Люди вокруг говорят о тепле, о безусловной любви, о странном, почти болезненном желании защищать и оберегать. Я слушаю и словно изучаю чужой язык. Разбираю слова, но не улавливаю сути.

Поэтому, да... Я не испытываю к маленьким сектантам какого-то определенного чувства, кроме страха. Здесь запрет расправы строится на том же основании, что и к взрослым. Сам факт убийства — не норма. А убийства толпы детей — безумство. Быть с Флойдом после подобного ни в жизнь не получится. Руки его ощущать на теле не смогу, лица не вынесу.

У вас когда-нибудь бывало чувство, будто внутри есть граница, которую нельзя перейти, даже если сердце тянет в дру-

гую сторону? Когда один человек становится для тебя центром мира — опасным, неправильным, но все же центром — а за этой границей лежит то, после чего уже не останется ни тебя прежней, ни того, что ты могла бы оправдать?

Я думаю об этом чаще, чем сознаюсь. Потому что страх потерять Флойда — это страх остаться без якоря, пусть даже этот якорь тянет ко дну. Но есть вещи, которые тяжелее данной потери. Есть поступки, после которых любовь перестает быть убежищем и становится чем-то уродливым, искаженным до неузнаваемости. Я никогда не смогу побороться с подобным, что-то скрасить, изменить.

Так чертовски хочется пригреться на его груди. Так невыносимо хочется. Он мне нужен.

Однако я не могу прийти с этим жалким «защити-спрячь-утешь». Отныне нет. И тут все абсолютно справедливо. Не нравится то, что тебе предложили, — будь добра скорректировать подход. Я же буквально выбора ему не оставлю: как он «сложит мечи», если рыдаю в ужасе. Конечно, мчится устранять очаг проблемы. Так что Флойда ни в чем не виню в отношении моего решения стиснуть зубы и окрепнуть. Мне полезно. Правильно. На то оно и мое решение в конце-то концов.

Мучает, что план стать сильной не отменяет нужды обернуться слабой в его руках. Я пока не знаю, как со всем справиться. Совсем не знаю. К нему хочу.

К тому же Морис терзает. У него, похоже, бессонница.

Развлекается. Подобрал момент, когда особенно уязвима.

От кого: Мой Друг.

«То есть из-за тебя я вынужден оплачивать починку двери кабинки? И терять гостей, которые хотят справить нужду, но туалет закрыт?».

Я прочитала сообщение стеклянными глазами. Вытерла их и полезла в банковское приложение. Запуталась. Гуглила. Разбиралась. Научилась. Перевела ему по номеру телефона десять тысяч долларов. Не в курсе, сколько стоит замена двери. Тем более не знаю, каков размер моральной компенсации. Понадеялась на чудо — мол, хватит. Но через две минуты получила деньги обратно вместе с новым посланием.

От кого: Мой Друг.

«Я не просил этого. И не смей снова так поступить».

Вникать не пробовала. Не ответила. Потом, спустя полчаса агонии из-за крови вокруг, необдуманно написала:

Кому: Мой Друг.

«Ты был бы рад, если бы он убил меня сегодня в клубе, да? Без колкости спрашиваю. Просто... хочу знать, что ты чувствуешь и думаешь».

Морис прочел не сразу. Когда открыл чат, долго думал. Немного погодя вышел из сети и снова не появлялся. У меня не нашлось сил размышлять еще и об этом точно так же, как и о причине вызова Флойда в полицию. Потом. Не все сразу.

Мяу рвалась на постель: улечься рядом, почувствовать ласку. Я не могла дать ей ничего путного. Не из-за того, что

не хотела, ведь хотела очень, а из-за того, что тряслась от идеи крови на ней. Она заскочила лапками на постель, и шерстка сразу стала алой, мокрой. Потому беззлобно прогнала рыжую дурочку. Она обиделась. Справедливо. Знаю, кровать чистая в реальности, но для меня она алая, и я никак не справляюсь. Устала сидеть, легла набок в наушниках, и они забарахлили из-за того, что густая жидкость попала в амбушюры. Пришлось вернуться в прежнее положение.

Мне больно.

Я думаю о секте. О том, чего они хотят и как отныне поступят. Их традиции — мои традиции в прошлом. Если кто из нас с Флойдом и способен предугадать действия уродов хотя бы частично, понять цель, так точно не парень.

Тишианцы увлекаются повешением — давно не секрет. Они хотели сделать это со мной за связь с мужчиной в амбаре. Удалось сбежать, вылезти из петли. А теперь... Веревкой не ограничится, как и розгами. Грядет нечто гораздо серьезнее. То, как наказывали в сарае, — цветочки.

Люди в белом сломали меня изнутри и снаружи так, что даже на свободе я долго оставалась их собственностью — в мыслях, в страхах, в привычках. И до сих пор это не ушло насовсем. Проявляется в мелочах. Например, в тоне голоса. Если Флойд общается чуть суровее, — не со мной, а с кем-то по телефону, — в груди образовывается отголосок тревоги. Секундный, конечно. И все же он есть. Боюсь, что мужчина спустит стресс на того, кто под рукой. А в квартире только

мы с Мяу, но последнюю он точно ни за что не тронет. Выбор остается невеликим. Или взять начало нашего сожительства. Когда ступни зажили, я ловила себя на том, что считаю шаги от двери до окна, от стола до дивана, от кровати до шкафа. Пять с половиной, три с четвертью, шесть — если не торопиться. Семь, пять и восемь — если босиком и тихо. Я запоминала, где скрипит пол, хотя в этой квартире ничего не скрипит. На всякий случай, дабы не пройти там, где шумно, если Флойд будет зол. Сейчас усвоила, что не накажут, даже не подумают, скачи, сколько душе угодно. Но те вызубренные вещи не исчезли из памяти. Все еще храню их в голове — как идиотскую инструкцию, которую никто здесь и не требовал.

Я могу трахаться с ним, как в последний раз, могу проявлять характер, и, да, абсолютно верно, двадцать лет опыта во многом стерлись в порошок. И все же порошок остался. Его не подмести, вровень песку на старом полу. Орудуешь метелкой, а частички застревают меж деревяшек навечно. Ты не сбежишь от того, кем был долгое время.

Можно выучить новые правила. Можно жить иначе, говорить громче, спорить, не опуская глаз. Можно позволить себе страсть, эйфорию, шум. Все это — настоящее. Мое настоящее. Но минувшее не уходит. Оно просто перестает быть главным.

Иногда я думаю о себе, как о неумело восстановленном доме после пожара. Стены стоят, крыша возведена, внутри

реально жить. Вроде бы все хорошо, если игнорировать минус. Стоит легонько провести ладонью по подоконнику, и пальцы станут серыми. Сажа въелась. Не бросается в глаза, пока не присмотришься.

Тишианцы вышли из себя с концами, увидев, что я построила свое настоящее на пепелище. Их не устраивает данный расклад.

Хотя, правильнее сказать, данный расклад не устраивает конкретного человека. Того, кто всегда являлся для меня самым страшным монстром на свете.

Салливан Дик.

И вот, к чему я клоню, оттягивая мысли, прикрываясь посторонними размышлениями. Он не остановится, пока не добьется поставленной задачи. Ни при каких обстоятельствах.

Я видела отца Сралли немалое количество раз. Мужчина был главным проповедником в нашей общине, пока сын не подрос, чтобы занять пост. После этого, в мои шестнадцать лет, Салливан ушел во вторую секту для детей, предоставив место пресвитера тому, кто уже мертв от рук Флойда. И, что тут сказать... Как бы выразиться мягче... Он любит своего ребенка. Слишком. Потому охота за мной — не просто часть наказания за побег. Это месть.

Сейчас семь утра. Я слезаю с вымокшего горячего матраса, чтобы тихо сходить в душ перед сложным диалогом с Флойдом. Разговором, определяющим наши судьбы. Либо

вместе, либо порознь.

Придется отмываться триста лет, поэтому шурую под воду так рано. Кровь шаркать долго. Она, ко всему прочему, и из лейки порой льется. Замкнутый круг.

Привыкни ты, наконец, хватит ныть.

Оттягиваю прилипшую алую рубашку от тела, хлюпаю по полу и забираю из шкафа чистую домашнюю одежду — тоже рубашку и тоже белую. То, что предоставил Флойд в нашем начале. Если он отправит меня за тридевять земель, увезу их с собой. Они уже не его. Пусть зарубит себе на носу.

Выхожу из комнаты тотально утомленная, как вдруг застываю от поворота головы с дивана. Он... он не спит. Сидел, тупился в пол, вероятно. Глаз не сомкнул, потому что в степени тяжести ресниц мы идентичны.

Я шатко сглатываю, пока Флойд смотрит на меня с толикой скорби, прежде чем отвернуться. Протирает лицо и тихо задает вопрос, который до ужаса, мать вашу, бесит.

— Ты собрала чемодан перед сном?

Неплохой, кстати, план: собрать его чемодан и вышвырнуть за порог. Только положить внутрь одни носки, а нынешние вещи содрать. Пускай ходит по подъезду и на улице с голой задницей. Такой урок станет доходчивым?

Я выдыхаю, ведь не собираюсь ругаться вслух. Тактика иная. Криком ему ни черта не объяснишь в сложившейся ситуации.

— Я не спала, — отвечаю не грустно, а ровно.

Он молчит. До сих пор избегает поворота головы. Кивает сам себе, словно наивно надеялся на другое, и хрипит новое мудачество спустя двадцать секунд.

— Собери его сейчас, если не собирала. Нам выезжать в аэропорт через два часа. Я купил билет на Мальдивы. Там тебе будет тепло, красиво и спокойно. Мой помощник и персонал позаботятся обо всем — договорился.

Интересно, душить людей легко? Есть ли особая схема? Или достаточно схватит за горло, трясти, давить, зажать нос? А просто ли оторвать член? Я имею в виду... зачем он Флойду нужен, если расстанемся? Разве мне не положено получить какую-то компенсацию за растерзанное сердце?

Я жмурюсь и собираю остатки сил, когда вдруг замечаю... чистую рубашку. Нет, не ту, что в руках, а ту, что надета. Кровь стекает по ногам к полу. Вещь снова белая.

Флойд.

Вот, в чем неумолимый факт: с ним это проходит, пусть в первый раз по его вине и получилось. С него и началось... Однако лишь присутствие парня способно убрать данный ужас. Он был нужен мне в те дни, когда бросил. И я не позволю бросить опять хотя бы потому, что с недавних пор убеждена, как сильно необходима в ответ.

Вбираю кислород и шагаю к дивану. Как только оказываюсь напротив, он неуверенно двигается по обивке, до сих пор таращась куда угодно, лишь бы не на меня. Считает, что сяду сбоку. Ага, разбежалась, конечно. Это мое место — он. Где

хочу, там и располагаюсь.

Потому кладу ладони на каменные плечи, отчего мужчина сразу вздрагивает, а следом аккуратно сажусь на его колени, перекидываю ногу, и вот тут он уже не только дрожит, но и шокировано раскрывает рот. Панически вертит носом, пока устраиваюсь поудобнее, и лепечет с задыханием:

— Я не... нет, не надо, это... — парень даже не касается, неловко прячет собственные руки и обескуражено мечется взором, отвернувшись, — Я... Я не разрешаю... Слезь.

О как. Ого.

Ну, скинь меня сам? Силенок хватит физических. Но не моральных.

Это мое преимущество.

Я наклоняю голову вбок и плавно осматриваю его снизу вверх — от напряженных пальцев, сжатых в кулаки у бедер, к застывшей линии плеч, к шее, где заметно бьется пульс. И только в самом конце к лицу, которое он упрямо прячет.

Какой дурак. Ну вот серьезно смешит.

— Не разрешаешь? — тихо переспрашиваю.

Флойд вздрагивает еще сильнее, будто сам звук моего голоса — уже прикосновение.

— Да... — выходит глухо, неуверенно, — То есть... Да, прекрати, пожалуйста, иди собери чемодан, — он закусывает губу и добавляет тверже для того, чтобы оттолкнуть словами, — Мне пора ехать убивает детей, тебе нельзя опоздать на рейс.

Это моя жизнь. Без юмора...

«Мне пора ехать убивать детей».

Сказано без напыщенности или агрессии — так, всего-то небольшое дельце в рутине. Спуститься в магазин, купить молока, сварганить омлет и немного порубить ребятишек. Самый обычный разговор влюбленной пары с утра пораньше.

Мужчина явно ожидал сухой диалог, а не контакт. Планировал придерживаться решения, а сейчас боится передумать. Поэтому не приходил ночью — мы оба знали причину. Сохранял себя поодаль. Что ж... Упс? Не вышло. Не даю вариантов, разве что душить подростков в мечтах. Или что он там наметил с ними сотворить?

Я наблюдаю, как в нем борются контроль и импульс, но не радуюсь, ведь еще не выиграла. Флойд непредсказуем. Побудет уязвимым, соберется и займет оборонительную упрямую позицию. Поэтому нападаю первая — робко выставлю руку, как бы ненароком касаясь кончиками пальцев его черной футболки. Изучаю кольцо, на что он косится в смятении. Следом без напора бормочу:

— Сними его.

Как же быстро голубые глаза вцепляются в мои. Буквально за миллисекунду.

Он хмурится и теряется — вместе. Смыкает челюсть, оглядывает лицо и руку. Спешно хрипит:

— Оно твое, я дал тебе его в знак верности. Безусловной

вечной любви. Ни за что не сниму. О чем ты вообще?

О том и речь, кретин.

Я жму плечом. Медленно создаю с ним зрительный контакт, дабы спокойно заявить:

— Я думаю, ты не совсем понял, что оно означает. И это, — пальцы моей второй руки тянутся к вороту футболки, осторожно цепляют цепочку, вынимают кулон из-под ткани, отчего Флойд сжимается пуще прежнего, глухо дышит невпопад, — Это сними тоже, раз решил отказаться от нас...

— Я не решил отказываться от нас, Френсис Гвинерра, — черство перебивает, впервые добавляя к имени фамилию, видимо, для суровости слов, — И я более чем понимал, что значит кольцо, к чему призывает. Вашу с Мяу фотографию... Ее я тоже не сниму. Прекрати пороть чушь.

Невежливо не позволять даме договорить. Где его манеры? Здесь тоже придется воспитывать.

— Я хотела стать «Маккастер» и призналась в этом, — пытаюсь рассуждать мирно, без тряски от тревоги за отказ, а вот Флойд приподнимает плечи, выглядит более и более беспомощным, — Дарила кулон и принимал кольцо от человека, который тоже этого хотел. Сейчас ты разрушаешь наше будущее. Получается, все расторгнуто. Поэтому сними и то, и другое — сам.

Я аккуратно держу кулон в ладони и открываю его с помощью кнопочки. Смотрю на наш кадр с Мяу. Флойд сглатывает и опускает поблескивающие глаза к изображению. Несо-

стоявшийся поступок явно показался ему другой стороной медали. Понимаю, он размышлял об утрате, но выставлял на первый план значение осторожности. Хотя... нет, он выставляет и сейчас.

— Этим кольцом я поклялся тебе, что всегда буду заботиться, — стойко доказывает, поскрипывая зубами, — Я забочусь. Защищаю. И я не сниму его, — мои пальцы неожиданно обдаются холодом по причине того, что он перенимает кулон и засовывает его обратно под футболку в страхе, что сниму или сорву сама, — Так как продолжаю обещать, что всегда буду тебя оберегать, даже если мы не вместе, и всегда буду любить. Если так требуется отсутствие кольца — снимай. Но не моими, черт возьми, руками. Твое решение.

Кто-то оскорбился. Это прослеживается по сведенным бровям и резким фразам. А как парень думал? Носить буду вечно, если он расправился с детьми и раскромсал «нас»? Сказочник.

Я в курсе, Флойд не встречался с кем-либо и уж точно не делал преложение руки и сердца. Может путаться в таких вещах, несмотря на развитый ум. Вероятно, сам бы кольцо не снял никогда, если бы получил ответное — только при условии отрубленного пальца, хотя и там бы подобрал, приклеил обратно. Однако даже я смекаю: так не делается. Люди прекращают носить прошлое рано или поздно — пусть не в душе, но от физического избавляются. И Флойд, по прозвищу «ревнивец Маккастер», не смеет расчитывать, что я сохраню

себя несостоявшейся невестой при условии его жестокости. Полагаю, обиделся мужчина все же на это — факт, мол захочу от другого кольцо принять, показывать обществу, что свободна, в активном поиске.

Я пожевываю губу и оглядываю его еще мгновение, такого хмурого и раздраженного. Он проводит костяшкой по переносице, как бы пытаясь стереть складку, создать пустые эмоции, и вновь соединяет наши глаза из-за услышанных слов.

— Ты не понял, — мирно повторяю, — Да, защита входит в список клятвы. Но, помимо нее, в клятву вкладывается и другое — оставаться рядом при любых трудностях, не покидать до смерти. Когда ты вручал кольцо, то должен был осознавать самое важное. Что бы ни произошло, Флойд, какие бы препятствия не возникли, ты обещаешь стоять рядом, искать те способы решения, которые не сломают нас. А ты выбрал то, что первое приходит на ум, и это совершенно несерьезно, — он утрачивает любую убежденность и бегает по лицу зрачками, — Кольцо — не про удобные моменты и не про выбор, когда все спокойно. Оно как раз про обратное: про то, что ты не бросаешь, когда начинается война, а придумываешь, как победить и при этом не разрывать связь. Вот, что оно означает. Но ты не понял. И потому я прошу снять его, ведь оно является пустышкой, раз делаешь шаг туда, где меня нет.

В комнате повисает тишина. Мяу подыгрывает — прыгает на диван и мягко смотрит на Флойда в упор. Он мимолет-

но поворачивается к ней, затем снова обращается ко мне и погружается в беспокойство. В нем иссякает сосредоточенность — больше не фиксируется ни на чем одном. Глаза носятся по мне так, словно мужчина старается найти какую-то ошибку, неточность, за которую можно зацепиться и вернуть себе прежнюю позицию.

М-м. Не выйдет. Я размышляла об этом целую ночь и приложила весь имеющийся арсенал извилин. С тем, что произнесла, не поспоришь.

Тут, похоже, не придется включать вторую часть убеждений — говорить, что вынесу новые нападки секты. Он и без того сломался. Растерян. Жует внутреннюю сторону щеки и находится в попытках понять, в какой момент реальность обернулась не тем, чем он считал. Кажется, ответ поступает спустя вечность. Голос звучит подкошено.

— Я... — у него не получается сформулировать, пальцы запускаются в волосы, прежде чем нервно вернуться к обивке, — Я давно понял... просто... забыл.

А твоя девушка напомнила. Видишь, какая умница?

Саму себя не похвалишь, никто не похвалит. Так и держусь.

— Ну, мне жаль, — осторожно дожимаю победу, бормочу понуро, — Не то, что ты забыл, а то, что я не стою того, чтобы помнить.

— Ты стоишь, хватит, — отрезает с дрожью, протирая лицо, — Ты заслуживаешь. Это я, не заслуживаю я. Тебя. Все-

гда.

Я выдыхаю и вяло мотаю головой — финальная стадия манипуляции, простите. Растерзано хлопаю ресницами, как если бы меня растоптали, и суетливо дергаюсь влево, дабы слезть.

Однако холодные руки мгновенно хватают меня за бедра, талию — невпопад. Тянут назад. Того и добивалась... Не потупи он так, то действительно бы не заслуживал. Правда.

Тело слушается, а сердце сворачивается, когда мужчина роняет лоб к моему плечу. Флойд морщится там, до сих пор приковав руки к талии, и секундно трется — тяжело. Потому что план сломался. Попусту сочинял, каким образом все пройдет, зря покупал билет. И я праздную безусловный выигрыш, как только слышу тихий хрип безысходности:

— Что ты мне предлагаешь? Как мне быть? Как, Френсис?

Я запускаю пальцы в его локоны и ловлю глухой звук тоски, сложившийся случайно. Аккуратно говорю то, что ему и нужно. То, что считаю единственным верным:

— Не знаю. И не собираюсь пытаться узнать. Я даю тебе занимать ту роль, которая для тебя критически важна — быть мужчиной и создать план, предоставить то, за чем твоя будущая жена уверенно последует...

Флойд не оставляет времени договорить, когда внезапно отрывает лоб от плеча, заводит руку к моему затылку и тянет нас впритык друг к другу, чтобы сроднить губы самым отчаянным образом.

Кажется, будто мой пульс проживает те же эмоции, что и при первом поцелуе.

Каждый нерв взрывается, а по коже бегут мурашки, и я успеваю услышать лишь его разбитый звук потребности, прежде чем меня обвивают и умело валят на спину, где раньше сидела Мяу, но смутилась и ушла. Он удерживает щеку. Атакует рот хрупко и бешено одновременно. Когда мои губы отвечают тем же, его тело припадает еще ближе, предплечье свободной руки ставится рядом с лицом, а тело размещается меж расставленных коленей в ту секунду, как с нас обоих сочится трясущийся тихий отголосок необузданного страдания, любви. Зрение застилает нужда, и мое нелепое тело сжимается от степени измученности, оно буквально молотится от облегчения и, вместе с тем, пережитой боли, которая наконец-то слегка отступает.

Я хочу рыдать от того, как боялась его потерять, от того, что он все-таки не ушел. Это чертова пытка, в которой была обречена вариться, несмотря на предшествующий ужас.

Тем не менее мне нельзя пускать сопли, требуется оставаться сильной, отчего пропихиваю слезный ком в горле обратно, хотя дыханием плачу точно.

Все кончилось? Точно? Не расстаемся?

Мы не расстаемся.

Мои ладони кладутся на его щеки, и он горько кивает, прося впустить ласковый язык, после чего поцелуй углубляется. Мы оба кривимся. Почти панически касаемся — оба

считали, что потеряли, а сейчас нашли.

Треморная рука ползет от щеки к талии, пальцы сжимаются крепко, будто проверяя, что я действительно здесь, не исчезну, не рассыплюсь, как раньше казалось неизбежным. Флойд на мгновение отрывается, скользит взглядом по лицу — быстро, жадно, словно собирает меня заново по частям — и снова тянется, неизменно настойчиво. Я перехватываю его запястье, не давая отдалиться слишком далеко, и мужчина сразу подается обратно, доказывая, что не собирается уходить. Наши выдохи сталкиваются, рвутся наружу короткими, спорят друг с другом неровными толчками. Где-то между этим я слабо применяю укусы к нижней губе, поглощенно вбирая поскуливание, отдавая такое же. Он спускает ладонь к месту конца талии и обхватывает бок, то ли подавая мои бедра к себе, то ли фиксируя их на обивке — сам не разберет. Однако я невольно выгибаюсь навстречу при его подъеме, слишком резко для того, кто пытался держаться, и в ответ Флойд тихо выдыхает сквозь зубы, что звучит почти растерзано.

Мой висок вдруг соприкасается с шерстью — она скользит вдоль кожи. Я слабо улавливаю, в чем дело, пока не слышу третье дыхание, а затем, немного погодя, чувствую быстрый жест недалеко от лица. Флойд... сразу отрывается от губ. Распахиваю ресницы и вижу, как парень шокированно поднимает глаза, пыхтя от наших ощущений. Через миг повторяется то, что осталось вне поля зрения в первый раз — Мяу

заносит лапку и стучит по щеке Флойда пару недовольных ударов так, что раздаются тихие резкие хлопки.

Я, черт возьми, хохочу без предупреждения, меня прорывает так внезапно, что весь сдерживаемый до этого надрыв выливается в смех — неровный, сродни истеричному. Он рвется наружу сам по себе, срывает остатки напряжения, и я на секунду утыкаюсь лбом в плечо мужчины, продолжая смеяться, даже когда дыхание уже подводит.

Она отвесила ему пощечину, и не единожды.

Флойд моргает, все еще не до конца вернувшись в реальность, затем щурится, так и таращась на Мяу. Та, не отступая, сидит сбоку от моего лица с абсолютно уверенным видом, хвост дергается короткими движениями, будто она только что восстановила порядок.

Любимая дурочка лежала на полу всю ночь, лицезрея, как я умираю. А тут он меня напрягает, по ее нескромному мнению. Естественно, выражает претензию.

Флойд тихо выдыхает сквозь нос, и на его губах дергается тень усмешки — усталой, но живой. Ладонь, которая только что держала слишком горячо, ослабляет хватку и соскальзывает ниже, оставаясь рядом, но уже без той требовательной силы.

— Серьезно?.. — почти беззвучно вылетает из него, тон до сих пор хриплый, неустойчивый.

Мяу отвечает новым коротким движением лапы, теперь в плечо, уже скорее предупреждением, нежели ударом.

В этой кошке слишком много осознанности, вы не находите?

Я продолжаю смеяться, правда, тише, цепляясь пальцами за мужскую футболку, чтобы не расползтись окончательно. Хихиканье постепенно ломается на выдохах, переходит в что-то более мягкое, однако не менее неконтролируемое.

Флойд качает головой, проводит ладонью по лицу и на секунду закрывает глаза, будто восстанавливая здравость. Потом снова смотрит на меня — уже внимательнее, глубже, и в этом взгляде остается то самое, что было полминуты назад, только приглушенное. Поджимает губы и утыкается носом в шею, негромко фыркая.

— Кажется, кто-то намекает дать лакомство.

— Она намекает быть со мной нежнее, — безвредно усмехаюсь.

— Поверь, и на лакомство тоже, — разочарованно бурчит от того, что контакт прервали, — Я нужен ей только для этого — покупать те съедобные палочки со вкусом кролика.

Я улыбаюсь и верчу головой, чтобы нежно притереться носом к его щеке, пока он невесомо целует шею и не прекращает легко гладить талию. Всегда ласкучий до ужаса. Всегда скучает. Провел пять часов поодаль. Ненавидит каждую минуту одиночества.

Это так хорошо — восстановить нормальность. Я чувствую намек на безмятежность. Никакой крови. Страх заменился теплом напротив. И спасибо Мяу. Потому что секса

сейчас не хочу — чудо неземное, да. Просто переутомилась, не вынесу новый эмоциональный всплеск. Желаю отдыха. Полноценного. Так, чтобы грудь слегка расправилась, а то ребра скрипят от величины перенесенной тревоги.

— Скажи спасибо, что хоть для чего-то нужен, — скромно дразню, — Она вполне могла наотрез отказаться смиряться с тем, кто обижает ее маму.

— Я не буду обижать, — безотлагательно шепчет с виной, — Мне жаль, Френсис.

Он закусывает губу и перекладывается на бок, сохраняясь впритык. Скользит глазами по глазам, осторожно касается щеки и робко уточняет:

— Ты меня сможешь простить? За то, что не стал утешением ночью и добавил... добавил.

Боли.

Флойд собирался закончить так. Осекся, озвучить трудно. Я вкатываю нижнюю губу в рот и веду головой, утомленно прижимая лоб к его челюсти.

Размышления о том, что буду с ним и в пекле ада, не были пустыми. Он периодически играет с моим сердцем в безжалостный баскетбол, однако я до сих пор здесь. Однозначно уйду при новом убийстве, измене или ином ужасе — основные пункты. То, что произошло между нами в клубе и дома, не является причиной долго обижаться. Осадок присутствует, но мы поработаем над его исчезновением.

Это то, за что я люблю Флойда в том числе — борьба за

исправление ошибок. Он не из тех, кто забивает на проблему. За каждым срывом у мужчины следует попытка собрать все обратно — неловкая, запоздалая, но настоящая. Он не уходит от последствий и не делает вид, что ничего не произошло. Вот, что удерживает сильнее любых идеальных слов.

Парень признавался: сам не до конца понимает, как именно причиняет боль, действует быстрее, чем думает. Лишь позже остается, смотрит, вникает, проживает это вместе со мной, не отстраняясь. Я знаю, что данный расклад не совсем здоровый, но я и не жду от Флойда безупречности. Мы в процессе построения любви.

— Прощу. Только снова так не делай, пожалуйста, — прошу шепотом, — Я клянусь всегда выбирать тебя... — он поднимает мое лицо, выглядит уязвимым, словно боится уличить ложь, и сжимается от искренности, — Везде и во всем. Ты и мы — главный приоритет. Поклянись тоже.

Мужчина плавно кивает, уверенно и чутко. Без промедлений приближается ко рту. Целует хрупко: ненадолго втягивает нижнюю губу, отстраняется и проворачивается то же самое с верхней. Тихо заверяет глаза в глаза:

— Самый важный приоритет. Клянусь. Я научусь большей ответственности. Начну сейчас, — мои брови чуть хмурятся, а он чмокает вновь и бормочет, — Должен извиниться нормально, дать тебе отдых, расслабиться после дикого стресса. Раз убивать не буду... Значит, торопиться незачем. Нужно сочинить другой план, внимательно продумать дета-

ли, чтобы нигде не оступиться. Так что полетели на Мальдивы. Вот... вместе с этой хамкой, — он кивает за меня, явно на Мяу, отчего впадаю в ступор, — На два дня. Мне потом работать надо. Поплаваем, ты все расскажешь о секте, чего не знаю. Спокойно, без стресса.

Позавчера я трахаю Флойда под травкой. Вчера на меня нападает сумасшедший подросток. Сегодня еду на Мальдивы.

Веселая жизнь.

Наверное, это мне за двадцать лет жизни скучной. Судьба отыгрывается по полной. Я не жалуюсь... Нет, жалуюсь. Не на все, а на нюансы.

— Ее пустят в самолет? — шепчу в надежде.

Мяу часто предоставлена сама себе, и мы с Флойдом оба это знаем. Взять ее с собой — потрясающая идея.

— Я сдам твой билет. Сейчас же куплю на самолет, где только мы будем, там доплачу на руку, пустят, — гладит пальцами по виску, нежно заправляет локон волос за ухо, — Хорошо?

Я подаюсь вперед, дабы заземлить на его губах идентичный поцелуй — трепетный. У меня сил абсолютно нет. Любовь и изнеможение.

— Можно спать всю дорогу?

— Нужно, везде засыпай — и в машине, и в аэропорту, и в полете. Я обо всем позабочусь. Только поесть важно, — бережно диктует инструкцию, — Сейчас покушай, оденься и

ложись, разбужу, как из дома выходить пора будет, чемодан сам соберу.

Мы поступаем именно так — сразу после признания в любви. Я перебиваюсь бутербродом с сыром и чаем, готовить невмоготу. Залезаю в легкие коричневые штаны и белую футболку, укладываюсь на диване, Флойд накрывает пледом, и сон забирает мозг молниеносно.

Глава 3

Мяу прыгает на стену, чтобы дотянуться до оранжевого геккона. Раздражается уже полчаса — трюк не срабатывает, ящерица жива. Тем не менее счастье бьет ключом. Все тут облазила, все обнюхала, бесится, бегает и мурчит.

Это немного отличается от нашего с Флойдом настроения. Мы, скорее... спокойно вдумчивые. Слегка поникшие. Спасает только обстановка: под свисающими ногами красуется лазурная гладь, солнце озаряет идеальный горизонт закатом, тепло местности окутывает тела. Мальдивы — сказка. Почти ненастоящая картинка. Слишком красиво, если выражаться немногословно. И дом шикарный. Одноэтажный, но просторный, хотя уют главенствует. Есть личный выход к океану: дверь из гостиной ведет на огороженный участок под открытым небом. Дощетчатый пол нависает прямо над водой, которая омывает сваи. Позади нас бассейн и круглый диван... или это кровать. У богачей свои причуды — создают разные диковинные штуки всех возможных форм, а нам, простому народу, потом фиг разобраться что к чему.

Здесь несколько жилищ — они стоят вдоль пирса на достаточном расстоянии для уединения. Хотя с соседних участков все же слышатся крайне глухие невнятные разговоры и смех — они ничуть не мешают, благодаря редкому проявлению.

— Ты обещаешь ничего не утаивать? —без претензии переспрашивает Флойд.

Я поворачиваю к нему голову, наблюдая разрушающее сердце зрелище. На парне шорты черного цвета и... все. Зачесанные назад волосы до сих пор влажные. Руки, заведенные за спину, на которые он опирается, демонстрируют накаченные мышцы. Мы сидим на краю площадки, а из воды вылезли полчаса назад. Вернулись в дом, по очереди сходили в душ и разместились на улице — валяться на кровати, не созерцая красоту природы, настоящее преступление. Я надела длинную бордовую футболку и обычные белые трусы, в то время как парень покрыться нормально не потрудился. Сменил плавательный низ на домашний — шорты на шорты. Вот... продолжает возбуждать красотой.

— Это мне говорит человек, который не рассказал про подписку о невыезде из города? — безвредно уточняю, ведь информация шокировала.

Вчера он разбудил меня в пять вечера, дабы отправиться в аэропорт, и я ужаснулась от темноты за окном. Не ожидала уснуть утром, а проснуться поздно, полагала, что на отдых мне отвели часа три. Но нет. Флойд решал проблемы с запретом — уезжал в полицейский участок, платил кому-то деньги, оформлял бумагу, где указал, что гарантирует вернуться через трое суток. Это заняло чуть больше времени, чем он планировал, хотя и не сомневался, что его отпустят. Пока отсутствовал, приставил к квартире своего человека —

он торчал на лестничной клетке, охранял дверь. А я... ну, ничего и не ведала? Носом сопела тихо. Потому и словила дезориентацию.

Просила объяснить, чем занимался, а потом, когда мужчина показал какой-то документ сотруднику аэропорта, так как их база данных выдала ошибку, уже не просто просила, а требовала. Он сложил губы в линию, поколебался и выдал:

— Мне нельзя выезжать, пока длится разбирательство по инциденту с телами. Я уладил через знакомых. Получил разрешение на три дня. Мог бы и насовсем запрет снять, но это бы навлекло дополнительные подозрения, а я не хочу мотаться в участок несколько раз, когда могу, примерно через пару недель, только один, финальный, — парень нервничал за реакцию, поэтому выкладывал все-все, растягивал минуты до ответа, — Я так же мог бы заплатить столько, чтобы про меня вообще забыли. Но знаю, что выйду сухим из воды, поэтому не хочу подключать более серьезные знакомства, с ними надо сходить на встречу, чай попить, болтать о том о сем полдня, хотя сама проблема решается за два предложения — соблюдать этикет короче пришлось бы. Не ходил в прежних кругах несколько месяцев, так что был бы вынужден провести за диалогом лишние часы. А отваливать жирные деньги непосредственно в полиции принципиально не стану. Они строили из себя шибко умных следаков, хотя на деле быдло, поэтому платить им не собираюсь...

— Не могу поверить, что реально с тобой встречаюсь, —

пробубнила я, сморщившись и запрокинув макушку к спинке сиденья в бизнес-зале ожидания аэропорта.

Какую эмоцию здесь выдать? Сил на него нет.

Мне не нравится то, что он сотворил, и все же здесь солидарна — выбора не предоставилось. Выпущенные смертники написали бы на карателя заявление, создали бы масштабные неприятности. Поэтому... нет, отказываюсь анализировать. Произошло и произошло. Тошно.

Флойд не злоупотребляет знакомствами с важными людьми. Осознает, что любая деловая помощь не бывает бесплатной — за нее обязательно потребуют ответную услугу, и цена может оказаться выше, чем кажется. Так что обращается редко и по мелочам, где стоимость невелика — не денежная, а скорее репутационная или личная. Мелкие одолжения, которые легко вернуть без лишних последствий и долгов.

Полагаю, так и поступают умные люди в его обществе. Глупцы, бросающиеся за поддержкой при каждом случае, быстро превращаются в удобный инструмент в чужих руках.

— Совсем плохой? — уязвимо произнес, тупясь в пол.

— Совсем больной, Флойд, — выдохнула я или простонала, — Психически. Я читала, в городе есть психушки. Вот тебя туда. И в смирительную рубашку — а то вдруг появится тяга испытать свежие пытки на соседях по палате.

Ему стало смешно.

Не расхохотался, однако случайно усмехнулся и кончик

носа потер. Я о том и говорю. Ненормальный.

Мы прилетели на Мальдивы поздно вечером, ехали на лодке, что стало великолепным потрясением, пусть и страшным из-за темноты. Завалились спать вдвоем, предварительно Мяу накормив, все для нее обустроив. Вырубились молниеносно, а проснулись от лучей солнца, зазывающих к волшебным пейзажам. Плавали, расслаблялись, ели вкуснейшие фрукты, целовались и обнимались. Я была ошарашена от рыб, кружащих вокруг тел. Увидела их впервые живыми, а не зажаренными. Флойд с того хихикал. А сейчас... пришло время для серьезного разговора. Поэтому он напоминает о своем присутствии:

— Мне некогда было рассказывать, мы ссорились, потом мирились, а потом ты спала, — полуоправдательно произносит, скользя взглядом по моим развевающимся на ветерке волосам, — Пообещай, Френсис.

— Обещаю делиться честно, — киваю пару скромных раз, — Не солгу...

Мы синхронно поворачиваем головы, чтобы увидеть причину слабого грохота. Мяу валяется на спине и фыркает, прежде чем неуклюже занять ту же охотничью стойку. Похоже, прыгнула слишком высоко и свалилась. Дурочка...

— Я ее люблю, — вдруг шепчет Флойд, отчего перевожу на него внимание и замечаю нежные умиротворенные эмоции, он оглядывает кошечку в каком-то инстинкте подстраховать, сберечь, — Вас люблю очень. Хорошо, что ты тогда

ее спасла. У нас семья. Это... хорошо.

Вокруг меня одни убийцы — что Флойд, под боком, что Мяу, мечтающая сгрызть бедного геккона. Но мне поразительно спокойно. Чувствую себя дома, где бы ни находилась, если они рядом.

Мы все разные, несмотря на шутку. Рыжуля — вредная. Флойд — любвеобильный. Я... Ранимая. Нас объединяет нежность — не к кому-то, а друг к другу. Потому мужчина верно выразился. Семья... У меня есть настоящая семья. Там, где любят, ценят и заботятся... Не то чтобы не знала этого раньше, открытия века не произошло. Просто... Я о подобном не смела мечтать и, признаться, не мечтала — не получится фантазировать о том, с чем и примерно незнакома. Однако это нашло меня по нелепому стечению обстоятельств и подарило счастье. Не думаю, что когда-то смогу полноценно привыкнуть, относиться, как к должному. Счастье всегда будет чем-то безумно ценным — не на словах, а клеточками тела, когда ты проживаешь каждые объятия, будто они редкий дар, который может исчезнуть, если перестанешь его замечать.

— Хорошо, — смущенно отзываюсь растроганным тоном и отворачиваюсь от цепкого взгляда, — Очень.

Дощечки под задом поскрипывают. Вскоре теплая рука оказывается на подбородке. Он вертит мое лицо, дабы прижаться к губам сладким мирным поцелуем, параллельно локоны заправляя за уши. Не нравится, что за волосами пря-

чусь. Касается без глубины, но интенсивно, и почти мурчит от того, что то же самое отдаю — дотрагиваюсь щеки, тихонько посасываю нижнюю губу спелого оттенка. Я... Я так сильно его люблю... Мне жаль, что он не понимает в полной мере и полагает, что любит больше, ведь это неправда. Флойд поступал жестоко. До сих пор стремится уйти куда-то, как позавчера. По своим причинам, порой из благих целей... И все же... И все же. Да. Я не говорю, что у него чувств мало — абсолютно не так, в парне привязанности мерено-немерено, тонна. Это лишь... Любовь у него какая-то порывистая, как ветер у океана — то ласковый, обнимающий, то вдруг ускользающий, холодный, непонятный. И каждый раз, когда он отдаляется, во мне будто что-то гнется, но не ломается — держится. Потому что знаю: вернется. Флойд всегда возвращается.

А я остаюсь. Не потому, что не могу уйти — отлично могу. Суть в том, что не хочу. В этом и разница, о которой он, кажется, не задумывается.

Мы отдаляемся вместе и оглядываем мимику без пошлости, заботливо. Мужчина чмокает в уголок губ еще раз, по щеке поглаживает, а потом тащит себя за шкирку, отсаживается на сантиметров десять. Тяжело вбирает свежий кислород — тоскует по контакту. Тем не менее диалог должен состояться. Так что он бормочет:

— Расскажи сначала общую информацию. Выкладывай все. Я оттолкнусь от твоих слов и спрошу о нюансах.

Голова кивает, ладони сжимают край площадки, а ноги вяло мотаются, находясь в десяти сантиметрах от теплой воды. Я жую губу и размеренно складываю историю, которую хотелось бы забыть.

— Мне известна история зарождения веры. Ты слышал ее от Сралли в церкви. Первый Муж, Игривинн, камень, сосуд, торнадо, — напоминаю полуглухим тоном, пока на улице темнеет, — Но мне мало известно про настоящее время. Только последние тридцать-сорок лет, и то размыто. Нам скупо рассказывали об этом, половина знаний состоит из... каких-то преданий. В них нет имен, кроме одного, главного. Остальное — обрывки. Но я попробую, — кажется, словно даже Мяу прислушалась, ведь все затихло, кроме легких перекатов воды, — Поселение было одно: там, где я жила. Еще до моего рождения. Люди приходили часто. Собиралась из ниоткуда. Сейчас я думаю, что это связано с отсутствием интернета, прочих развлечений и... потребностью верить во что-то. Наверное, в какой-то период времени жители Нью-Хейвена расширили взгляды, искали что-то новое. Поэтому прихожан было много. Те, кто оставался, беременели. А потом, год за годом, интерес к тишианству спадал. Начало происходить кровосмешение — брат спал с сестрой, сын с родной матерью. Чтобы поддерживать численность. Но такие дети... рожденные от инцеста... Они были уродливы и больны. Так я слышала. Они отличались от «обычных». Параллельно всему плач младенцев не кончался, вопреки строгости к ти-

шине. Шума стало слишком много от огромного количества отпрысков. И тогда Салливан Дик...

— Салливан Дик? — нахмурено перебивает Флойд, я не отрываю взгляд от своих ног, — Отец Сралли?

— Да. И он жив до сих пор, — шепчу, будто боюсь, что монстр услышит, — Руководит второй общиной. Она создалась именно по этой причине: чтобы в основном поселении шум иссяк. Тишианцев посылали за несколько десятков километров, чтобы построить вторую церковь и... катакомбы под ней. Я слышала, что решение растить детей под землей было принято намерено. Там, под толщей почвы, кричать не было сильно грешно. Словно... пока они «погребены», находятся вне дневного света, наказания от святого камня за оры не последует. Когда все было построено, темные коридоры с комнатами в пыли стали пригодным жильем, туда отправили несколько хорошо воспитанных женщин. «Нормальных» детей переселили напрямую, без труда. А кровосмешенных... для них было испытание. Вернее, для материей, которые породили искаженных. Мужчины винили таких женщин — за то, что принесли в мир порченых чад. Потому им был вынесен приговор: идти пешком, без воды, еды, прикрытой головы, до второй общины. Младенцев и матерей, при этом, специально не поили двое суток. Суть состояла в следующем — если они дойдут до второго поселения, то смогут там остаться. Если нет — умрут под солнцепеком. Их специально отсылали в особенно жаркие дни, где небесное пек-

ло высушивало любую жизнь. Не многие справлялись, но те, кто смог, отдавали детей в чужие руки, получали воду, а затем отправлялись обратно. Маму и ребенка разлучали навсегда без возможности встреч — никаких исключений. И это стало порядком, стабильной практикой: всех детей перемещали во второе место, кроме тихих. Младенцы, не доставляющие шума, оставались в изначальном поселении. Таких, на мои годы, родилось всего три: Иффинг, Рахиль и... я, — Флойд почти не дышит, чувствую, как прикован глазами к профилю, — Мы считались избранными. Заранее отданными текущему проповеднику или наилучшему Мужу из секты. Чуть более чистыми и верными. Мои родители сами пришли в тишианство — не знаю, почему, не знаю, зачем, но они остались. Отец получил немного больше уважения от просвещенных за то, что зачал послушное чадо, еще и девочку. Точно такое же уважение получили и отцы двух других дочерей. Мы трое... Не имели права стать разочарованием. Все жители молились только на службах, а нас заставляли часто. И я выделялась покорностью во всем... почти во всем. Ошибкой была лишь в том, что ревела при лишении... девственности... и потом тоже, всегда. Рахиль и Иффинг не поддавались письменности и счету — не потому, что противились, а потому, что не получалось. У меня все складывалось. Нас обучали для того, чтобы умели грамотно вести летописи, записывать то, что прикажет Муж. Сами летописи, в основном своем количестве, находятся там, в катакомбах.

Если бы мы прочли, то узнали бы больше. В них содержится все. Абсолютно, — я морщусь и продолжаю шатко, — Они также выделяли мою выгодную внешность — нет, не красивую, не дотягивающую до того же Сралли, однако... моя белая кожа, светлые волосы и голубые глаза... они приближены к тому, что является неплохим. Поэтому проповедники всегда выделяли меня, как первую женщину, которую положат под Сраллю. Я почему-то... не могла свыкнуться с этой мыслью. У меня не выходило, поэтому те особые уроки... Они были постоянными... Стоп, — трясу головой со скромным задыханием, кривлюсь, — Я должна рассказывать не о себе, а о второй секте, меня занесло, прости...

Я поворачиваюсь к Флойду с виноватым видом, когда вдруг застаю напряженное тело. Он... отвернут. Лицом в противоположную сторону. Все мышцы напряжены. И... его рука заносится к глазам, чтобы... суетливо протереть их, в то время как из носа сочится глухой шаткий выдох.

На грани того, что... пару слез прольет?

Пытается отдышаться скрытно. Я заставала его полноценный плач не много не мало дважды. Из-за того, что нашел в мотеле, и из-за того, что рассказал историю жизни. А теперь... по вине моего опыта. Ему за меня больно.

Невыносимо.

— Извини, пожалуйста, извини, я не хотела... — на самом деле раскаиваюсь, но он резко мотает подбородком и вытирает глаза нижней частью ладони вновь перед тем, как встать

и обхватить меня, потянуть подняться, взять на руки.

Я раскрываю рот, оказываясь в крепких руках, а следом вздрагиваю, когда, через пару шагов, мы размещаемся в другом положении и месте: Флойд устраивается на круглой уличной кровати с пышными декоративными подушками, садится к изголовью и кладет меня меж своих ног, так, что смотрю на потемневший пейзаж. Два небольших фонарика повешены на стене дома за нами — мягкая мебель стоит впритык к жилищу. Они горят желтым светом и создают чуть больше тепла, вровень движениям мужчины. Он зарывает нос в моей шее и окольцовывает талию, двигает спину еще ближе к своей груди. Я ежусь от робкой влаги — она попадает на мою кожу. Туда же и помещается хриплый шепот:

— Не надо извиняться, я тебя прошу, забудь это слово со мной, даже если что-то плохое сделаешь. Мне просто... мне так жаль, — он звучит почти неразборчиво, разбито, — Я, как бы ни было отвратительно выражаться подобным образом, рад только за то, что тебя не упекли туда, к другим детям. Мы бы не встретились в ином случае, я бы тебе не сказал, что теперь тебя любят, уважают и ценят до смерти. Ты же это знаешь, Френсис?

Я плавно моргаю, утешаясь уютом родной кожи. Смотрю на его предплечья и аккуратно прошу руки скрепить. Он сразу отвечает — нежно переплетает пальцы, но ни в коем случае не прекращает обвивать второй рукой. Гладит подушечкой запястье, а губами невесомо целует плечо, потирается

там, как настоящий кот, который желает успокоить хозяйку. Вместе с тем Мяу к нам запрыгивает — ложится меж моей лодыжкой и ногой Флойда, приючивается. Они — дом. Не устану повторять.

— Мне страшно, что ты когда-то решишь, словно нам порознь лучше, — признаюсь шепотом, сглатываю, — Как позавчера. Только бесповоротно. Больше всего на свете я боюсь тебя лишиться. Ты не понимаешь, как много значишь для моего сердца, и часто его калечишь. Сейчас... разочарован. Потому что не рассказала о секте. С той ночи разочарован. Поверь, я чувствую. И не знаю, куда себя деть от того, что целуешь, как прежде, но в груди у тебя другое.

Это сухой факт. Флойд в своих мыслях. Иногда посматривает понуро и вновь тупится в пол. Мы помирились. Правда, воссоединение не убрало у него ком поперек горла. И я в беспорядке, ведь поистине не считаю себя виноватой, а он продолжает винить. Просто беззвучно.

— Ты меня не лишишься, — заверяет, мотая носом, — Я всегда буду у тебя. Даже если мы расстанемся, чего, естественно, постараюсь не допустить, — я буду твоим, тебе и звать не придется. А разочарования нет. Есть расстройство. Это разное. Ты не позволяешь мне разделять твои страхи, твою тревогу, боль. Замалчиваешь. И я... чувствую себя таким чертовски бесполезным.

«Тебе и звать не придется».

Ненароком представляю ужасную картину. Флойд подвел,

убил кого-то, изменил в пьяном состоянии, возникла боль, к алкоголю вернулся, с кем-то переспал, разгромил нас, банально побил меня в порыве агрессии — вариантов немало. Я уйду, а он неприкаянный, с ненавистью к себе, ходить будет вокруг да около, встреч искать, выть от ошибок. Такого однозначно не надо.

Накручиваю конкретно. Единственное, на что парень способен из мерзкого списка, — расправа. Не уверена, сколько времени должно пройти, чтобы я перестала тревожиться по данному поводу.

Касательно последнего — это ложь. Он согревает присутствием, потому бесполезность уже неприменима. И, вообще-то, произнесенное — крайне нечестно...

— Не бесполезный. С тобой я нашла счастье, — опровергаю и добавляю, повернув лицо, задрав нос, — И обвинение несправедливо. Ты тоже не делишься, многое носишь в себе. Почти все.

Его эмоции становятся вдумчивыми, полупустыми. Флойд кивает лишь спустя секунд десять, смотря в глаза.

— Да. Но я твой мужчина. Мне положено некоторые вещи проживать самостоятельно. Так правильно.

Бе-бе-бе-бе-бе.

Идиот.

— Неправильно, — как-то вредно фыркаю.

Парень слабо улыбается, находит голос забавным. Поясняет как-то снисходительно:

— Правильно, ведь иначе я буду считать себя слабым. То, что я перевариваю многое поодаль, заставляет меня распознавать себя твоей опорой, а не мальчиком, — я поджимаю губы, отчего он сетует, — Это не про шаблонные установки. Это про то, как мне спокойнее. Я замалчиваю не потому, что боюсь тебя нагрузить, а потому, что таким образом ощущаю себя верно. Не тем, кого несет поток, а тем, кто стоит рядом и может удержать нас обоих. Для меня важно чувствовать это, Френсис. Я готов разделять все, касательно любви и нас, быть откровенным в мелочах, как и поклялся. Но заботы вне дома, не все, но некоторые, должны остаться для меня.

Порой Флойд чертовски сложный. Вроде бы элементарные вещи говорит, однако они путают. Как если бы перед глазами лежал пазл, выстроенный в цельную картину — разве что кусочки не соединены, находятся в миллиметре друг от друга.

В его логике есть странная завершенность, которая не просит согласия, но и не оставляет пространства для спора. И где-то глубже, под смесью противоречий, мелькает ясная мысль: Флойд не оправдывается и не защищается. Он объясняет то, что для него уже устроено хорошо. Только я не способна это принять до конца.

— Тогда пообещай, что хотя бы будешь мне рассказывать об этих заботах, — выдыхаю с оттенком отторжения, — Да, не разделять тревогу. Но ставить в известность. И всегда, когда почувствуешь нужным, приходить ко мне с полным на-

бором чувств. Если не испытываешь стремления — не надо. Но если оно появляется на процент, ты приходишь и делишься. Пообещай.

Мужчина вкатывает нижнюю губу в рот, погружаясь в анализ. Мы должны искать компромиссы, и он, в кои-то веке, приходит к идентичному итогу.

Ладно, не полностью идиот. Так, слегка поехавший дурак-убийца.

— Попробую, — ответственно соглашается, — Теперь я понял это лучше. Но ты не можешь поступать так же, Френсис. Мне нужно знать все.

Да что ты говоришь! Правда?

— С какой стати? — сурово свожу брови, однако в нем возникает добрая усмешка, словно я его умилила, отчего и получаю целомудренный поцелуй в висок, — Нет, серьезно! Вот, как ты это видишь? Чтобы я была твоей плаксивой девочкой, а ты моим непоколебимым мужчиной глыбой-стеной-камнем-горой? В этом суть? Ролевая игра отношений твоей мечты?

Он улыбается на дикие ворчания.

Невинно щекочет щеку носом, склонившись через мое плечо. Потрясающий план. Отчитываю, а в ответ получаю ласку, которая сбивает с недовольного настроение сильнее любой фразы. Он просто уже внутренне согласовал с собой, как ему быть близко, и это «быть» не требует ругани на мою брань.

— Чтобы ты была моей искренней кошечкой, которая доверяет всецело, потому что ты из тех, кому нужно вылить все, — произносит так нежно, что внезапно хочу мяукать, — Сердцу твоему хрупкому нужно, а я из тех, кто желает это принять. Не скандаль, любимая. Давай я лучше поцелую этот сердитый рот.

Ну... Ох.

Он разрывает связь наших рук для того, чтобы зацепить мой подбородок, склониться пониже и втянуть губы в чуткий тягучий контакт. Посасывает нижнюю, покусывает мягко, оттягивает и туда же хрипит обжигающий шепот:

— Впусти, прошу, — и я сразу сдаюсь, приоткрывая рот чуть шире, дабы теплый язык обвел небо с тяжелым выдохом.

Он сжимает мою талию и двигает спину уже вплотную, поворачивает за щеку сильнее, а после углубляет касания, атакуя мои нервные окончания вспышками тока. Я дрожу, хватаюсь за напряженное предплечье на животе для поддержки и целую в ответ с не меньшей любовью, благодаря чему тут же получаю тихий звук удовлетворения.

Тем не менее Флойд отдаляется так же быстро, как и дотронулся. Целует мягко в щеку напоследок, что ощущается пыткой — увлек, затянул узел внизу живота и прекратил. Опомнится вынуждает всего пара слов:

— Рассказывай дальше, пожалуйста. Потом, если захочешь, любить буду долго.

Но я хочу сейчас...

Приподнимаю плечи, выпрямляюсь, смотрю на тьму впереди и колени свожу. Издевательство.

— А ты захочешь? — смущенно мямлю.

— Я уже почти четыре ночи терплю, — спокойно переплетает пальцы снова.

— Тогда...

— Френсис, рассказывай, или внизу тебя сладко целовать сегодня не буду.

Я обиделась.

Но план мой состоял в другом. В... эм... обратном. Такого еще не делала... А то что все он да он? Может, тоже хочу. Честнее, не может, а точно. Боюсь, конечно... Не самих ласк, а того, что расстрою, плохо справлюсь. Флойд в подобном мастер, в то время как я... ну, явно ноль. Он наверняка не кончит — не смею включать самонадеянность. Однако попробовать стоит.

Я тру лицо, пытаясь привести себя в подобие адекватности. Сложно соображать, когда по сексу с Флойдом с ума сходишь. Давайте опишу доходчиво, но кратко, не затягивая. Тебя возбуждает в нем абсолютно все: то, как пьет воду, и кадык перекатывается, то, как сидит с важным видом за ноутбуком, то, как вальяжно ходит по дому без футболки, то, как застегивает рубашку, шевеля длинными пальцами, то, как спокойно говорит по телефону, но ты знаешь, что он сделает с тобой ночью, то как кусает губу и оглядывает

тебя, словно деликатес, то, как нахмурен время от времени, отчего представляешь это же нахмуренное лицо, только полное эйфории, над тобой...

Черт возьми.

Извините. Увлеклась. Обманула. Однако это я правда коротенько постаралась.

— Ты вспоминаешь? — непонятливо бормочет, заглядывая в мой профиль, — Понимаю, неприятно... Но мне правда нужно знать все, Френсис. До мелочей. Чтобы определиться, как с этим работать, чего ждать.

То, как его хриплый голос попадает тебе на ухо и вызывает звон внизу живота, то, как он держит тебя близко к себе абсолютно собственнически, безмолвно подчеркивать «ты моя»...

Да святое дерьмо, Боже, может, кто-то уже уймет этот мой тупой мозг?

Я такая бестолковая, когда дело касается Флойда. Жалкая смесь нужды. Происходящее похоже на вязкую концентрацию внимания. Человек занимает слишком много места в голове, вытесняя все прочее. Ты не выбираешь думать о нем. Ты просто обнаруживаешь, что постоянно думаешь. С ним мелочи приобретают избыточный вес.

— Салливан Дик, — настаиваю для себя полушепотом, слегка морщась, — Он был пресвитером в первой общине до моих шестнадцати лет, а во второй общине пресвитера не было, вроде бы, я не знаю, почему, это очень мутно... Там бы-

ла пара женщин, как и упоминала, дети, здоровые и изуродованные. Больше никого. Так продолжалось до тех пор, пока Сралля не подрос. Салливан любит своего сына... слишком...

— А мать Сралли? Жена Салливана? — путается Флойд, постепенно создавая вопросы, — Она где? И что значит «слишком любит»?

— Агнес, — понуро киваю, — Мгм. Салливан... Он ее убил. Я не видела лично, опять же, просто слышала. Это произошло еще когда я была ребенком. Вроде бы... В общину приезжала какая-то городская женщина. Салливан хотел ее себе, и это было, по-моему, взаимно. Я не помню, как ее зовут. Только лицо. Красивое лицо. Она была младше Салливана — по крайней мере так казалось. С темными длинными волосами, изящными скулами, — я тормошу весь ум, чтобы соображать достоверно, пока Флойд внимает каждый слог, — Агнес всегда слушалась безоговорочно, а от новости про вторую жену или, быть может, развод с ней самой, стала ругаться. И Салливан ее повесил. Та женщина должна была приехать на свадьбу и остаться навсегда, но почему-то... почему-то не пришла. Так все закончилось. Новую избранницу он не выбирал, переключился на сына безудержно. Они, эм... Я... Однажды... Однажды пошла в церковь вечером по настоянию отца — полы помыть. А там... Черт...

— Что там? — мягко давит Флойд, скорее поощряет продолжать, ни о чем не волноваться.

Я не волнуюсь, а... Стыжусь. Неловко как-то...

— Салливан нагнул Сраллю через тумбу и...

— О, блять! — разрывается смехом мужчина, делая выпад торсом, почти прыская слюной из только что надутых щек, — Серьезно?

— Сралле нравилось, — потеряно отстукиваю, но это вызывает у Флойда еще пущий гогот, он сейчас разорвется, — Очень-очень. Он говорил разные вещи, стонал и таратиорил: «Да, папочка...»...

— Френсис, умоляю, я сейчас умру, — просит остановится, падая спиной обратно, его грудная клетка сокращается, вибрирует, а рот роняет пронзительное веселье, — Этот мелкий уебок... Он же... О черт! — разносит его без устали, — Он признавался мне в любви. Я думал, это так, чтобы сжалился, а теперь... Может, все же правда... Гребаное дерьмо, я ничего смешнее не слышал, кроме твоих милых шуток про коней и Мяу!

Сралля признавался Флойду в чувствах?

Стоит ли... ревновать? Этот мир реально кошмарно сложный.

— Так, и что... что там после гомоебли? — я расширяю глаза, вертя к нему голову, и вижу, как он вытирает слезы в уголках глаз, пыхтит, покраснев от хохота, — Нет, моя позиция крайне толерантная, не подумай, не мое дело, кто с кем спит и кого предпочитает, неприязни не питаю, просто тут... Я хуею, Френсис, это исключение, прости...

Я ни разу не задумывалась о том, как сама отношусь к

нетрадиционным ценностям. Кажется... ничего плохого? Так же, как и Флойд. Разве смею диктовать кому-то о любви? Нет, и не хочу.

— Кхм, — прочищаю горло, получая россыпь каких-то благодарственных поцелуев в плечо за то, что развеселила, — Ну, да. У них крепкая связь. И именно поэтому... Дело не только в том, что я убежала. Дело в... мести. Тот ребенок в клубе явно оттуда, действует по приказам старшего Дика, — сглатываю, на что Флойд утихомиривается по щелчку, — Когда Сралля набрался достаточно знаний, Салливан ушел во вторую общину — быть там главным, учить детей и подростков молитвам. Сралля остался в первом поселении центральной фигурой. Занял пост. Больше я его не видела, но слышала... разные байки. Очень жуткие.

— Например? — с беспокойством произносит Флойд за мое беспокойство.

— Про... мутантов, — ежусь, шепчу, — Те порченые чада... некоторые из них... имеют две головы, некоторые... рост под три метра. И про Салливана... Говорят, он ест детей. Тех, кто кричит особенно громко. Пожирает заживо, а потом извергает их плесень через рот.

— Ты же понимаешь, что это неправда? — бормочет парень и касается щеки, чтобы я посмотрела в его чуткие глаза, — Про трехметровых людей. Сказки. И про каннибализм... Я не думаю... Эм, я не думаю, что им такое нравится... — как-то двояко убеждает, жуя губу.

Я медленно хлопаю ресницами, до сих пор боясь появления Салливана из тьмы. Конечно, это звучит нелепо. Великаны, чавканье плотью. Небылицы. Слухи, которые передаются шепотом, будто сами боятся собственного содержания. Такие вещи обычно распадаются, стоит только попытаться рассмотреть их при дневном свете. Но я... почему-то не могу полностью отодвинуть иррациональность. Так что приподнимаю плечи, прикладываю два пальца к подбородку и тихо выговариваю:

— Наверное... Но это бы объясняло, почему он такой громадный... В нем... много веса...

Флойд отводит взгляд, анализируя что-то свое, однако недолго. Мотает носом, тянет меня к себе, чтобы подняться, и, пока открывает дверь, запускает Мяу в дом, нежно касается голосом щеки:

— Хватит кошмаров. Потом уточню некоторое. А сейчас... Я хочу отвлечь тебя от всего и любить.

Глава 4

Предполагаю, не всем мужчинам нравится минет. В том смысле, что... Флойд бы прямо обозначил свои желания, да? Или хотя бы намек проявил. Как-то... взглянул на член, затем на меня и подмигнул, например... Хотя это кошмар как глупо звучит.

В любом случае, мужчина ни разу не показывал благосклонность к таким ласкам. Я чувствую себя, как фокусник перед толпой зрителей, который не знает, понравится ли публике его следующий трюк.

Парень банально может покрутить пальцем у виска и обозвать меня слишком пошлой. Что, если в городе член смакуют исключительно девушки за деньги? А в серьезных отношениях, с намерением создать брак, леди не должны брать в рот ту... длинную большую штуковину? Нет, конечно, она не у всех длинная, у кого-то тонкая и короткая, я более чем в курсе, но... Черт возьми, кажется, это слишком волнительно, и мозг в беспорядке.

— Ты не думаешь обо мне, — хриплый голос выводит из хаоса, и я распахиваю ресницы, внезапно встречаясь с вдумчивым лицом, — Тогда о ком твои мысли?

Я растеряно смотрю на него, только сейчас замечая, что меня уложили на кровать. Флойд нависает сверху. Целовал в губы крайне интимно. Вроде бы отвечала, однако не совсем

вовлеченно. И ему явно не понравилось оказаться не центром внимания.

Мужчине важно это — сосредотачивать меня на себе так плотно, чтобы искры летели. Он не потерпит иного расклада. Либо я вся его, либо мы прекращаем. Потому он и изучает слегка сурово — переводит взгляд от одного моего глаза к другому, застыл рукой на щеке и пытается разобраться, с какой стати у него не получилось быть главной фигурой в моей голове.

— Я думаю только о тебе, — неловко произношу, чуть ерзая затылком по подушке, — Только... чуть-чуть по-другому.

Вау, умница, ты так умело пользуешься ртом, ему же все стало ясно.

Видите? Я не умею работать губами ни в какой отрасли. Будь то речь или... или то самое. До сих пор ничего не изменилось: хороша в уборке, готовке, покладистости, но не в диалогах и ласках. А еще я... еще я не очень красивая. Совокупность факторов даст следующий итог: в коленях у Флойда сидит девушка с неудачной фигурой, и он не кончает, потому что она, к тому же, все делает хреново. Ни визуальной картинки, ни ощущений — ничего. Пустота. Более того, сегодня я ела больше обычного, а Морис подчеркивал, каких женщин Флойд имел, я и сама убедилась с помощью того видео. Не дотягиваю...

Мой рот приоткрывается от действий: Флойд выдыхает и тянет меня вместе с собой в сидячее положение. Сажает на

колени, сверху, сам опираясь на одну заведенную руку, будучи в центре широкой кровати. Я бегаю по нему взором, по этому красивому лицу, что сохраняет серьезную мягкость, и приподнимаю плечи в избытке вины. Отвлекла нас... настрой сбила. Глупая.

— Что значит «чуть-чуть по другому»? — аккуратно шепчет и укладывает ладонь на талию с целью поглаживать, в то время как нос тянется к щеке, плавно трется, — Расскажи мне, пожалуйста.

В домике очень уютно: приглушенный желтый свет с кухни сочится к зоне для сна, над кроватью нависает белая ткань, что держится на балках, идущих от четырех углов постели. Но на душе у меня все ежится, как от холода. Я касаюсь руками горячих плеч и мешкаю, не ведая, как начать, что сказать. А Флойд ждет. Терпеливо, нежно — словно забыл о жажде проникнуть, наконец получить свое. Хотя интимные жесты не иссякают: он ведет ладонь к бедру, где приподнимает футболку, и ползет к талии под тканью, кожа к коже, отчего рассудок плавится. Неизменно его хочу. И действительно искренне нуждаюсь в том, чтобы попробовать принести удовольствие. Просто... я такая неудачница, и это ни для кого не новость, всем известно. Нередко поражаюсь, почему вообще мужчина решил остановиться на мне, когда любая Трейси, Меган, да даже та же самая Френсис, просто в другом лице, сможет дать ему гораздо большее.

Я скольжу по любимому лицу уязвимостью и набираюсь

смелости для ответа. Могла бы сказать нечто сексуальное, отдать жар, увлечь, но... Наверное, не в первый раз. Позже, если получится. Пока достаточно выражаться честно, дабы не создать никому из нас дискомфорт. Флойд все равно почувствует тревогу, и такой путь однозначно не принесет блаженство.

— Я хочу... хочу сделать тебе хорошо. Там, внизу, как ты для меня, — неровно шепчу и дышу сбивчивее от того, что голубые глаза осторожно соединяются с моими, без похоти, но с ощущением замершего сердца.

Он не собирается завыть от экстаза. И осуждать тоже не планирует. Только внимает слова, стараясь понять их правильно — ни в чем из этого нет и намека на попытку наброситься, сорвать одежду, поскорее начать либо поругать. И я выговариваю гораздо хрупче, не разрывая зрительный контакт:

— Не потому, что ты так для меня поступаешь, а потому, что... по-настоящему хочется, правда-правда. Но... я не делала такого ни разу.

Кадык Флойда плавно перекатывается от облегчения: полагаю, это не столько радость за звание «стать первым», сколько умиротворение от факта, что меня не принуждали еще и к подобному. Он не перебивает. Лишь продолжает быть близко, смотреть неотрывно. Слабо кивает и тихонько гладит — поощряет высказать все. И я морщу лоб, когда жалко бормочу:

— Я очень боюсь подвести. У тебя было... так много их было. Других. Они умели. А я... едва ли улавливаю суть темпа, того, как правильно обхватить... ну, — окончательно путаюсь и стесняюсь, — Руками — да, знаю. Но не ртом. А хочется именно ртом, — это звучит так наивно, что на мужчине вырисовывается слабая улыбка, любовная, чуткая, снисходительная, будто ему сейчас хочется меня обнять и спрятать от целого мира, — Еще я не понимаю, можно ли мне. Ты ни разу не проявлял инициативу. Вдруг в городе такое получают только с кем-то... временным? На ночь или две. А я у тебя не на ночь. Вроде бы надолго...

— На всю жизнь, — глухо вставляет правду, не разделяя наших глаз.

— Да, вот, — мямлю с пунцовыми щеками, — Вот. Да.

Я всегда считаю себя трусихой, но, по-моему, пусть диалог и вышел скомканным, мне положено получить за него звание храбреца. Нельзя отрицать тот факт, что наш с Флойдом союз — крайне нестандартная вещь. Убийца и сектантка. Про такое и фильмы, наверное, не снимали — картина чрезмерно противоречива, чтобы быть правдивой. Мы стали единым целым, и тем не менее я все равно олицетворяю ту лишнюю деталь, которую вставили по ошибке, однако, о, чудо, она каким-то боком вписалась, частично подошла. Флойд познакомился со счастьем после нашей встречи. Выдохнул, нашел покой. Только это совсем не значит, что я была создана для него, как и он для меня. Мы... сроднились по неведо-

мой причине, вопреки тому, что вообще не должны.

Поэтому в его мире я часто стою на одной ноге, пытаясь отыскать баланс, как неуклюжая курица, оказавшаяся на тонкой проволоке. Более доходчивой аналогии не предоставить.

Он жует губу, скромно дыша через нос рядом с моей щекой. О чем-то думает. Я чуть двигаюсь задом поближе к его центру... коченею за секунду.

Флойд сразу смыкает челюсть и коротко спазмирует мышцами груди. Плотно губы сжимает.

Ой...

Я даже бедрами дергаюсь вверх, будто чувствую член впервые, но мужчина мгновенно давит на мою ногу, добиваясь того, чтобы уселась основательно плотно. Выбора нет, за что благодарна, — наши самые чувствительные зоны соприкасаются через ткани одежды, и это давление заставляет рты раскрыться, а ресницы затрепетать. Знакомое электрическое заполняет пустоты, и Флойд, будучи накрученным особенно сильно и особенно долго, на мгновение роняет лоб к моему плечу, издавая оборванное «мм», словно ему физически трудно находиться так близко и, в то же время, не соединяться.

Он возбудился от одной только голой идеи минета без практики?

Нет... не поверю. Виной всему служит тесный контакт. Опрометчиво брать на себя слишком много...

— Я не проявлял инициативу, потому что это отведено тебе, если стремление появится. Как сейчас, — наконец заговаривает парень, сведя брови от того, что сам жмет меня к себе снова, заставляет поерзать, вызывает наше общее содрогание, — Не мог подстраивать тебя под свои желания.

Я уже чувствую долбаную влагу под нижним бельем — вот, какую хрень со мной творят любые его действия, и, черт, как же разочаровывает, что ему об этом известно. Он раскрывает рот, намерено крутя мой центр об свой ленивым движением, и уголок дерзких губ приподнимается от полученного тихого стона. Почти во всех ситуациях опытность Флойда играет нам обоим на руку, однако возникают моменты, когда я хочу стукнуть его за излишнюю уверенность.

— Так значит, ты желаешь?... — рассеянно уточняю.

Горячая рука ползет выше под футболкой, дабы коснуться груди и мягко сжать ее в горсть, отчего мы оба тяжело глотаем и еле дышим. Так трогать разрешено только ему — это и возбуждает обоих хлеще прежнего. Флойд знает, что каждая моя часть давно завоевана им без шансов на обратный путь. А судя по тому, как пьяно он смотрит на рот, жажда окончательно завоевать и эту часть бьет ключом.

— Очень, — признается слегка нерешительно, вопреки пылу эмоций, — Правда, с тобой запутался. Это то, что я люблю, но мне также хочется ласкать тебя в ответ и быть в тебе — не меньше. Так что... пока не понимаю, как поступить. Мой член неимоверно хочет оказаться... — его подра-

гивающая ладонь спокойно выныривает из-под ткани и прикладывается к щеке, чтобы губы вскоре накрыли пьяным поцелуем, он продолжает шептать прямо в рот, не отдаляясь, морщась, — Здесь. Но моему сердцу не нравится мысль, что только я буду получать удовольствие. Не могу стать с тобой эгоистом.

Я часто моргаю, плавясь от языка, которым он обводит небо, от зубов, которые деликатно покусывают, и собираюсь что-то сказать, однако Флойд перебивает, целуя опять, опять и опять, тягуче, нежно.

— У меня есть вариант... такой хороший и прекрасный вариант, — его пальцы притягивают меня к себе ближе, из горла сходит хрип от ответного внимания, — Но ты пока к нему не готова, застесняешься. Поэтому...

Боже, если он не уймет свои сомнения, я не поцелую, а откушу его член, и только попробуйте обвинить в жестокости.

— Я хочу сделать тебе хорошо, Флойд, и мне от этого тоже хорошо будет, — повторяю смелее, не вникая в таинственные речи, — Либо разреши, либо...

— Никаких «либо», — безвредно пресекает, будто для него преступление слышать о том, что все прекратится, — Ты сегодня моя во всем.

Когда уши обдаются требовательным тоном, по коже бегут мурашки, и Флойд добавляет к ним пожар, ведь внезапно целует напористее, выкладывая в контакт до унции ранее сдерживаемой страсти. Он окольцовывает талию пред-

плечьем и падет на спину, заставляя лечь сверху, после чего цепляет лицо двумя ладонями и от ласк не отпускает — я теряюсь в его скоординированной стратегии, на миг превращаясь в бестолкового жучка, у которого даже лапки оторваны на случай побега. Он выглядит как тот, кто вот-вот завертит меня обратно, кинет к изголовью кровати и устроится головой меж ног — займется тем, что с ним изучено. Удерживает челюсть и запускает вторую руку в волосы, жадно накидываясь на каждую губу, попутно вовлекая в развязные касания язык. И я бы правда погибла — вот так просто, сразу, над ним. Поддалась и сдалась бы, ведь трудно противостоять блаженству. Но, видимо, я все же люблю Флойда Маккастера до одури, раз вообще не хочу волноваться об этом тугом узле внизу живота и все, о чем думаю, — как разобраться с его возбуждением.

Потому мои ладони упираются в сильные плечи. Пытаюсь разъединить губы. Парень аж кривится от того, как мучается. Подается вперед, чтобы не упустить, однако я настырная, своего добиваюсь — смещаю поцелуй от рта к шее, и тут же получаю сбивчивый гул.

Так... Сначала приласкать, верно? Потихонечку. Не сразу кидаться шорты срывать. Быть... последовательной.

Я не вижу, но чувствую, как голубые глаза расширились — от осознания, что сейчас над ним стараются, а ему требуется только расслабиться. Флойд сперва и не понимает заданной роли — усвоить не способен. Держит мондражными

руками талию, весь напрягается подо мной, теряется. Я стараюсь это изменить: притираюсь к его низу своим центром, слышу стон и целую шею более влажно, с применением языка и зубов.

— Френсис, ты... — невнятно лепечет, ерзая и пылая, — А... а я?...

Ну, все. Поплыл.

— Ты пока лежи, — скромно командую, прежде чем вернуться к намеченному.

Он выпускает выдох, полный смятения, а следом, от касаний, спустившихся к плечам, сжимает меня крепче. Я заправляю волосы за уши, чтобы они не мешались, и прокладываю аккуратную тропу ниже — к выразительным ключицам. Его кожа отдается теплом на моих губах — такая чертовски приятная. Наверное, теперь я лучше понимаю, почему мужчина одержим поцелуями моего тела. Это, оказывается, действительно потрясающе не только получать, но и дарить.

Флойд чуть привстает на локтях, наблюдая за мной с атрофировавшимся сердцем. Беспокойно сглатывает, смотря, как смещаюсь к прессу, параллельно поглаживая его торс руками. Сползаю чуть ниже, из-за чего давление на член пропадает, и брови мужчины сводятся в страдальческом жесте. Но он не роняет ни слова, ни звука — все потому, что я мощу поцелуи ниже, ниже и ниже, пока не добираюсь почти до резинки шортов, чтобы... отпрянуть и вернуться обратно к

шее, на которой отчетливо пробивается пульс. И от случившегося горя либо от перенапряжения, парень роняет самый жалкий трясущийся всхлип из всех предыдущих. Запрокидывает затылок, открывая кадык, напрягается пуще прежнего, не понимая, может ли умолять, ведь, в общей сложности, это бы сочлось некорректным, чем-то невежливым для первого опыта.

Я не специально дразню. Честно-честно. Нацеливаюсь исключительно на то, чтобы доставить яркие ощущения. Ему и терпеть недолго осталось — я ничегошеньки, кроме того, как зацеловать, не сочинила. Так что напоследок обхватываю мочку уха, покусываю, посасываю — и вот здесь с него реально рвется разбитый звук отчаяния.

Такой чувствительный мальчик.

Мне нравится. И, похоже, сама вот-вот кончу — терзающая пульсация меж ног издевается над терпением. Надеюсь, Флойд потом уделит мне внимание. Хотя бы немножечко. Хотя, даже если нет, все это того стоит — поистине наслаждаюсь тем, как наслаждается он.

Мои губы переключаются на грань челюсти, и мужчина поворачивает лицо, чтобы создать поцелуй, но не успевает. Я прочищаю горло и неловко отползаю от него. Готова хихикнуть от перепуганного вида — считает, что насовсем ушла, бросила. Вот-вот кинулся бы болтать, если бы зрелищем не заткнула — опускаюсь на пол и смущенно снимаю футболку, медленно откладывая ее в сторону. М... Да. Вот... Такая

и сижу на коленях... Только один элемент белья остался. За волосами на всякий случай прячусь. Вдруг как-то некрасиво...

— Я хочу быть твоим мужем, — пронзительный полуглухой голос обволакивает от макушки до пят.

Мои глаза резво распахиваются и встречаются с мужчиной, который тяжело оглядывает силуэт, пока двигается по постели. Скользит по волосам, закрывающим грудь, по голым участкам, но концентрируется на лице — не силой, а сердцем. Всматривается в меня так... покорно. И смиренно продолжает, когда усаживается на краю кровати:

— Я навязчивый, Френсис, знаю. Прости. Просто... Мне больно, что ты не уверена, — это заставляет поежиться с эмоцией вины, и он мотает носом, мягко, но убедительно ругая, — Вот. Снова. Считаешь, что нехороша. Переживаешь о каком-то моем прошлом, хотя ты все мое прошлое перечеркнула. Говоришь о том, что подведешь. Думаешь, что с кем-то чужим было лучше, чем будет с тобой. Но это не так. Это полная чушь, которая злит, — без давления выдыхает слово за словом, скорее подавленно и расстроенно, касается щеки, — Истина в том, что я желаю принадлежать тебе еще больше, потому что ни разу не ощущал себя таким ужасно живым. И мне хочется, чтобы ты никогда, черт возьми, не сомневалась в том, какой совершенной являешься. Слышишь?

Слышу... потому и плакать хочу.

Закусываю губу, ресницами чаще хлопаю, лицом к его

ладони лащусь. Эмоциями руководит недолюбленность — сильная дрянь, против которой сражаешься долго. Душе, как и прежде, не нужна любовь от других. Только от Флойда. Меня никто, кроме него и Альмы, ни разу не грел. И я очень боюсь, что они передумают. Что передумает он.

— Ты не навязчивый, — шепчу, восстанавливая дыхание, и утешаюсь тем, как большой палец гладит щеку, которая лежит на большой руке, — Я тоже очень хочу, чтобы ты был моим мужем в будущем. Надеюсь, станешь, если не...

— Стану, — прерывает он и с чувством тянет меня к себе.

Я отрываю зад от пяток, поддаваясь любимым касаниям, после чего отвечаю на обрушившийся поцелуй. Флойд склоняет голову, и все превращается в легкость — пухлые губы действуют так заботливо, что тревоги иссякают. Мои ладони опираются на его разведенные колени и, признаться, несмотря на то, что сижу гораздо ниже, подле мужских ног, я не чувствую себя в какой-то проигрышной позиции. Сейчас в воздухе не витает власть, какую можно почувствовать в момент секса с ним или в мгновения работы его языка. Прохладная комната пахнет... чем-то таким мирным, безопасным и укромным, что мне совершенно не страшно ошибиться в последующих техниках. Потому что я ему доверю. Потому что он делает все, чтобы я ощущала комфорт.

Мы беспокойно дышим друг другу в губы, целуя вместе, чертовски едино и правильно. Без спешки, но поглощенно. Оба дрожим заметнее, когда веду руки выше с целью кос-

нуться черной резинки. Он поверить в это не может — в то, что реальность настоящая. Выцеловывает, как в последний раз, с диким приступом обожания, и едва ли складывает волнительные слоги:

— Ты скажешь, если перестанешь хотеть. Ты мне скажешь сразу же, на любом этапе — неважно, в какой момент. Если что-то не так, прекратишь, заставлять себя не будешь. Ясно?

— Ясно, — накручено отстукиваю, цепляя пальцами вещь, — Обещаю. И ты тоже. Если не понравится, останови меня, я не обижусь...

— Мне понравится, — с дрожью роняет глухим тоном.

Поцелуй становится конкретно растерянным. Флойд слегка отводит губы, чтобы метнуть глаза вниз, к моим рукам, а потом хрупко целует опять. Его грудная клетка быстро сокращается и расправляется, будто он задыхался под водой, и его вытащили — все хаотично, но почти беззвучно. Наши блестящие взгляды пересекаются, и мужчина слабо кивает, приподнимая бедра, благодаря чему я могу стянуть вещь по ногам. Осуществить это было непросто — член мешал ткани соскальзывать, упираясь в материал каменной твердостью. Он стукается об пресс, и Флойд скомкано мычит, гримасничает от скопившейся боли — это ноет в нем неприлично долго, что, к слову, справедливо сказать и обо мне, ведь белье давно пропитано влагой.

Я собираюсь усесться назад, однако Флойд перехватывает щеку и напоследок целует снова — отпускает кое-как, во-

преки отчетливой нужде поскорее перейти к делу. Кажется, он переступает от беспорядка к разгрому именно тогда, когда все же занимаю удобную позицию: мощусь на полу, лицом напротив... Кхм.

Здравствуйте, сэр? Я Вас буду сейчас облизывать... Вы не против? Заранее извините, если неудачно...

Он немного дергается, с головки выделяется смазка, налит кровью. Вены вьются и пульсируют. Такой... от кончика моего подбородка до линии роста волос на голове...

Я его смущаюсь...

Слишком уж важно выглядит. И я придумала шутку. Эм... сейчас. Знаете, что делает член, когда спорит?

Стоит на своем.

И еще одна. Знаете, что делает член, когда спешит?...

— Френсис, — горько сглатывает Флойд, отчего осторожненько поднимаю к нему взгляд, тут же спотыкаясь об шквал мужских эмоций, — Все хорошо?

Мне точно не нужно делиться с ним юмором в текущей ситуации.

Я такая дура... Правда... Мотаю носом и придвигаюсь чуть ближе, смущенно бормоча:

— Да. Просто... привыкала. Все прекрасно. Могу я сначала... рукой?

— Как тебе комфортнее, — вторит, носясь по мне зрачками, — Не спеши.

Я переступаю коленями вплотную и без страха веду руку

вперед, дабы ласково провести кончиками пальцев по длине и мягко ее взять. Флойду хватает даже этого — почти скулит, зубы смыкает, отчаянно навстречу двигается. Истязать не планирую, поэтому провожу вверх и вниз пару поступательных раз, внимательно прослеживая реакцию в виде стона и тряски. А затем, набравшись смелости где-то в груди, веду кончик к губам. У Флойда мгновенно дыхание замирает.

Испуг не испытываю. Только стеснительность. Смотрю ему в глаза и приоткрываю рот, высовывая язык на пару сантиметров, чтобы коснуться набухшей головки и провести им вверх, собрав каплю смазки на рецепторы...

Мне кажется, отныне я в курсе, как выглядит человек, у которого взорвался каждый нерв от экстаза.

Заливистый гул, неподдельный, высокий и плаксивый, высвобождается на всю комнату. Руки, упирающиеся в матрас, цепляются за одеяло до побелевших костяшек. Его красивое лицо буквально тонет в ошеломляющем удовольствии, в то время как пьяные глаза превращаются в неподъемные. Не буду лгать — все это вселяет в меня уверенность, тревожная душа успокаивается. Вы не можете считать, что плохи в чем-то, когда у вашего мужчины отвисла челюсть, а во взгляде прибавилась тонна обожания.

Я убираю язык обратно, пробуя смазку — не тороплюсь, как нами и было обговорено, чем он, без фальши, доволен. Плавно вожу кольцом из пальцев, чтобы не покидать его, по-

ка анализирую ощущения. Это... лишь оттеночно солоновато. А так... безвкусно. Не в дурном аспекте. Напротив, приятно. Я, эм... хочу еще.

— Позволь... — осложнено выговаривает Флойд через хрипы блаженства и ведет руку к моим волосам... убирая их с груди, аккуратно перекладывая локоны на спину, чтобы вид себе открыть, — Не надо от меня такую красоту прятать. Прошу, не прячь. Я очень тебя люблю.

Это звучит так чисто, что и тут колебания иссякают. Ему... действительно нравится. Без понятия, почему, но все так.

Я киваю, никак не закрываясь, и перехожу к чему-то посерьезнее — медленно опускаю кольцо из пальцев к основанию и осторожно накрываю головку губами, немного посасывая, обводя языком уже полностью, и вот тут, наверное, наступает наша общая смерть. У Флойда в плане фейерверка эйфории. У меня — в плане гибели нерешительности. Потому что, как только его горло гудит от стонов и задыханий имени, я перестаю сомневаться и выбираю продолжать — пусть наугад, пусть не идеально, однако без остановок. Обхватываю рукой увереннее, после чего опускаюсь губами, вбирая длину в рот — вверх и вниз, но каждый раз чуть глубже, чуть внимательнее, чуть плотнее, работая языком вокруг...

— Блять, о блять, черт, Френсис, мм, м, да, да, пожалуйста, — убито скулит он, поощряя, и трепещет, когда ласково касаюсь его руки, прося переплести пальцы.

Это то, что он и делает — тут же создает наш жест, укры-

вая мою ладонь бережливостью, параллельно помещая свободную на щеку, чтобы гладить и разбирать чувства лучше. Я не прошу себя гнаться за чем-то — интуитивно подстраиваюсь под шумные стоны, наполненные шоком, и спокойно корректирую движения. Не давлюсь, полностью не пытаюсь взять — работаю с половиной, а оставшуюся часть ласкаю рукой, все вместе, сообща. Заранее определяюсь, что повторять буду регулярно. Лицезреть его таким нуждающимся и изводить до предела — рай на земле. Мы еще будем спорить, кто кому что первым вертеть начнет — либо я ему минет, либо он мне... то самое. Счастливой паре ругаться следует, полагаю, лишь по такому поводу.

Я понимаю, что без труда могу принимать его чаще, учусь дышать через нос и задаю немного более высокий темп, но... уже скоро меня нежно тянут отдалиться, по вине чего член выскальзывает изо рта, образовывая от головки до губ тоненькую ниточку слюны.

Ох... Неправильно?

Приподнимаю плечи, дрожа ресницами, и смущенно смотрю на мужчину. Готова извиняться за то, что в чем-то оплошала, как вдруг получаю колотящееся:

— Не ускоряйся, прошу, я не хочу кончить так быстро... — он стопорится на греховном зрелище моих губ и играет желваками, поднося подушечку большого пальца ко рту, чтобы убрать избыток влаги, беспорядочно прохрипеть, — Боже, блять, ты меня погубишь.

То есть... я почти довела его до оргазма? Судя по тому, как колени подрагивают — да.

Вот-вот замурчу от радости.

Это выражается в виде случайной скромной улыбки. Туплю взгляд на секунду, празднуя победу. Довольно мило и то, что Флойд на схожее не способен — моя рука продолжает доставлять блаженство, потому хихикать не выйдет. Однако у него получается... угрожать. Я впадаю в ступор от сбивчивых фраз:

— Подожди немного, любимая, и я сделаю с тобой такие вещи, от которых голос сорвешь. Неделю вспоминать будешь, пока не предложу нечто насыщеннее. Вновь и вновь.

Извините, но... мужчина и без того испробовал на мне беспредельно яркие вещи. Что может быть «круче»? Конечно, он из тех, кто умеет удивлять, ни один наш секс не идентичен предыдущему, что-то всегда отличается, и все же... По-моему, кто-то просто кидается красивыми словами.

Мы упустим тот факт, что Флойд никогда не обещает то, что не выполнит.

Я пищу где-то в горле и перевожу тему на насущное, нелепо уточняя:

— Ты... Все ли... Нужно ли что-то изменить?

Он еле соображает, клянусь. Размазано следит за рукой, изучает грудь, стонет, кусая губу — буквально разучился существовать здраво. Совершенно покоренно качает носом, выдавая настоящую мольбу:

— Все прекрасно. Ты прекрасная. Френсис... — морщится, впиваясь в мой рот далеко недвусмысленным взглядом, — Пожалуйста... если хочешь. То, пожалуйста, продолжай.

Я очень хочу. С одной поправкой — он мне нужен. Потому замираю рукой на длине, чем не нарочно вызываю горький всхлип, и разъединяю наши пальцы, чтобы обхватить его запястье и повести ладонь выше, к макушке. Глаза Флойда расширяются, а желудок словно падает от намека, хотя ничего страшного не произошло — просто подбиваю... управлять. Самому маня опускать, самому поднимать — в подходящем темпе, с подходящей глубиной. Ему лучше известно, как хочется, а я пока учусь. Нет ничего грубого в том, чтобы «трахать» мой рот, если первая к тому подвела — к тому же, никто не просит реально долбиться. Только подсказывать.

— Я хочу так, — опережаю протесты шепотом, и его мимика ломается от новой ступени соблазна, — Я доверю тебе и хочу, чтобы ты делал это. Если почувствую беспокойство, упрусь в ноги, прекращу. Просто, пожалуйста, помоги мне, я даю согласие, не надо думать о чем-то еще.

У него сил нет бороться. Источает уничтоженный выдох через нос и поскуливает, когда уступает, зарывается пальцами в волосах, осторожно тянет к длине. Я тут же слушаюсь, приоткрывая губы, и тихонько стону от громогласного удовольствия, что накрывает мужчину, когда контакт затевается вновь. Теперь его рука задает темп моему рту, и, как бы странно ни было, я физически ощущаю себя главной во всем

происходящем. Он не вынуждает брать слишком много: мягко давит на затылок, пока не спущусь ровно на половину, и любовно зазывает назад, похоже, в какой-то мере даже запрещая насадиться ниже.

— Смотри на меня, — требует без давления, буквы складываются порывистыми, жалобными, — Не закрывай глаза, смотри на своего мужчину и на то, что ты с ним делаешь, Френсис.

Прямо в глаза?

Я мешкаю, не переставая подчиняться его ритму, и он добавляет доходчивее, через плаксивые стоны:

— Святое дерьмо, просто послушай, в каком состоянии я нахожусь, не смей стесняться, это все благодаря тебе, я твой, целиком, трясусь неистово, уж точно не тебе здесь робеть, любимая.

Мужчина звучит как тот, кто умрет, если не получит свое, потому сглатываю — для того, чтобы собраться, но действие сокращает горло вокруг кончика, который как раз почти достиг стенки, отчего Флойд ноет, заливисто всхлипывая десятки раз, чертыхаясь от того, как сильно ему это понравилось. Так... поняла... усвоила на будущее.

Я распахиваю ресницы и медленно поднимаю взгляд к бешеным зрачкам. Парень мгновенно кивает — кажется, раз пять, бессознательно. Плавится подо мной, вообще не в себе. Локоны растрепались, лоб поблескивает от температуры, щеки раскраснелись. Чертовски красивый мерзавец.

— Вот так, да, мой ангел, теперь все верно, — беспорядочно хвалит, скулит, — Умница.

Кто-нибудь... помогите мне тоже. Я откинусь от степени возбуждения, белье реально можно выжимать, что стыдно.

Длинные пальцы крепче впиваются в волосы, когда смыкаю губы плотнее, а рукой работаю чаще. Пресс бесконечно сокращается. Мышцы рук и ног жмутся жгутами. Его звуки утрачивают любую сдержанность. Голова случайно запрокидывается, демонстрируя острую челюсть и натренированную шею — Флойд мигом возвращает лицо, находясь в конвульсиях от того, что потерял мой вид на секунду. Я могу гарантировать, что он действительно страдает от потребности ускориться, но ничего не предпринимает — его бедра не подпрыгивают вверх на инстинкте, ладонь не давит сильнее. Не уверена, сколько сил ему требуется для сохранения самообладания в целях заботы обо мне, однако могу предположить, что нисколько. Он не хочет подавлять — ни похоть, ни сердце не командуют навязывать «лишнее». Так что бережливость, догадываюсь, не ощущается глобальной проблемой. Флойд... искренне наслаждается. Был бы рад, даже если бы только дышала на член. Ничего другого бы не просил.

Тем не менее он близко. Почти там, что ясно читается по колотящимся стонам. И я желаю доставить его в верную точку, поэтому обхватываю ртом теснее...

— Тише, тише, моя хорошая, черт, — мягко, но суетливо шипит он, внезапно прикладывая большой палец второй ру-

ки на мой подбородок, отчего застываю, — Убери зубки.

А... ой.

Я расширяю глаза, ощущаю укол проступка, и Флойд хаотично мотает головой, успокаивая:

— Все прекрасно, кошечка, все хорошо, ты замечательная. Пожалуйста, продолжай, только без них, они нам здесь ни к чему.

Слушаюсь и прячу, осознавая, что правда его прикусила. Он склоняется вперед на миг, прижимая к моему лбу утешающий поцелуй, шепчет туда что-то крайне любовное, и я отпускаю вину, увлекаясь длиной снова. Слежу за собой... чуть тщательнее. Все-таки не хотелось бы оторвать ту его часть, которая мне еще много раз понадобится — хотя, на такой случай, природа подарила ему язык, поэтому пусть не ворчит.

Он все же погружает меня на пару сантиметров глубже при каждом спуске — тупой кончик касается задней стенки, не бьется, а нежно дотрагивается, так что трудностей не возникает. Я ускоряюсь рукой и работаю вокруг него щеками, посасывая, ориентируясь на то, что заставляет парня кричать громче. И, спустя каких-то секунду двадцать, его челюсть отвисает шире, торс содрогается. Руки кидаются в конвульсии, вровень ногам. Он тянет меня за волосы, панически выговаривая:

— Я сейчас кончу, Френсис, я, я, Господи! — голубые глаза мечутся по непреклонному лицу, в то время как из горла

выливается обреченный будоражащий стон, он с трудом оттягивает финал, переживая залить мой рот, переспрашивая внахлест, — Точно? Можно?

Нужно, Флойд, прекрати протестовать, у тебя слабо получается.

Я скрепляю наши свободные руки снова, переплетаю с ним пальцы, киваю по возможности, особенно внимательно обращаясь с головкой, совершаю ладонью круговые движения вверх-вниз, и мужчина затихает на миг.

Его совершенное тело сжимается до скрипа в мышцах, в зрачках пестрит эйфория, а член во рту каменеет чуть ли не до стадии разрыва, бьется на языке, прежде чем комната заполняется потрясенным криком моего имени до мурашек по коже:

— Френсис, Френсис, черт возьми, черт, черт! Френсис! — его глаза закатываются, каждая клеточка охватывается судорогой, и жидкость выстреливает в ответ на ласки, пока высокий голос не устает рваться в пораженном благоговении, — Пожалуйста, блять, да, я тебя люблю, Боже, Френсис, я тебя люблю!

Горячая разрядка такая мощная, что мой рот буквально забивается полностью. Его рука замирает на голове, прося притормозить движения, и тогда я концентрируюсь на том, чтобы только вытягивать это, тихонечко работать щеками, как бы выпрашивая до последней капли, обводя языком место, из которого все выплескивается, по вине чего Флойд

бьется и молотится без остановки, следя за мной, как ошпаренный, пыхтя, всхлипывая и рыча. Дергается, ворочается, вьется — никак не успокаивается, словно наслаждение циркулирует по венам беспощадной волной.

Член конвульсирует еще пару резких раз, прежде чем переключиться на измотанную дрожь. Я аккуратно веду рот вверх, стараясь ничего не пролить, и отстраняюсь, ерзая на пятках. Флойд в себя не приходит — громоздко дышит, заливается тряской и касаться меня не прекращает ни в коем случае. Пальцы, что цепко скреплены, поглаживает, ладонь с макушки на висок смещает, морщится, остаточно скулит. Пытается произнести, хотя слоги не складываются, голос ломкий:

— Ты не должна... нет обязанности... просто выплюнь в раковину...

Но я уже тихонечко сглатываю и прикладываю привычный жест к подбородку, смущенно тупясь в пол. Вполне... неплохо. Ничего не отталкивает. Полупустое, солоноватое и густое. Только пить хочется — горло пересохло. Поэтому скромно оглядываюсь в поисках воды, и Флойд распахивает тяжелые ресницы, замечая, что выплевывать уже нечего. От того и стонет глухие маты повторно — как если бы сей факт его полностью расплющил морально. Видит, что именно ищу, и первым тянется к тумбочке, шатко хватая бутылку, дабы открутить крышечку треморными пальцами, кинуть ее в сторону. Я перенимаю стекло и омываю рецепторы жидко-

стью, скромно полощу полость — сидеть тут и так теперь довольно стеснительно, ведь он сконцентрировал взгляд, который, почему-то, приобрел тьму...

Что ж... не слишком позорно для первой попытки? Знаю, не все вышло чудесно, но мужчина получил разрядку, ему понравилось. И мне понравилось тоже. Обещаю, что буду более сексуальной, раскрепощенной и интересной в следующий раз. Не такой неуклюжей. Менее неловкой. Хочется ему все лучшее дать. Возможно, почитаю статьи в интернете...

— Я усажу тебя на свое лицо, Френсис Гвинерра. Сейчас, — моя челюсть отвисает, мозг заполняется звоном от непреклонной инструкции, — Буду хорошо работать ртом, а потом любить всю ночь, — он наклоняет голову вбок, ловя взгляд, и добавляет пронзающее тихое, — Я хочу, чтобы ты не могла сосчитать завтра, сколько раз кончила сегодня. И у меня есть привычка получать то, что хочу.

Глава 5

Флойд

Как только мои слова прорезают воздух, девушка выпучивает глаза. Даже слегка отшатывается: руку назад заводит и отклоняется, но выбора нет. Я бы мог быть вежливым, проявить терпение, уважать ее границы — если бы не сухой факт, который горит синим пламенем. Она хочет меня и хочет всего, что сделаю. Просто стесняется. Так что я разрушаю не ее волю, а ее стыд — он нам мешает.

Мое тело подается вперед, вровень рукам, чтобы ловко схватить, поднять и за секунду уложить — или, признаться, кинуть, — кошечку на матрас животом. Она ахает, путается и озирается в шоке, однако я уже встаю, без колебаний подтягивая ахренительный зад вверх — теперь Френсис упирается лицом в постель, поддерживая себя с помощью коленей.

Данный вид убьет любого мужчину за секунду — это то, что и происходит.

— Флойд... — дрожит шепотом, а следом возмущенно вскрикивает, когда я пристраиваюсь позади и без труда рву ненужное белье на части, — Боже! Ты...

Договорить не способна. Потому что склоняюсь, развожу тонкие ноги шире, впиваюсь руками в бедра и сразу присасываюсь к жаркому теплу, отчего ловлю безудержный стон и пораженно громыхаю сам.

Святое дерьмо, блять, она ужасно мокрая, Господи.

Моя милая, милая, грязная девочка, которой так понравилось держать мой член во рту и доводить до экстаза.

А то, как сильно понравилось мне, лучше упустить. Ничем связным не описать. Только стонами — необузданными и ошарашенными. Думал, свихнусь. Теперь мечтать об этих гребаный спелых губах буду еще чаще — в каждом развратном сне, в каждом поцелуе, при каждом взгляде. Настоящее безумие.

И за сие безумие более чем хочется благодарить. Желательно без устали. Потому я применяю все лучшие тактики, искусно щелкая на клиторе языком. Не сам себя хвалю, нет. Меня хвалят ее сокрушительные крики. Это более чем весомое доказательство.

Лицо покрывается влагой полностью: провожу линию от чувствительных нервов до входа, впитывая все, наконец-то получая достойный ужин. Затем отвожу ладонь, чтобы шлепнуть девушку по заду, как бы подстегивая не расслабляться — мы только начали, пусть помнит об этом. Впереди целая ночь, мой оргазм был слишком сильным, и второй наступит не меньше, чем через вечность активного секса. Ей придется собраться, чтобы суметь принять все до конца.

Она почти подскакивает от удара и всхлипывает от перевозбуждения, но я удерживаю непослушные бедра на месте, со стоном возвращаясь к любимому участку, дабы вызвать новый залп удовольствия. Френсис явно понравилось, как я

трахал ее языком в течение десяти секунд — начала умолять, когда обвел вход и проник внутрь. Очень хочет чего-то гораздо более широкого и длинного, однако получит позже — сразу после просьбы войти.

До сих пор не разберу, что со мной сделал этот фантастический минет, но я будто сорвался с цепи — поедаю девушку так жадно, как в последний раз, почти напевая ненасытные мелодии в мокрый центр.

Чертовски блядски вкусно, нужно еще, этого мало.

Я говорил, что хочу видеть ее сверху, и не шутил. Суть в смущении — оно, как и подчеркивал, лишнее. Потому перекладываюсь на спину за секунду, дабы идеальное место нависало над лицом, размещаю голову меж ног. Френсис даже не замечает поначалу, что именно произошло. Плаксиво проскулила на миг, ведь ласкать перестал, меняя позу, а теперь снова блаженно ноет, благодаря тому, что обхватываю бедра и смещаю рот вверх с целью присосаться к нервам основательнее. А потом применяю силу рук — кладу их на талию, тяну любимое тело подняться. И, как итог, не оставляю выбора сбежать — ладони крепки, улизнуть не дадут. Она ведет спину назад и, к своему же удивлению, садится на мое лицо самым верным образом.

Оно было создано для того, чтобы кошечка использовала его в качестве наслаждения, поэтому я не разберу, почему голубые глаза вдруг выкатываются в стрессе.

Если бы я подозвал ее разместиться сверху, мы бы потра-

тили время на уговоры: она бы мялась долго, и только потом колено бы перекинула. А так, пожалуйста, все сразу — поставил почти на четвереньки, лег сам, схватил, усадил. Готово.

— Флойд... ой! — стеснительно пищит, бешено носясь по мне зрачками.

Готово, Френсис. Я сказал, готово. Спорить не смей, когда твой мужчина голодный.

Я смотрю на нее достаточно сурово, дабы она оставила попытку воспротивиться, и начинаю работать языком вновь — этого достаточно для смирения с ситуацией. Она забывает о «стыде» и расслабляет ноги, которые тут же принимаются мандражировать вровень заливистому:

— М, мм, Ф-Флойд, черт, что ты... да, прошу!

Мои руки поглаживают трясущиеся бедра в поощрении, наконец сбавив хватку — удерживать нет смысла, ведь теперь, при данном объеме удовольствия, Френсис с меня соскакивать вообще не планирует. Наоборот, поддается, опускается ниже, начиная потихоньку скользить навстречу языку — ее тело действует отдельно от мозга, и это то, что нам подходит.

Я хочу, чтобы девушка не контролировала ни единый мускул во время нашей близости, а еще хочу видеть, как она безвозвратно теряет себя. И мне действительно лестно получать и то, и другое разом.

Мои губы обволакивают чувствительный нежный уча-

сток, деликатно посасывая и проминая, прежде чем язык берет новый сбалансированный темп. Задача простая — ласкать ртом, гладить руками и без колебаний вести к разрядке. Вот только Френсис решила внести коррективы — запрокидывает голову, тем самым прекращая наблюдать за моими махинациями. Очень невежливо. Приходится перестать лелеять одной ладонью, отвести руку и шлепнуть ее снова — это заставляет кошечку вздрогнуть всем телом, дернуться. Она ошарашено возвращает взор к лицу, и я отдаю ей доходчивый взгляд, после чего хорошее поведение возвращается. Френсис плаксиво кивает и слушается — откликается на зрительный контакт смущенно, больше не пытается его разорвать. Так-то лучше. Это моя милая девочка, вот она.

В потайных фантазиях я уже довел зад Френсис до красного оттенка. Но в реальности до такой картины слишком далеко, а, быть может, она и вовсе несбыточная. Я еще только знакомлюсь с ее хрупкими границами и, если многие мне ясны, то некоторые остаются под вопросом. В нашей квартире уже лежат некоторые вибрирующие предметы — я приобрел их в день посещения полицейского участка. После «допроса». Решил переключиться на нечто куда более занятное. Сейчас отведено немногое — ждать подходящего момента. Нельзя выкладывать козыри быстро, гораздо интереснее сделать это поступательно — так, чтобы Френсис считала, мол интенсивнее некуда, а на деле я просто разминался.

Она знала, что играет с дьяволом, так что, пожалуй, вско-

ре его и вправду будет пора выпустить на волю. До сей поры я придерживаюсь аккуратности — ни один наш секс не выдавался поистине темным. Даже та игра в прятки — сплошная невинность. Кажется, роль пай-мальчика слегка затянулась. Если и есть что-то, чего я не терплю сильнее, чем отсутствие контроля, — скука. Не люблю быть пресным.

Мои ласки становятся решительнее, и гортанный стон сходит в дополнительную вибрацию на набухшем клиторе, как только я вижу, что она на грани оргазма. Поражающие стоны звучат отчаяннее, а хныкающие эмоции вынуждают захлебнуться довольством. Я обхватываю идеальные бедра двумя руками, дабы начать подавать их навстречу языку чаще. Пусть трахает себя об мой рот — он, как и упоминал, принадлежит ей. Кошечке разрешено пользоваться им по своему усмотрению в любое время дня и ночи. Этот расклад сложился исключительно для Френсис, и мне нравится, что я не был беспечным в данном аспекте до нашей встречи. Не хотел бы, чтобы она оказалась не единственной, кому все позволено.

Любимое тело кидается в поглощенную дрожь. Она слегка шатается, не в силах удержаться, и я успеваю схватить тонкие руки, завести их за спину, придать опору, прежде чем рубеж обрушивается на девушку сокрушительной волной.

Это то, к чему и стремился — мне хотелось, чтобы она намочила мой рот до того, как получит член. Потрясающе заполнять ее, когда внутри все насквозь пропитано влагой,

а стенки находятся в диком натяжении. Хотя не менее красочно трахать через разрядку. С Френсис великолепно все, сложно определиться, она регулярно ломает мой мозг.

Я стону от пробирающего блаженства, наблюдая, как в ней взрывается оргазм, который, вероятно, чрезмерно мощный по своей натуре, ведь кошечка даже не может издавать четкие звуки, крики обрываются в связках. Френсис истошно старается, вновь и вновь:

— Фл... д! Я, о ч... ерт! У-умоляю! Еще!

В это же время ее центр молотится на лице, бешено ерзает туда-обратно. Нервы периодически ударяются об кончик носа, что услужливо добавляет кайфа. И, наконец, живот прекращает спазмировать, мимика обмякает, вровень мышцам. Я свое лакомство не отпускаю так скоро — потихоньку облизываю, совсем нежно, тяжело дыша.

Просто слишком вкусно. Я не наелся. Понимаю, что хорошо делаю куни, сбавлять навыки не собираюсь, учился немало, но порой хочется растянуть момент, получать ее оргазм не спустя три-пять минут. Отказываю себе в сладком для сохранения формы, а тут ноль калорий и сахара хоть отбавляй — рай на земле. С другой стороны, так приятнее — и она довольна, дважды кончит, если заново возьмусь, и мне не один прием пищи. Все в плюсе.

Тем не менее пока запланировано иное. Я вбираю влагу в рот в крайний раз, ловлю ее чувствительный мини-протест и приподнимаю размякшее тело, ловко перекладывая кошеч-

ку спиной на матрас. Она веки не может распахнуть от пережитого. Трет лицо, скомкано дышит, остаточно дрожит — милый родной котеночек. И наивный.

— Не думай, что это конец, дорогая, я с тобой еще даже не начинал, — лениво бормочу, медленно вставая с постели, и замечаю краем глаза, как девушка встрепенулась.

У нее будет время отоспаться завтра, а пока об отдыхе помышлять рано. Френсис держала своего мужчину без оргазма несколько дней, при этом соблазняя нарядами и присутствием. Разве целесообразно рассчитывать на снисхождение после такой изощренной игры? Едва ли. Глупо слишком долго подбрасывать искры, чтобы теперь удивляться пожару.

Я прикладываю большой палец к одному уголку губ и провожу им до второго, после чего помещаю его в рот — поглощаю сладкие остатки и прикусываю подушечку, прежде чем разочаровано попрощаться с деликатесом. Она делает меня действительно капризным в таких вещах. Приучила к роскоши. Так как тут оторваться? Это досадно.

Иду к спинке стула, где находятся мои брюки, с целью вынуть ремень из петель. Специально вытягиваю черную кожу размеренно — секунда за секундой у Френсис умножается шок. Естественно, шлепать не стану — идея привлекательная только с применением ладони. Но связать руки — почему бы и нет. В будущем я обездвижу девушку полностью. Не хочу, чтобы это испугало ее. Важно подготавливать почву заранее. Показывать, каково быть скованной, постепенно.

Приступать с малого и действовать по нарастанию. Она не в курсе, к чему приведет сегодняшнее знакомство. Ее неопытность в подобных вещах забавляет.

Настороженность и проблеск предвкушения — вот, что граничит в девушке. За последним особенно интересно наблюдать. Наверное, в этом есть что-то бессовестное — втягивать невинную душу в подобные игры. Но остановиться сложно. К тому же, я совестью обладаю слабо — она проявляется не везде, где стоило бы. И ее однозначно нет сейчас. Здесь.

— Ты... — робко сглатывает она, когда сгибаю ремень пополам, — А что ты... м... что ты сделаешь?...

Я вкатываю нижнюю губу, желая улыбнуться, и шагаю обратно к постели. Она стесняется от вида голого тела, будто не встречалась с ним десятки раз.

— А что ты хочешь, чтобы я сделал? — чуть сужаю глаза, незамысловато выясняя ее мысли.

В этой красивой голове содержится уйма непристойностей — не так много, как в моей, и все же их в избытке. Уверен на все сто. Френсис сама доказала — трахала меня под травкой. Я говорил, что настанет момент, когда она будет просить о том или ином четко и смело. Высказывание не было бестолковым флиртом. Мы почти дошли до бесстрашной версии кошечки. Движемся к ней и в эту минуту. Мне интересно, что она выдвинет.

— Не знаю... — растеряно лепечет невпопад и ерзает по

постели, подтягивая себя на слабых руках, — Я сейчас скажу что-то глупое... Ты... хочешь сделать меня своими штанами, а уши использовать, как петельки... м! — прерывается, стоит всего-навсего резко сесть на кровать и нежно взять ее руки, — Нет, кажется, чуток по-другому...

Я так сильно ее люблю.

Никому в мире нельзя обижать. Никому.

Я бы умер за нее без раздумий. И самое страшное — этого мало. Мне мало жертвенности, мало преданности, мало бешеного сердца, которое колотится так, будто хочет пробить грудную клетку и лечь к ногам девушки. Я хочу быть для Френсис всем: стеной, оружием, пламенем, тишиной. Хочу забрать у мира все жестокое раньше, чем оно дотронется до нее. Потому что она — единственное, рядом с чем моя жизнь перестает казаться пустой.

Очевидно, что данная форма любви нездорова. Но я не могу любить Френсис иначе. Пригласите хоть сто психологов или психиатров, которые будут трудиться над искоренением одержимости — у них не получится. Они назовут это зависимостью, смещением, травмой, деформацией привязанности. Станут спрашивать о детстве, о страхе одиночества, о потребности быть нужным. И, возможно, окажутся правы во всем. Кроме одного: ни один диагноз не отменяет того, что я испытываю, когда кошечка поднимает на меня взгляд.

— Верно, милая, — хрипло поощряю, вопреки рвению посмеяться, — Так, будут еще варианты?

Она следит за намекающими поглаживаниями на запястьях, пожевывая губу, и заметно сбавляет напряжение в плечах. В зрачках снова пробегает искорка трепета — потому и стесняется поднять глаза. Боится выдать, что ее привлекает грядущее, пусть и остаточно вводит в смятение. Я наклоняю голову, будучи напротив аккуратного силуэта, и касаюсь носа кончиком своего, говоря тише:

— Я хочу, чтобы ты доверяла мне, ведь ничего, из того, что я делал, не доставляло тебе дискомфорта. Помнишь?

Девушка мигом кивает и, наконец, нервно отвечает на вопрос, чем в очередной раз подтверждает согласие, хотя оно и без того пестрило на всю комнату.

— Хорошо помню. Ты меня немножко свяжешь, предполагаю. И я обнаружу, что это, почему-то, будет приятно.

Я не могу скрыть улыбку. Физически нереально поддерживать серьезное выражение.

Моя рука вздымается, касается затылка и придвигает любимое лицо, чтобы поцеловать лоб почти целомудренно. Она жмется к ласке. Нежная. Абсолютно моя.

— Очень приятно, — тихо уверяю, держа губы в том же месте, — Свежие ощущения. Чуть больше подчинения, хотя подчиняюсь в любом случае я.

— Как это подчиняешься, если не ты связанный? — ворчит без колкостей, будто в словах нет логики.

— Очень просто, — до сих пор улыбаюсь, практически мурчу, как влюбленный дурак, — Я действую с твоего позво-

ления. И если ты скажешь прекратить, все прекратится. Если скажешь, что теперь хочешь трахать меня сама, связать, сесть сверху, управлять — так и будет, Френсис. В этом суть. Я главный только потому, что ты подарила мне возможность быть таким.

Так происходит с первой близости. Никому не отдавал контроль и никому бы не отдал. Однако с Френсис не зазорно являться покоренным. Она могла бы поставить меня на колени и велеть ползти за ней по пятам. Я бы сдался без нареканий, при том не прослеживая унижения. Словно рядом с ней само понятие слабости меняет форму и перестает быть чем-то постыдным.

Кошечка затихает, впитывая объяснение клеточками души. И... поднимает взгляд, щурясь, улыбаясь. Дергает подбородком. Жмет плечом.

— Ну, ладно. Тогда ты можешь поступить так. Мне понравилось, — она выставляет руки и набирается храбрости для гордого продолжения, — Вяжи, пока дают.

Посмотрим, каким станет этот надменный язычок, когда я буду выбивать из тебя новый оргазм, милая. Ты явно провоцируешь совершить вещи греховнее запланированных.

Я закусываю нижнюю губу, попросту молча хватая ремень и без труда управляясь с ним за считанные секунды. У меня есть обширный опыт в связывании — применял в самых разных ситуациях, чем, пожалуй, грубо гордиться. Так что Френсис шокировано сглатывает от опытных махинаций и

выкатывает глаза, когда я укладываю ее на матрас, завожу руки за голову и крепко прикладываю их к подушке, одним только взглядом веля не шевелиться. Следом беру порванное белье, продеваю белую ткань через ремень. Обвязываю перекладину на спинке кровати, чего кошечка смущается до ужаса. Ежится, но быстро переключается на задыхание — я размещаю себя меж подрагивающих ног, раскидывая их пошире, и беру бедра, рывком сдвигая их ближе, благодаря чему тонкие руки вытягиваются, а из губ сочится писк. Она раскрывает рот, ошарашено следя, как обхватываю твердую длину в кулак и ублажаю себя же с низким стоном. Твердость возникла вновь, пока катал девушку по лицу. Член конкретно так просится зарыться поглубже, туда, где тепло, тесно и потрясающе. Он всегда хочет быть погребен в ее жар. С ним сложно спорить, уговаривать потерпеть, а я, между прочим, регулярно веду с ним торги по данному вопросу.

— Боже, — бессознательно ворчу, направляя тупой кончик к влаге, — Черт, я скучал по тебе.

Она лишь беспомощно мотает носом в акте солидарности и вертит бедрами навстречу, горько моля не затягивать прелюдии. Однако мне нужно, чтобы она попросила это. Мечтал с первой встречи. Если бы ее хорошенький рот выдвинул нечто грязное, рехнулся бы на месте — вровень тому, как рехнулся пару ночей назад. Только теперь мне необходимо услышать смелость на трезвую голову. Так... более честно и интригующе.

— Флойд... — капризно торопит и скулит от перенапряжения, когда подаюсь вперед, ловя себя предплечьем.

Я притираюсь ко входу, оказывая слабое давление, и морщусь, пытаясь контролировать самого себя. То, как идеальное тело пылает подо мной, вносит полнейший бардак. Все здравое разбивается в щепки.

— Скажи, что тебе нужно, — требую глухо и пьяно, соединяя наши лбы, — Произнеси это. Поцелуй и скажи, как сильно ты хочешь меня и этот член.

— Я... хочу... — мгновенно отстукивает она, трепеща грудью, но кривится от стеснения, — Флойд, ты моя личная беда. Так нельзя. Нельзя так издеваться.

— Скажи мне, — тяжело настаиваю с дрожью, продолжая дразнить кончиком нас обоих.

Девушка борется с собой. Щеки налиты краской. Ставит на чашу весов стыд и возбуждение. Второе вне сомнений перевешивает, потому что она все же подается вверх и целует мои губы, отчего стону, а после попадаю на небеса от размазанных слов.

— Я хочу, чтобы ты взял меня сейчас. Я хочу тебя. Прошу... Черт!

Последние буквы вылетают ярким криком, ведь мои бедра решительно толкаются вперед, заполняя сразу до конца, и мы оба теряем сознание от блаженства. Я мигом перекладываю руку так, чтобы ухватить щеку и впиться в рот лаской поглубже, куда мычу благоговения экстаза, а второй рукой

впиваюсь в дрожащий зад, удерживая ее там, на месте, со мной и для меня.

Она хныкает в поцелуй, чем, признаться, отвечаю и я, пока даю нам насладиться текущим мгновением. Скрежещу центром по ее центру, чувствуя естественным путем каждую впадинку, температуру, обилие влаги. Никогда не устану поражаться, как потрясающе не использовать с Френсис защиту. Проклинаю то, что она вытворила с имплантом, и молюсь одновременно. Невозможно насытиться, привыкнуть.

Проходит всего несколько секунд, прежде чем отвожу бедра и шлепаю ими обратно, ловя стон поцелуем, который не разрываю. Моментально задаю темп — самый подавляющий, выходя почти полностью и погружаясь до основания за взмах ресниц, двигаясь над девушкой всем торсом, владея и заявляя права без малейших остановок. Мычу, хриплю, издаю нечленораздельные низкие звуки — по очереди или вместе. Теперь я собираюсь вытрахать из нее все до последней капли, не разменяваясь на размышления. Тот минет все-таки уничтожил рациональность.

Я хочу, чтобы она разрушилась для меня и не могла соображать.

Потому резко смещаю рот к шее, покрывая нежную кожу пущими мурашками, и начинаю проникать чуть более грубо, награждая себя заиканием из любимых уст. Напряженные стенки спазмируют вокруг члена, умерщвляя теснотой, и я напропалую роняю ее имя, спускаясь к груди с целью прику-

сить сосок, втянуть его в губы и уделить требуемое внимание.

Она так сладко хныкает и трясется.

Так, мать ее, сладко.

Я шиплю через зубы, когда кошечка изгибается в спине и рушится на кровать в осознании, что ничего предпринять не может — только покорно лежать, только принимать и наслаждаться. И это тот момент, который стоило ждать: ее тело обмякает, лицо расслабляется, а руки перестают сжиматься в кулаки. Полная безмятежность — потому что Френсис не надо думать, что отдать в ответ. Ей никогда не надо было думать об этом, но порой она сомневалась. Сейчас все испарилось. Есть я, мой член, поцелуй и чистый кайф.

Я поднимаюсь выше, сжимаю выточенный подбородок пальцами и соединяю наши губы, успев соскучиться. Слышу и чувствую разваливающееся:

— Я тебя люблю. Я так сильно тебя люблю, Флойд.

И оттого двигаюсь быстрее через гортанные стоны, стуча в те области, которые являются ее слабостью. Мне кажется, что эта гребаная нижняя часть тела девушки была создана для меня, как и она сама, как и я для нее, ведь каким образом объяснить по-другому факт того, что мы потрясающе точно, блять, совпадаем? Все в ней податливо растягивается, послушно встречая меня столько раз, сколько возможно, и члену буквально трудно преодолевать такое количество нескончаемого наслаждения.

Это как будто ты всю жизнь проводишь в порно-ролике, где существуют лишь бездушные актеры, эмоции наиграны, а потом встречаешь человека, с которым физически нереально не стонать от мимолетного соприкосновения и каждый жест пропитан болезненной искренностью.

— Я... люблю... тебя, — меж слов следует толчок за толчком, изо рта сходят будоражащее рычание, — Я только твой. Твой. Только твой.

Голубые глаза блестят от эмоций. Она дезориентировано кивает, ухватываясь за клятву, как за спасательный круг — словно ничего прочего и нет, если есть я, что ощущается ненастоящим. До сих пор не понимаю, почему она полюбила меня так преданно, но я готов доказывать изо дня в день, что это не было зря.

Тем не менее откровенности — не основная цель, за которой сегодня гонюсь. Да и пульсирующая длина приказывает не медлить. Поэтому я целую сладкие губы напоследок, а потом встаю, не покидая райское место. Обхватываю низ живота двумя руками по бокам и приподнимаю нижнюю часть, чтобы начать самозабвенно вколачиваться в правильную точку, стуча и пробуждая ее головкой.

Пожалуй, все Мальдивы отныне знают, как зовут того мужчину, который приехал на остров с самой сексуальной женщиной в мире.

Я понимаю, к чему иду. Мне удалось получить это однажды в отеле, но сейчас она даст то же самое от члена. И

Френсис улавливает довольно быстро — выкатывает глаза, когда давлю на низ живота большими пальцами ладоней, что держат зад навесу.

Какая смышленая девочка, настоящая умница.

— Я... не... — пытается сформулировать, мандражируя и изрываясь клеточками нутра, — Флойд! Флойд, я, черт возьми, Флойд, м, м-м, ты... я не могу... Флойд!

Я, должно быть, ослышался? Когда у нее со мной не получалось?

Приходится проучить — удариться в сумасшедший темп так, что оба способны лишь дышать рывками и оборвано скулить. Опьяняющая грудь подпрыгивает при каждом толчке, и я никак не определюсь, на чем сконцентрировать взгляд. Смотрю на связанные запястья, на искаженное эйфорией лицо, на завораживающие розовые твердые соски, а потом вниз, туда, где мою каменную эрекцию жадно поглощают. В ней совершенно все, и я не чувствую пульса, когда пытаюсь запомнить представшую картину целиком, ничего не упустив.

Из меня прорывается необузданный гул, как только движения превращаются в безрассудные. Я выскальзываю из мокрого входа ровно наполовину, наслаждаясь тем, как жидкость почти капает на матрас самым вульгарным образом, и закатываю глаза на секунду от жара, который пробегает по позвоночнику.

Блять, она может заставить меня кончать опять и опять,

каким бы мощным оргазм ни был, это полное безумие.

Я чувствую, как вены на моей шее начинают пробиваться, а волосы прилипать ко лбу. Френсис любуется этим зрелищем, акцентируя внимания на жилистых руках, и впадает в пущую неразбериху. Мне известно: обладаю притягательной внешностью. Проблем с самооценкой не имел ни в жизнь. Но она дарит чувство, словно я не просто хорош, а действительно полноценно желанен. Не как трофей, а как человек, к которому тянет против воли.

— Нравится то, что ты видишь, дорогая? — воркую через хрипы, голос едва ли разбирается в громкой комнате.

Она мельком отводит глаза, задыхаясь волной шокирующего удовольствия, на что я щелкаю языком, пребывая в идентичном состоянии:

— Это не стыдно, любовь моя. Поверь, я тоже в восторге от того, на что смотрю. Ты растеклась для меня, не так ли? И уже совсем не уверена в прошлом глупом высказывании.

Знакомая мелодия доносится до ушей уже как полминуты. Влажные звуки, предвещающие победу. Я ухмыляюсь уголком губ, вперемешку со стонами от того, как шумно стонет она, как внутри нее стало еще горячее, и наблюдаю, что изящные руки снова сжались в кулаки.

Применяю чуть больше силы натренированных предплечий, подтягивая бедра еще выше, и челюсть девушки отвисает. Колени сжимают мой торс по бокам, как тиски. Бьются в дрожи и плотно примыкают, становясь прохладными,

немеют в экстазе. Я подаю ее ближе к себе, встречаю свои же действия, проникаю глубже, четче, не имея право на ошибку, и стискиваю зубы, подавляя подступающую сперму, которая грозится выстрелить новым долгим залпом.

Рано, пока нет. Я должен вытрахать ее еще раз в душе, прижав к стене, и лишь потом позволить оргазму прорваться во второй раз.

Подаренный кулон бьется об мою кожу по вине интенсивных рывков. Я влюблен во все это: в то, как самая желанная женщина рассыпается подо мной, в то, как много у нас планов на будущее, в то, что на ее пальце переливаются камушки кольца. Когда-то и не мечтал о подобном, а если и мечтал, то тихо, далеко, скромно. Все изменилось. Она стала моей от макушки до кончиков пальцев. Это не награда и не победа, а благословение, которое не выбирают и не заслуживают — оно просто случается с кем-то однажды, почти вопреки всему.

Я толкаю ее ближе и ближе к краю. Мои бицепсы напрягаются, губы роняют бранное:

— О блять, о блять, о блять, Френсис... — когда ощущения обостряются.

Она морщится, находясь на грани. Отчаянно скулит:

— Сейчас... я... уже... Флойд, пожалуйста... Боже, Флойд, Флойд, о Боже, это слишком, слишком!

Я рад, моя хорошая, а теперь отпусти все это, прекрати стесняться.

— Давай, — требую, теряя рассудок, — Давай. Кончи на меня, как ты уже умеешь. Будь моей милой кошечкой, не надо припираться.

Я заполняю девушку еще несколько раз и разеваю рот, наблюдая за тем оргазмом, к которому стремился. Она затихает на мгновение, все мускулы натягиваются, тело пылает перенапряжением, а затем раздается серия неистовых криков, абсолютно несвязных. Стенки сжимают член, спазмируют вокруг него в припадке, в то время как блаженная катастрофа проносится сквозь каждый ее нерв, а жидкость выплескивается на низ торса.

Мне приходится обхватить кошечку крепче прошлого, дабы удержать конвульсии, и до крови прикусить внутреннюю сторону щеки, лишь бы не разорваться в горделивом стоне. Она скулит, всхлипывает и мяучит, кое-как справляясь с тем, что я продолжаю выбивать каплю за каплей, не сбавляя ритм толчков. Меня самого почти не хватает — слишком приятно она чувствуется, ошеломляет до мозга костей. Тонкие ноги дергаются, грудь бьется рывками, вровень животу, на который оказываю давление, и я не прекращаю, пока не истощаю до талого. Только когда убеждаюсь на все двести процентов, что разрядка завершилась, замедляю темп, переходя на нечто утешающее, нежное. И, наконец, выдыхаю, замечая, что до того легкие вообще не функционировали.

Я аккуратно помещаю зад на кровать, все еще лениво вхо-

дя и выходя, подкожно скуля от сладострастия. Длина гудит — в ней так и застрял оргазм. Стараюсь угомониться. Восстановить контроль, собраться для второго раунда — мало-помалу получается. Легонько приподнимаю колено и мощу россыпь похвальных поцелуев — то же самое проворачиваю и с шеей в момент, когда перекладываюсь, нависая сверху. Глажу, аккуратно ласкаю, продлевая невесомость девушки или, наоборот, неторопливо возвращая в реальность.

Она до сих пор не распахивает ресницы, хотя слабо утыкает нос в мой висок. Даже когда медленно развязываю руки, отпускаю их, возвращаю к себе и заботливо проминаю запястья, Френсис никак не функционирует. Это вызывает улыбку. Ее внезапный всхлип от более настойчивого проникновения вынуждает хихикнуть. Второй толчок, такой же настырный, уже приводит кошечку в чувства. Она открывает утомленные веки и пересекается со мной взглядом, шепча:

— Ты... ты чего?...

Видимо, стоит повторить.

— Мы не закончили, любимая, — девушка застывает и моргает чаще, таращась на меня, как на полоумного, — Я же просил в самом начале: не устраивайся поудобнее. Ты кончила всего дважды. Это действительно мало, разве не согласна?

Глава 6

Френсис

Алый цвет заливает всю плитку. Густая жидкость сочится с потолка, из углов, каждой щели.

Я не хочу, чтобы так было.

Мне нужно вернуться в свой дом. Не в место. К человеку. Любимому и лучшему. Но я забыла дорогу. Ноги не в силах подняться. Они утопают в крови. Пыталась встать и поскользнулась.

Как сделать так, чтобы это кончилось?

Угрожающее дыхание звенит в ушах. Темнота усугубляет ситуацию. Сколько времени прошло? Кажется, целая вечность. Они нашли меня и снова избили. Забрали, чтобы пытать. Нельзя спрятаться или скрыться. Этого стоило ожидать. Их взоры повсюду. Вопреки опущенным ресницам я вижу, как злые глаза вылупляются из стен и медленно моргают, таращась без перерыва.

Пожалуйста, заберите меня. Уведите к нему. Я ничего не понимаю. Мне страшно.

— Френсис, — раздается родной голос где-то напротив, обеспокоенный, запыхавшийся, слегка хриплый от пробуждения.

Я пытаюсь протереть веки, открыть их, но они слипаются, не поддаются. Зрение утеряно. Важно прекратить плакать,

начать выбираться. У меня не получается. Совсем.

« —Что мы отрежем тебе первее? Пальцы? Руки? Ноги?»

Они спрашивали это, стоя с ножом в руках. Я не помню, что было дальше. Все произошло час назад. У меня, вероятно, болевой шок. Тела не чувствую. Оно чужое.

Прошу, пусть это исчезнет.

— Сконцентрируй взгляд, попробуй, смотри на меня, — тревожно настаивает мужчина, я чувствую его руки и вскоре ощущаю тепло, похожее на крепкие объятия, — Тише, чшш, я рядом, я с тобой, моя хорошая, ты в безопасности, все спокойно. Это был дурной сон, да? Просто плохой сон... Пожалуйста, возвращайся ко мне, слушай меня, почувствуй, я здесь, теперь здесь, тебе ничего не угрожает, надо было разбудить меня, котенок.

Его переполненный эмоцией тон раздается эхом. Это галлюцинации? Да. Наверное. Флойда тут нет. Они забрали меня от него. Никто теперь не поможет. Не помогу себе и я. Все кончено.

Кровь, кровь, кровь, кровь.

Я так хочу, чтобы это оказалось правдой. Чтобы он правда меня обнимал. Лелеял, утешал, защищал. Однако вокруг лишь море ужаса. Потому впервые говорю что-то. Изнеможенно хнычу, мотая головой:

— Флойд... спаси меня, пожалуйста. Забери меня домой. Снова кровь. Опять.

Меня гладят по голове. Или нет. Я не знаю. Возможно,

мозг достраивает безопасную картинку.

Ничего не видно.

Кровь, кровь, кровь...

— Здесь чисто, Френсис. Абсолютно. И я с тобой, я тебя не оставлял, — суетливо нашептывает, почти укачивая меня, похоже, вытирая алые слезы, — И... опять? — сглатывает, заминается, — Ты видела кровь вновь?... Как часто?... Тише, тише, слушай мой голос, прошу, просто поговори со мной, я тут, я с тобой, попытайся поговорить, вернись ко мне, давай дышать вместе, моя хорошая...

Я общаюсь не с ним. Его тут нет. Это просто иллюзия. Меня били розгами, спина горит, я лишь перемещаюсь туда, где есть забота. Жмусь щекой к голой груди. Она удивительно реальная, вровень жидкости повсюду. Ладони тоже. Ласкают...

Я люблю его. Я люблю. Люблю. Я очень люблю.

— Флойд... — всхлипываю без перебоя, — Флойд, ты мне нужен.

— Ты в моих руках, я тебя держу и не отпущу, от всего укрою, — он целует в лоб, не прекращая плавно покачиваться назад-вперед, — Все будет в порядке. Все хорошо. Это пройдет. Я о тебе позабочусь, мы все исправим, ты не одна и одна не останешься.

Я не останусь одна? Он не захочет снова меня покинуть? Это не ложь?

— Кровь, — я горько мотаю мокрой головой, — После

клуба. Ты почти расстался. Я всю ночь видела. Все в крови. Сейчас. Сейчас. Она здесь. Сейчас здесь. Тебя нет. Это не закончится...

— Я с тобой, — мигом произносит и затихает, будто ему важно было повторить обещание, однако другую частью услышанного переварить трудно.

Запах железа. Сквозь него пробивается родной аромат. Он спасает меня. Он вытаскивает. Я жмусь к торсу, скулю, как сбитый машиной щенок, и совсем не ориентируюсь в происходящем.

Флойд правда здесь?

Меня никто не забирал от него?

Они не пришли? Не били безжалостнее прошлого? Где я? Как все это случилось?

Я боюсь. Я так чертовски напугана.

Открывался ли мой рот? Я говорила что-то? Нельзя рассказывать Флойду о видениях, если они правда сейчас кроют. Он же не слышал? Мы ведем диалог в моем черепе?

Я не хочу его терять. Я не смогу без нас. Нельзя быть слабой.

— Давай унесем тебя отсюда, милая, — выдыхает мужчина, потираясь носом об щеку, — Пойдем в постель.

Я больше не ощущаю холодный пол под собой. А вскоре чувствую мягкость. Уют. И... все сухое. Никакой сырости. В глаза пробивается свет. Сейчас утро? Почему тут стало так тепло? Это... одеяло? Оно ложится сверху, укутывает

до плеч?

— Я хочу к тебе, — умоляю, сворачиваясь в клубок, — Я хочу, чтобы это было правдой. Чтобы ты был здесь. Флойд...

— Это правда, и мы вместе, — лелеет он, заземляя губы снова и снова к лицу без спешки, — Я никому тебя в обиду не дам. Незачем бояться... — ладонь мягко кладется на щеку, нежный шепот упрашивает, — Посмотри на меня. Прошу, посмотри. Поверь мне. Доверься сейчас. Я не подведу. Ты в безопасности, я тебя буду всю жизнь беречь. Никогда не прекращу, как бы там между нами ни было. Ты всегда будешь защищена. Никто не тронет. Не посмеет.

Большой палец касается губы, которую искусала. Я морщусь и пробую повторить невыполнимую задачу — поднять веки. Колочусь. Пробиваю барьер из последних сил. И... желтый свет окутывает зрение больше прежнего. Все размытое, но ресницы, кажется, распахнуты. Соль. Ее так много. Она засохла на щеках...

— Умница, вот так, моя замечательная кошечка, — тихо бормочет мужской голос, поцелуи плавно осыпают нос, уголки рта, лоб, — Все хорошо. Ты не одна. В спокойном месте, со мной. Только мы и Мяу.

Я моргаю несколько раз, нескончаемо шмыгая носом, пока Флойд проводит линии под опухшими глазами, как бы стирая слезы. Постепенно разбираю, что он напротив. Близко к лицу и впритык к телу. Темные локоны растрепаны. Значит, недавно проснулся...

Потому что перестал чувствовать меня в постели, либо я оказалась чересчур шумной.

Мы серьезно говорили о крови. Я рассказала ему то, о чем зарекалась молчать.

Новая волна ужаса омывает с головы до ног. Я перестаю ныть неправдоподобно резко, затихая и замирая от обрушившейся истины. Получается... теперь объясняться надо? Рассказывать, почему не делилась проблемой? Копаться в этом, тратя его нервы?

Вашу ж мать, я так громадно облажалась.

— Нам скоро выезжать в аэропорт, — бормочет Флойд чуть отстраненно, хотя трогает нежно, и я осторожно поднимаю на него взгляд, — Через два часа.

А?...

— Через два часа?... Уже суббота?

Я все еще слабо ориентируюсь во всем этом, мне нужен перерыв.

— Да, котенок, — целует в переносицу и заправляет локон волос за ухо, — Позавчера любили друг друга всю ночь. Вчера плавали, вкусно кушали и днем тоже любили, но нежно. Уснули рано. Помнишь?

Вчера... да. Точно. Мы проснулись после бурной ночи. Я еле могла ходить на своих бедных ногах. Поели тосты с манговым джемом, а закусили жирными креветками и осьминогами на гриле — вроде бы не сочеталось, однако желудок верещал о нехватке пищи. Потом ласкались в бассейне, то

брызгая друг друга, то целуя. Я, эм... утопила Флойда. Хотела бы сказать, что случайно... И все же лгать не стану. Парень просто пошутил про то, что я включила ревнивый радар на максимум, когда он посмотрел на женщину без лифчика, которая почему-то заплыла на «наш» участок воды. Знаю, мужчина кинул взгляд исключительно в целях недовольства и оценки угрозы, ведь она не должна там быть. Сам вообще не ожидал наткнуться на оголенные телеса, мигом отвернулся, прохрипев категоричное: «Вы, должно быть, заблудились». Дама ахнула и молниеносно забултыхала ногами в противоположную сторону. Но он ведь все равно увидел грудь, а потом подколол юмором...

Что мне оставалось?

Конечно, я запрыгнула на его спину и уперлась руками в затылок, насильно опустив голову под воду. Всего на несколько секунд... Для забавы... Только вот нюанс в том, что Маккастер не ожидал и чуток подавился. Когда отпустила, он хорошенько прокашлялся. Солнце скользило по мокрым волосам, по злому взгляду, по каплям на красивой коже — это выглядело слишком красиво для человека, которого я только что пыталась убить.

— Ты ненормальная, — прохрипел Флойд, — Дурочка что ли совсем?

Следом замолчал. Оббежал взором так, будто хотел одновременно поворчать еще минуту и поцеловать. Честно говоря, второе победило слишком быстро.

Потом раздался шум из дома. Мяу разбила какую-то статуэтку. Уборщица, пришедшая через час, указала, что нужно возместить ущерб. Флойду пришлось платить — легко пошел с кошельком до ресепшен, не ругался на рыжулю, ни капли негатива не испытал. Вернулся, мы занялись любовь, позже немного поплавали в океане и уснули уже в восемь вечера, после ужина.

А сейчас ночь. Желтая лампа освещает часть комнаты — она стоит на тумбочке. И я... я все испортила. Разрушила приятное воспоминание о поездке. Конечно, сама буду прокручивать счастливые моменты. Но Флойд явно не забудет инцидент.

Мне чертовски стыдно.

— Помню, — тихо сглатываю.

Может, поэтому мне привиделось плохое. Перед тем, как погрузиться в дрему, молчаливо переживала по поводу возвращения. О том, что там нас ждут люди в белом. Стресс породил кошмары. Я правда не хотела...

— Мы поговорим, когда приедем домой, — выдыхает, щекоча кончиком носа щеку, — Сейчас просто полежим. Попытайся отвлечься перед долгой дорогой. Мне важно твое ментальное состояние. Больше, чем что либо еще в наших отношениях.

Он зол, ведь последнее предложение явно выделяется вниманием.

Не проявляет ни касаниями, ни тембром. Хотя нутро бур-

лит. Я утаивала масштабную проблему. Проживала ее одна. И, пожалуй, разговор действительно выйдет серьезным. А пока Флойд перекладывается на живот, притягивая меня к своему боку и обнимая одной рукой под одеялом. Притирается к щеке и гладит по талии, утихомиривая все вокруг. Это позволяет выдохнуть, несмотря на беспокойство о вранье. Его чуткое дыхание, обволакивающее кожу, его заботливые редкие поцелуи, шепот о том, что никаких угроз нет, помогает расслабиться. Вскоре мышцы обмякают, и сон снова накрывает пеленой.

***

Флойд имеет способность, с которой мало кто справится. Он умеет подавлять ту или иную эмоцию, как бы откладывая ее на потом. Разумеется, мужчина бывает импульсивным. Но если дело касается чего-то, что правильнее было бы вылить позже, ему удается обрести контроль. И самое неприятное не то, что он поднимет тему. А то, что до ее обсуждения придется находиться в подвешенном состоянии.

Я могу убедить себя, что сейчас все в порядке. Что пауза между «мы поговорим» и самим разговором дает время собрать мысли, подготовить слова, найти правильный тон. Но это не пауза в мою пользу. Это просто отсрочка момента, где больше не будет пространства для маневра.

С ним критически важные диалоги не выглядят рассеянными. Они не распадаются. Они дозревают. И, когда наконец происходят, звучат болезненно точно.

Потому что в них не будет случайных слов, за которые можно зацепиться и увести все в сторону. Не будет хаоса, в котором реально раствориться. Будет структура и акцент на деталях — там уже не увильнуть.

И я это знаю заранее.

На примере разговора после той крупной ссоры. Мы лежали в постеле, спали, набирались сил, оправлялись от общих слез, а позже, на кухне, Флойд сказал такие убедительные вещи, что я даже не понимала, куда их деть.

Или поток речи в отеле, когда фактически убегала из номера, в котором мы занялись близостью. Да, происходящее звучало надрывом, и все же мужчина осмысливал наши отношения, подбирал варианты верных формулировок на любой случай, так что я вновь потерялась и поверила в них всецело.

Предложение руки и сердца. Безмерно искреннее и, наравне с тем, скрупулезное. Ты не можешь от него отказаться не потому, что хочешь отказаться, а потому, что как раз таки не хочешь, ведь оно составлено детально, до такой степени правильности, где не остается щелей для сомнений.

Так что сейчас ожидание становится хуже любого возможного исхода. Я еще не в разговоре, но уже внутри его последствий. И ты ерзаешь по сиденью в самолете. Елозишь задом по обивке авто, когда едете домой. А он просто... спокойно общается. Не источая угрозы. Не создавая напряжение. Лелеет тебя, будто все, черт возьми, абсолютно в порядке.

Пожалуй, это в очередной раз подтверждает, как сильно ему подходила работа убийцы-психопата. Мужчина не родился с таким «талантом». Он его создал. И от этого навык стал еще более филигранным. Потому что в нынешней тишине нет пустоты и нет паузы в привычном смысле. Есть ощущение, что все внутри Флойда давно выстроено — просто пока не вынесено наружу. И он не спешит это показывать не из равнодушия, а из-за выбранного исхода, который определен без моего участия.

Порой получается его обыграть или переиграть. Как в то утро после скандала из-за ситуации в клубе «Морфей». Я нашла обходной путь и сумела отговорить парня. Но, понимаете ли... Это скорее исключение из правил. Сегодня такого шанса не выпадет.

Мы заходим в квартиру, и он целует меня в лоб, говоря, что закажет что-то поесть. Отправляет в душ. Ему нужно отчитаться о приезде, а потом отправиться работать работу, так что я не уверена, не проведу ли ночь в одиночестве. Об этом и размышляю под струями воды. А когда заканчиваю, понимаю, что Флойд тоже помылся — в ванной, которую мы почти не посещаем. Волосы влажные, одежда свежая. О чем и речь: злится так сильно, что даже ко мне не зашел пот смыть. Душ ведь приятнее принимать вместе...

Я тру лицо, медленно плетясь к дивану, подобно провинившемуся капризному ребенку. Он не играет роль родителя, как бы то ни было — имею в виду родителя в привычном

понимании города. Просто собирается доходчиво объяснить причину гнева, которая на самом деле означает тревогу. И я приподнимаю плечи, когда Флойд отрывается от телефона, поворачивает ко мне голову. Что ж... видимо, начнем.

— Слушай, я знаю...

— Не знаешь, — перебивает на выдохе, секундно вешая нос, мотая им с поджатыми губами, — Я вижу, что ты не знаешь, раз поступаешь так с собой и со мной.

Мои пальцы теребят рукава белой рубашки, а ком в горле мгновенно увеличивает объемы. Следующие слова проделывают ту же работу.

— Моя девушка молчала о существовании второй секты. И молчала о галлюцинациях — они, если ты не в курсе, не признак здоровой головы...

— Я не сумасшедшая, — отстаиваю, бросая на него потерянный взгляд, — Не надо говорить, что я больная.

— Я не говорю это, — четко произносит, смотря в глаза, — Я доношу до тебя, что скрывать такие вещи от партнера — равно намеренно отказываться от помощи и усугублять ситуацию. Ты не собиралась обращаться куда-либо с данной проблемой. И не планировала делиться со мной настолько критичными вещами. Самое занятное — за эти десять часов я так и не понял причину молчанки.

Я физически не способна вынудить легкие функционировать. Только забираюсь на диван полностью, ноги подгибаю к подбородку, прикладываюсь к мягкой спинке. Надела чер-

ные штаны и действительно благодарна им за то, что скрывают мурашки на коже.

Флойд выжидает ответа, весь непреклонный и укоризненный. Я отвожу взор от его лица, тупясь куда-то вниз. Ненавижу то, что все раскрылось. Так гораздо сложнее.

— Если бы ты узнал, то понял бы, что я слабая и не могу смело переносить нападки секты. А если бы ты понял, то кинулся бы их убивать. Я не хочу терять нас и тебя. Боюсь вынужденного расставания — ты понимаешь, как бы поступила, отними ты чью-то жизнь снова. Значит, важно было выстроить непоколебимость. Стать храброй. Вот.

Я бубню, как запуганный котенок, что реально ни на процент не походит на отважность.

Боковым зрением замечаю, как Флойд вдумчиво заминается, упираясь предплечьями в колени. Жаль, что это его нисколько не убеждает.

— Я уже сказал тебе, что не убью, — опровергает, отчего морщусь, — Мы поговорили на эту тему: всегда выбирать нас. Я вынес выводы и пообещал, что буду делать исключительно так. Поэтому ты могла признаться после. Ты должна была.

— Ну, — не слишком любезно мямлю, — Что, если я не очень-то поверила?

Брови мужчины вскидываются, и он смотрит так, будто я конкретно закапываю себя глубже. Это нечестно. Мои опасения не беспочвенны, и никто, кроме него, полагаю, не стал

бы подвергать это сомнению.

— Не поверила человеку, который делает все по твоему усмотрению последние несколько месяцев? — почти усмехается в абсурдной манере, — О, действительно справедливо.

— Не поверила человеку, который орал, что зарубит детей, — сжимаю переносицу.

— Я пообещал, что не зарублю, как пообещал и касательно Гектора, — талдычит, скрипя голосом.

Он издевается?

— Естественно, ты не устанешь винить меня в том, что согласился на одно из условий, хотя мы обговаривали — это твое твердое решение, осознанный выбор...

— Да твою же мать, — перебивает, протяжно мычит, будто я постоянно неверно интерпретирую его слова.

— Не вспоминай мою мать, — указываю, защищаюсь, фыркаю, — Ты ее тоже грохнул, так что веди себя хотя бы наиграно сочувственно.

Никак не свыкнусь, что данная версия Френсис серьезно рассуждает о мертвых родителях, как о мытье полов. Моя жизнь неадекватная. И Флойд реально достал упреками по поводу отца. Просто бесит. И продолжает раздражать. Вскидывает рукой, прыская:

— Мне на нее похуй, уж прости. Получила по заслугам и жаль, что отделалась быстро.

Благодарю, Флойд. Реально, спасибо за искренность.

По крайней мере отныне я знаю, что она не мучалась...

наверное. Что в его понимании «быстро»? Секунда или пять минут? Эти детали знать не хочу, как и то, что ему совершенно плевать на содеянное.

— Я просила не материться, — проговариваю, неотрывно тупясь в пол, — И говорю про сочувствие ко мне. Ты оставил меня без возможности выяснить у родителей, почему они были так жестоки. Высказать все то, что не произносила — то есть высказать все. Ты ранишь меня тем, что даже не пытаешься понять, как это было для меня важно.

Он затыкается на мгновение, обмозговывая информацию. Я осознаю, чем именно воспользовалась. Если бы не подчеркнула, что кровожадная расправа приносит боль, Флойд бы пыл не унял. Поэтому последующие вещи произносит спокойнее. Хотя они отвратительны.

— Я не понимаю, зачем тебе такой разговор. Они бы не принесли извинений. Двое взрослых нелюдей целенаправленно создавали адские условия для родного ребенка. Так что ты бы не добилась раскаяния, в их головах бы ничего не поменялось. Там, с ними, ты бы никогда не получила чего-то другого, поэтому попытка выяснять причины бессмысленна.

Мне хочется плакать.

Не от того, что он не улавливает корень расстройства. Не от напряженного тона. Я на грани слез потому, что мужчина услужливо напоминает — у меня не предоставилось выбора иметь другую судьбу. Обречена с рождения, и ничего исправить было нельзя.

Люди в городе любят говорить, что все может перевернуться, стать лучше. Черная и белая полоса — частое суждение. Будто у любого страдания обязательно существует версия реальности, где все сложилось иначе. Но некоторые вещи не были ошибкой, случайностью или чьей-то временной слабостью. Некоторые вещи были неизбежной системой. Не существовало правильного разговора, правильного поведения, правильного возраста, в котором жизнь резко обернулась бы нормальной.

Я не стояла перед закрытой дверью. Для меня ее просто не построили.

Потому я пусто киваю, не собираясь ничего отвечать. Зачем? И кому? Мужчине, в котором нет эмпатии по отношению к данному вопросу? Да и он возвращается к теме, продуманной до мелочей. Явно неудовлетворен тем, что мы с нее соскочили, и это слабо сказано.

— Ты просила меня быть искренним, — подавленно выдает, — Ты просила, и я стал. Но в ответ получаю тайны. Разве это правильно?

Неправильно. Тут не поспоришь. Другой вопрос — ему-то о морали задвигать? Ага... мило.

— Прости, пожалуйста, что разочаровала, — все еще не отрываю взгляд от ног или пола, говорю чисто, — Признаю ошибку.

— Да я же не к тому, чтобы ты извинялась, — полурычит от эмоций и вдруг настойчиво, но аккуратно тянет меня к

себе за локоть, — Я не к этому. Говорил позавчера, что не хочу твоих извинений в любой ситуации, почему ты мимо ушей пропускаешь?

А что тебе тогда надо?

Он пытается усадить на свои колени, вынудить поднять лицо, а я лишь превращаюсь в камень и раздосадовано выдыхаю:

— Отстань от меня, Флойд, не хочу твоих касаний.

Ладони упираются в твердую грудь, отпихивают, все тело не поддается призыву, ведет борьбу, и мужчина ненавистно ворчит неразборчивые звуки, прежде чем внезапно сгруппировать меня, схватить грамотным образом и уложить на спину. Я не успеваю моргнуть, как он уже размещается меж ног, а рукой давит на талию, не оставляя шанса выбраться.

Ой.

Я переоценила свои силы против того, кто опытен в контроле людей и весит, как две меня.

Пальцы руки, опирающейся на обивку, цепляют подбородок, дабы создать зрительный контакт. Нежного гнева в зрачках хоть отбавляй — я применяю такое странное сочетание слов, потому что, несмотря на злость, парень ярко любит, никак не вредит прикосновениями. Мне не больно ни в одном месте. Только нервы на взводе от того, что фактически обездвижена. Возмущение пылает где-то под ребрами вместе с унизительным осознанием — он даже не напрягся. Зафиксировал без труда.

Ужасно самоуверенный мужчина. И самое отвратительное — ему есть на чем самоуверенность строить.

Мне отведено немногое — шевелить языком. Так что я сжимаю челюсть, прежде чем отрезать, глядя в голубой пигмент.

— Отвали.

Чудесно, Френсис, а интересно, в какой момент тебе показалось, что это сработает?

Флойд вкатывает губы в рот, желая то ли улыбнуться, то ли поцеловать, то ли сузить глаза и отозваться чем-то схожим. Но вместо всего перечисленного он наклоняет лицо чуть ближе и хрипит совершенно ровно:

— Когда вредничаешь, мне начинает казаться, что это ты так флиртуешь с будущим собственным мужем.

Он... Ох.

Мудак с хорошим гребаным ртом, который любимый и невыносимый совместно.

— Я передумала быть твоей женой когда-либо, — неугодно бормочу, — Сними кольцо. Все. Пока.

Мужчина... улыбается.

И ведет губы к шее, легко целуя кожу, немного влажно, втягивает в рот, чтобы тут же отпустить, подняться выше. Это превращает грудную клетку в дурацкий шлагбаум — она вздымается и опускается чаще уместного, по его нажатию кнопки. Я жмурюсь, получая глухое, неподатливое:

— М-м. Можешь передумывать сколько угодно. Решение

уже принято не тобой одной.

Флойд вбирает мочку уха и медленно посасывает, почти выбивает предательский стон. Вовремя успеваю заткнуться.

Ему это не нравится.

Поцелуи переходят на ключицы — сразу после того, как рука дернула пуговицы рубашки сверху, отчего первая отлетела с треском.

Матерь Божья, теперь мы перешли от трусов к верхней одежде?

Я забываю о претензии ровно тогда, когда его центр притирается к моему с задыханием. Твердость упирается и скрежещет там, кружа несколько раз, пока мужчина дышит тяжелее, обжигая меня горячими потоками. Я разеваю рот, цепляясь за плечи, прикрытые черной футболкой, и шокированно ахаю, как только рука цепляет штаны и тащит их вниз, ровно до границы, где вещь уже невозможно снять из-за положения тел.

Мы займемся близостью?

Мы ей займемся. Прекрасно.

Этот мой «будущий» тупой муж чертова буря. Не предугадаешь, что через минуту вытворит. Его длинные пальцы стремятся к белью, надавливая через ткань в правильное место, отчего тихо скулю. Но тут же опоминаюсь, строго предупреждая:

— Только посмей порвать. У меня осталось четыре штуки. Ты уничтожаешь их сутки напролет, а новые не покупа-

ешь.

— А зачем они нужны? — плавно мурлычет в самой соблазнительной манере и прикусывает сосок через материал рубашки, вызывая короткое хныканье, — Такие надоедливые. Вечно мешаются.

— То, что их не носишь ты, не означает... Флойд! — всхлипываю, прерывая давнее замечание, по вине двух пальцев, ловко проникших под белье с целью без предупреждения войти внутрь и начать размеренные движения назад-вперед.

Данный мужчина когда-то погубит меня полностью и утащит за собой в преисподнюю без малейшего сожаления.

— Я бы хотел тебя трахнуть, Френсис, поверь, я бы хотел, и очень грубо, но работа не ждет, — сложно произносит, не прекращая двигаться пальцами, частично заменяя ими член, что настоящая пытка, преступление, — Так что мы отложим это на ночь, а пока слушай важные вещи.

Он поднимает голову и непреклонно сообщает в мое лицо, залитое удовольствием:

— Когда я сделал тебе предложение, то имел в виду в болезни и в радости, а не только в последнем. Не смей скрывать от меня что-то вновь, ясно? — я еле вникаю в речь, кивая несколько раз, пока прекрасные движения не прекращаются, — Я серьезно. Никогда больше. Это не игра. Завтра мы поедем в клинику. Ты начнешь пить таблетки. И я ни за что не наткнусь на новую ложь, правильно?

Потрясающе трахать меня и сообщать о психушке. Он вообще в норме? Хотя о чем я вообще спрашиваю, если речь про Флойда?

— Правильно, — разбито соглашаюсь, крутя бедрами навстречу его действиям, — Хорошо. Да.

И мужчина... вынимает пальцы.

Я разочарованно скулю, однако меня заглушают глубоким поцелуем, обводя небо языком, жадно лаская губы. Туда же и шепчут несвязные слоги:

— Прости, если сказал что-то не так, если расстроил. Не хотел. Извини. Я тебя люблю. И очень за тебя переживаю.

О... он же меня обидел. Уже и забыла. Это катастрофа — терять рассудок по щелчку. Никакой здравости. Лечиться нужно не от одних галлюцинаций. Не менее важно приостановить его влияние. Вколоть в кровь какое-то противоядие. Хотя кому тут врать? Флойд найдет новый способ влезть под кожу. Обязательно и при чем довольно быстро.

Столкновение наших ртов прерывает стук в дверь — жесткий. Я дергаюсь, но мужчина удерживает щеку и ласкает вновь, еще немного, чуть-чуть — будто не способен насытиться, и, да, так и есть. Он увесисто чмокает снова, трижды, и оттаскивает себя за шкирку. Сразу старается отсесть, но его как магнитом обратно тянет. Трет лицо, похоже, желая отвесить себе пощечину, и шумно выдыхает:

— Еда пришла. Я взял твою любимую пасту с грибами, салат с лососем, и все такое — то, что любишь.

Я люблю тебя и твой член. Куда ты собрался?

Нормально ли надеть на его шею поводок? Выводить на прогулку по расписанию? Дрессировать?

Спятила.

Это, если что, не какие-то ролевые игры. Речь о воспитании.

Туловище остаточно дрожит, пульс пробивает перепонки. Он шагает в сторону двери, поправляя эрекцию через штаны, что является стыдным греховным зрелищем. Я с диким расстройством натягиваю штаны обратно. Сажусь, понуро приводя себя в нормальный вид. Мяу перекатывается на кухне с животика на спинку, ловит хвост — резвится тихо. Успокаиваюсь тем, что хотя бы одна девушка в этой квартире удовлетворена, и оборачиваюсь, когда парень щелкает замком, открывает дверь.

Он смотрит на пол, за порог, чуть правее. Там оставляют пакеты с заказами. Но, похоже... что-то не так?...

Его лицо образует замешательство на секунду. Потом молниеносно вырисовывается что-то нечитаемое. Челюсть напрягается. Я хмурюсь и встаю, беззвучно шагая к нему, и вскоре вижу... коробку. Обычную крафтовую. Так еду не доставляют...

И тогда сердце замирает от бумажки на крышке — белой бумажки. На ней жирная надпись карандашом — именно она тормозит сердце. Городские пишут ручкой, а тишианцы графитом. Я перестаю глотать, умирая на месте, покры-

ваясь самыми колючими мурашками в мире. И не верю в то, на что смотрю — Флойд совершает решительный шагает вперед, сжимая кулаки, наклоняется и открывает крышку, швыряя ее в сторону.

— Нет! Подожди! — наивно кричу, выходя из оцепенения и стремясь туда же, ведь если и заболеть какой-то хворью, заразиться от чего-то внутри, то вместе.

Но меня встречает не горстка убийственного порошка. Флойд жестко озирается, быстро мотая головой, собираясь грубо запретить по типу: «Не смотри». Понимает, что поздно. С горечью принимает, что все вижу.

Мертвая рыжая кошка. Живот вспорот.

А надпись на крышке, которая, к сожалению, не улетела вниз по ступеням, гласит:

Френсис плакала, как крошка.
И сейчас, читая,
Понимает понемножку:
Скоро сдохнет Мяу.

Глава 7

Я просто стою так, смотря на него, и не могу привнести ни одного слова. Даже дышу осторожно — тихо, мало, почти прося на то разрешение. Тишина вокруг не звенит. Она тоже замерла. Словно комната вмиг стала ненастоящей, какой-то чужой, из ваты, ведь ноги едва ли чувствуют твердость.

Потому что вы никогда не можете быть готовы к ситуации, где ваш любимый человек достает из шкафчика тумбочки пистолет и перезаряжает его за считанные секунды.

Сейчас Флойд не держит оружие в руках — полагаю, чтобы с ума не свести окончательно. Вместо этого он заправил его за джинсы со спины. Вот, что было: мужчина закрыл дверь, ушел в спальню на секунд десять, переоделся, вернулся и сделал то, отчего я уже как полминуты не могу сдвинуться с места. Речь не о ступоре... тут гораздо тоньше. Будто внутри меня что-то медленно и очень тихо опускается вниз. Не страх. Нет, я не в ужасе, как бы сюрреалистичен ни был сей факт. Дело в... осознании.

Флойд специально не скрыл это от меня. Вот, в чем суть. Он мог дождаться, пока я отвернусь. Мог выйти из квартиры со словами «не бойся» и вершить правосудие в тайне. Мог вообще ничего не показывать.

Но парень встал напротив. Потянул за ручку. Вынул предмет, который, как мне казалось, не существует в нашей квар-

тире. И передернул затвор так спокойно, словно между нами не существовало того разговора, той клятвы, того утра, когда он пообещал мне больше никогда не возвращаться к подобному.

Только вот нет, существовало. Именно поэтому он сделал все при мне.

Чтобы я поняла сразу.

Чтобы не строила надежд.

Он цепляет с крючка черный бомбер, и на секунду я снова вижу рукоять за поясом. Черную. Увесистую. Отдаленно похожую на ту, что была в шахматном клубе.

У меня сводит пальцы.

Потому что я знаю Флойда слишком хорошо. Он не из тех, кто пугает оружием. Не из тех, кто носит его ради эффекта. Если пистолет оказался у мужчины в руках, значит, внутри него уже что-то закончилось.

Точнее, кто-то.

И самое ошеломляющее состоит в том, что он даже не злится. Это ставит все на свои места окончательно. Не бывает такой холодной собранности у человека, который еще сомневается. Он уже все решил. Еще там, в тот момент, когда прочел угрозу на коробке. Когда обернулся и увидел нас с Мяу. Когда голубой взгляд вдруг стал пустым и тяжелым одновременно.

Сейчас это решение просто обрело вес металла у него за спиной. И Флойд не уходит сразу только чтобы дать мне

усвоить порядок вещей полностью. Анализирует, вникаю ли я, что он прямо сейчас сознательно разрывает сердечное обещание.

От этого хочется перестать дышать вообще.

— Я думал, что смогу, — произносит ни глухо, ни громко, банально излагая честность, смотря в мои замершие глаза, — Когда увидел слова о Мяу, понял, что нет.

Я медленно моргаю, пока кошечка тревожно трется об мою ногу и таращится снизу вверх, пытаясь разобрать, почему ее мама закоченела. Флойд обводит рыженькую дурочку потухшими глазами и ранимо сглатывает, прежде чем так же размеренно произнести:

— Они угрожают моей женщине, и я кое-как проглатываю это, настраиваю себя на твои слова, честно пытаюсь и реально верю, что справился. Но сейчас они угрожают ей. А она мне как дочь, Френсис, я ее своей малышкой считаю. Это очень мужское чувство, не думаю, что смогу его объяснить, — мое сердце скручивается жгутами, грудь колет, и глаза намокают ненормально быстро, — Глупо было врать тебе. Извини, что солгал. Сам не знал, что лгу. Если ты меня воспринимаешь извергом, потому что я убью детей, то я себя стану воспринимать извергом, как только вас не сберегу. А я сберегу. Все равно бы так поступил, без разницы, для кого из моих девочек нежных оставили послание на коробке. Прости, любимая. Я тебя подвел.

«Она мне как дочь».

«Своей малышкой».

«Моих нежных девочек».

Я не могу вынести это без боли, все сказано им с обреченностью, отчего вот-вот полезу на стену. Сжимаю губы, нервно смахивая слезы, и морщусь, желая отмотать время вспять. На Мальдивы. Туда, где все было хорошо. Туда, где мы были целыми и невредимыми. Где не существовало противоречий.

Это слишком подавляет.

Ведь часть меня принимает — Флойд прав. Я в курсе, что получать от «святоши-Френсис» подобную истину странно, однако отрицать ее не способна. Мне... тревожно за Мяу. На себя было плевать. А отговаривать защищать нашу кошечку... я не могу его отговаривать.

Потому что я неадекватно за нее боюсь.

На мои плечи давят сразу сотни вопросов, хотя помутненное состояние не позволяет окунуться даже в один. Мозг мотает из стороны в сторону. Как идиотская игра в теннис, где мяч отстукивает внутри черепа. Так или иначе, сквозь неразбериху пылает яркая мысль, навязчивая и не дающая продышаться.

Жизни пятидесяти детей не дороже мне одной жизни Мяу.

Я ужасный человек, и тем не менее ничего не могу с этим поделать — это оказывается самым страшным. Не угрозы сектантов. Не коробка. Не мысль о том, что Флойд способен

сотворить с помощью чертового пистолета. А именно то тихое, больное согласие внутри меня самой.

Потому что я впервые понимаю его.

Желудок вот-вот вывернется.

Я всегда считала, что существует черта. Такая непоколебимая бетонная моральная граница, перед которой человек обязан остановиться, как бы сильно ни любил, как бы ни боялся, о каком бы возмездии ни велся диалог. Особенно если речь о детях. Особенно если цена — чужие судьбы.

Но сейчас, стоя напротив него с мокрым лицом и дрожащими руками, я вдруг не нахожу в себе эту черту. Вообще.

Потому что мое сердце согласно с Флойдом.

Я постоянно судила мужчину за то, чем он занимался. Осуждаю и сейчас. Но внезапно, за секунду, убийства перестали быть для меня абсолютно отвратной вещью. Вернее... да, это ужасно. Да, я этого совсем не хочу. Мне больно.

Но что, если другого выхода нет?

Я чувствую, как под кожу проникает нечто черное и неправильное — вещи, от которых ограждалась прежде. Тьма, до жути пугающая, все же берет свое и просачивается в вены. Однако она говорит голосом любви. Голосом заботы. Голосом человека, который готов разорвать мир ради твоей безопасности.

Ради Мяу.

Господи.

Я опускаю веки на секунду, и даже там, в полумраке, сразу

вспыхивает мордочка моей дурочки. Ее тихое сопение. То, как она вечно желает прыгнуть на руки и ужасно грустит, когда остается дома одна. Как обижается, когда ей не уделяют все внимание. Как мурчит от поглаживаний. Как кусает Флойда за палец, пока он насыпает ей корм.

И все. На этом ломается остальное. Пятьдесят детей превращаются в цифру, от которой мне физически невыносимо, но которая абсолютно не перевешивает маленькую кошечку, считающую нас семьей.

Это чудовищно.

Я чудовищна.

Но, кажется, страх за близких вообще не имеет ничего общего со справедливостью. Он нечестный. Неправильный. Негуманный. Он просто жадный. Животный. Ослепший.

Вот, что испытывал Флойд, когда обижали меня?

Да, он испытывал это. Теперь я знакома с данным ощущением напрямую. И оно совершенно не похоже на любовь из красивых историй. В нем нет света. Нет нежности. Нет ничего возвышенного. Лишь первобытный ужас перед потерей, который уродует внутри все человеческое, оставляя один единственный инстинкт «сохранить». Любой ценой. Любой, черт возьми.

Сейчас я понимаю, почему у Флойда тогда темнели глаза. Почему его так трясло от одной мысли, что мне сделали больно. Почему он становился жестким, невыносимым, почти чужим, когда дело касалось того, за кого умрет. Это не

вспышка характера. Не проблемы с контролем.

Это беспокойство, доведенное до крайней точки, где мораль начинает проигрывать привязанности.

И такое осознание не возвращает в покой. Наоборот. Меня будто медленно выворачивает изнутри от мысли, что все это время я просила от него невозможного. Просила остаться хорошим человеком в ситуации, где сама теперь не могу мыслить «правильно».

Поэтому мне хочется разрыдаться по-настоящему — не тихо, как сейчас, а истерично, с болью в горле, потому что в душе что-то фундаментально разрушается. Представление о себе. О собственных принципах. О том, что я вообще считала добром. Я ведь всегда была уверена: есть вещи, которые нельзя оправдать любовью. А теперь стою напротив мужчины с пистолетом за поясом и понимаю, что если он вернется домой с кровью на руках, первым моим чувством будет не ужас, а...

Облегчение.

Я не одобряю это. Но я одобряю. И не одобряю. Я запутана. Меня трясет и мне плохо.

Я не знаю, что вообще произошло и происходит.

Почему я так мыслю?

Зачем?

Что со мной случилось?

— Майлз за дверью, коробку вынес. Он тебя будет охранять, как и в прошлый раз, — нелегко произносит Флойд, на

мгновение перепроверив телефон, и отводит взгляд от моих слез, добавляет еще сложнее, со скорбью, — Я знаю, что тебе больно. Мне тоже больно. Очень, Френсис. Но я не могу иначе. Мне жаль. Я вернусь, и мы подберем вам с Мяу жилье. Либо с Альмой свяжусь. Ты решишь с ней, она мне передаст. Понимаю, что пересекаться уже не захочешь, как и говорила...

Я хлюпаю носом особенно громко и шурую к мужчине, проворачивая то, чего он никак не ожидал — внезапно утыкаюсь в грудь, фактически ударяюсь в него, обнимаю и трусь щекой, как самый разбитое существо.

Мне нужно, чтобы он помог пройти это. Пожалуйста, пусть он поможет.

— Котеночек... — выдыхает, сжимаясь в мышцах, и сминает пальцы в кулаки, — Френсис, не отговаривай меня так, я тебя умоляю, не поддамся, прости...

— Я... не... отговариваю, — практически кашляю горькие слова, реально вою, бесконечно вминаясь в торс, что выглядит ужасно инфантильно, и парень застывает, — Я, я, Флойд... Я тебя... понимаю, — он перестает дышать, стараясь вникнуть в это верно, — Я не отговариваю. И... и не уйду, если ты... да. Я не уйду. Но у меня бардак в голове. У меня бардак. Такой бардак. Флойд. Там бардак. Я тебя понимаю. Я не хочу тебя отговаривать. Но я не разбираюсь. Я запутана. Пожалуйста, помоги мне, я не справлюсь без тебя, я не могу это усвоить, не могу усвоить, что не против твоих действий,

я себя не знаю, черт, я вообще не знаю, кто я такая, прошу, помоги мне, побудь со мной, сделай то, что запланировал, завтра, прошу, не оставляй меня, я с ума сойду, обещаю, что не передумаю, просто помоги мне понять то, что я думаю, мне страшно от самой себя, Флойд, пожалуйста, Флойд, я тебя умоляю, не уходи...

Я прерываюсь на том, что его рука вдруг окольцовывается вокруг тела. Он прижимает меня к себе, а вторую запускает в волосы на затылке. И все становится немного легче. Немного надежнее. От этого, полагаю, и реву еще звучнее — так, что Майлзу наверняка слышно. Но сейчас плевать. Мне нужен Флойд.

Почему я считаю убийство чем-то допустимым?

Он нужен. Очень, очень нужен.

Кто я такая?

Кто я?

Флойд же не уйдет? Он будет со мной? Он побудет?

— Чшш, все хорошо, — губы шепчут около макушки, когда парень склоняется и целует несколько тяжелых раз в голову, каждый его жест до сих пор фонит шоком, вопреки уверенному голосу, — Все хорошо, моя кошечка. Никуда не денусь сегодня. Только позвоню. Давай тебя уложим в постель. Ты меня подождешь минут пятнадцать. Я очень должен по работе переговорить, чтобы туда не ехать, отложить — нельзя не ехать сегодня, но я решу, для этого мне и нужно немного времени, ладно? Еще урегулирую вопрос с подпиской о

невыезде, попытаюсь по телефону, все силы на то кину. И вернусь к тебе, обниму, мы с тобой во всем разберемся. Ты будешь в порядке, обещаю. Сможешь меня подождать, любимая?

Я даже не помню, как оказалась в кровати, укутанная, зацелованная. Время тянулось и, вместе с тем, пролетело быстро — ничегошеньки неясно. Слышала, как он беседовал за закрытыми дверьми. По большей части холодно, но порой эмоционально, с давлением. Улавливала только тон голоса, и то редко. А потом мужчина, видимо, вернулся. Переоделся. Лег рядом, сложил у себя на груди, шептал на ухо какие-то слова о любви, гладил и просто... просто находился рядом. Без понятия, плакала ли я двадцать минут, полчаса или час. Флойд не устал. Спокойно дышал, давая опереться на это, и не подгонял оправляться, тихо разрешал выпустить эмоции, если их так много. Поощрял легкими поцелуями в щеку и держал в своих объятиях, словно действительно знает, что делает.

Он и сейчас здесь. Мяу впритык. Тоже лежит на груди Флойда — уткнула мордочку в его шею, а на мою руку сложила хвостик. И мы вот... да... вдвоем к нему прижаты. Мужчина совсем не двигается, позволяя и рыжуле, и мне, устроиться на нем так, как именно нам удобно. Будто ему совершенно не тяжело. Будто он готов пролежать в данном положении весь вечер и всю ночь, лишь бы я перестала дрожать. Его ладонь греет позвоночник через ткань одежды. Большая,

теплая, медленно двигающаяся вверх и вниз. Меня постепенно начинает клонить в сон.

Я чувствую себя такой измотанной, что банально не способна говорить, вопреки тому, что потихоньку выкарабкиваюсь из истерики.

Флойд напрямую ощущает, что меня отпустило, но не торопится втягивать в разговор. Кажется, и не собирается, если сама не начну. А я правда потеряла ресурсы на любое осмысление. Поэтому мгновения продолжают осторожно сменяться. Иногда мужчина касается губами макушки Мяу, а потом сразу моего виска. Одинаково бережно. Одинаково осторожно. В этом есть что-то настолько мягкое, что грудную клетку сжимает. Он ведет себя так, будто ничего важнее в мире не существует.

Теплая ладонь продолжает медленно скользить по моей спине — без спешки, с одинаковым убаюкивающим ритмом. Иногда пальцы едва ощутимо задерживаются между лопаток, будто проверяя, перестало ли меня трясти. А потом движение начинается снова. Неспешное, терпеливое.

При этом мужчина успевает ласкать и кошечку — второй рукой. Легонечко гладит большим пальцем по мягкому боку, боясь сделать что-то не так, получить лапой по лицу. Переживает за то, что Мяу уйдет, и он потеряет позволение касаться, которое случается поистине нечасто. Обычно она им не слишком довольна — вредничает, ведь маму «отнимают». А сейчас любимая дурочка... благодарна. Все мы понимани-

ем, почему и за что — меня утешили и пригрели.

Я ненароком обращаю взгляд к его профилю и замечаю, что даже в лице нет намека на раздражение или усталость от нас. Хотя мы наверняка заставляем его кожу потеть, не разрешаем улечься комфортно. Но Флойда все устраивает в этом аспекте. Более чем. Это любому было бы видно.

Комната тонет в полумраке и тишине. Слышно лишь его спокойнее дыхание, редкое мурчание Мяу и едва различимый шорох руки по ткани моей белой рубашки. Я тяжело моргаю, пошмыгивая носом, и он нежно соединяет наши глаза, прежде чем медленно потянуться ко лбу. Заземляет губы. Шепчет простое:

— Поспи. Я буду здесь, когда проснешься. Отдыхай, тебе это нужно.

Я растеряно хлопаю ресницами и бормочу уязвимое:

— Если кошмар приснится, снова беспокоить стану. Опять плакать. Тебе придется возиться...

— Я никогда с тобой не возился, — тихо и мирно произносит, аккуратно, у виска, — Только любил и люблю. Так будет всегда, — мои зубы кусают внутреннюю сторону щеки, сердце скулит от чувств, а он повторяет, — Поспи, не думай глупости. Ты со мной. Ты дома. Все хорошо.

Он жмет еще ближе к себе, что казалось нереальным, и поправляет одеяло, дабы оно точно накрывало целиком. Я прикрываю веки, целую его в грудь, и постепенно, почти нерешительно, ухожу в сон.

Любовь — это не про выполненные клятвы. Знаю, звучит странно, но так оно и есть. Потому что обещания люди дают в лучшей версии себя. В моменты ясности, уверенности, силы. Когда им кажется, что они точно знают, каким будет будущее, какими будут они сами через год, пять, десять лет. Что ничего не сломается и не изменится.

Но человек, как и жизнь, меняется постоянно. Время от времени не по собственной воле. Неожиданные обстоятельства разрушают планы быстрее, чем кто-либо успевает подготовиться. Чувства путаются. Психика трещит. Реальность оказывается сильнее характера. И тогда выясняется данная вещь: даже очень преданные люди не всегда способны выполнить то, что когда-то искренне обещали.

Это делает их лжецами?

Наверное, иногда — да.

Но не делает нелюбящими.

Любовь измеряется не идеальной последовательностью и не безупречной верностью собственным словам. Нам хотелось бы, чтобы так было, но так происходит лишь в фильмах и книгах, и то не всегда. Безупречности не существует. Легко говорить о ней, когда единственные дилеммы в паре возникают по поводу бытовых мелочей или очевидных вещей, где действительно есть простое «правильно» и «неправильно». Да, если ты поклялся хранить верность — измена будет предательством. Если пообещал не причинять боль — насилию нет оправдания. Некоторые границы должны оставать-

ся твердыми, иначе любовь превращается в удобное оправдание чужой жестокости.

Но жизнь редко состоит только из ясных ситуаций. Например, как сегодня.

Порой человек оказывается перед выбором, где любое решение кого-то разрушит. Случается, что любовь сталкивается не с искушением, а со страхом, долгом, нуждой защитить, либо, не менее сильными, зависимостью, травмой, чувством вины, потерей себя. Именно тогда красивые клятвы внезапно перестают служить инструкцией.

Мне нравилось представлять светлое чувство, как систему верных решений. Будто хороший человек всегда безошибочно знает, как поступить. Но в реальности большинство взрослых трагедий происходит не потому, что кто-то внезапно стал чудовищем. И в такие моменты любовь перестает быть красивой концепцией. Она становится действием. Иногда очень маленьким.

Остаться рядом вечером, когда тебе срочно нужно ехать решать дела.

Накрыть человека одеялом и следить, чтобы это одеяло не сползало во время всхлипов.

Водить пальцами по спине, придавая опору.

Неудобно лежать, лишь бы тебе было комфортно.

Не уходить, насколько бы громко твой партнер ни рыдал, даже если он рыдает часто.

Брать на себя ответственность за двоих, когда один из вас

потерял силы.

Я помню, как делала почти то же самое для него. Как гладила и убаюкивала, несмотря на свою боль. Как становилась домом и строила вокруг Флойда безопасные стены. Как целовала в щеки и шептала, что все наладится. Как откладывала все на свете, лишь бы подарить тепло мужчине.

И, наверное, в этом и есть смысл отношений. Превращаться друг для друга в самое теплое место в самую холодную ночь.

Я просыпаюсь, когда на улице уже темно. Флойд серьезно положение тела не изменил. Продолжает находиться на спине, окружать безопасностью. Не сидит в телефоне — его мобильного здесь и нет. Значит, ничем себя не занимал, кроме того, чтобы беречь. И вот так целых... сколько?... Минимум три часа. Может, четыре.

Я хочу быть с ним всю свою жизнь. И я хочу за него замуж. Но, кажется, это слишком много для последних событий. Возможно, я сошла с ума — как тут здраво оценишь?

— Привет, — тихо и осторожно произносит он, наблюдая, как вяло тру веки.

Да, это мы. Здороваться по пять раз на дню, хотя не расставались. Почему бы и нет?

— Привет, — голос звучит сродни хрипу из-за слабости, но мгновенно прорезается вновь, — Я тебя люблю.

Флойд улыбается. Мягко. Слабо. А следом, почти с позволения, медленно вынимает правую руку из-под шеи, дабы

приподнять себя, перестроиться и чуть нависнуть сверху, шепча:

— А я-то тебя как люблю.

Кот. У нас пушистая семья. Мы такой... кошачий выводок. И мне нравится это. Но не нравится то, с чем встречаюсь, когда получаю поцелуй в уголок рта. У него на щеке... царапина? Я прикладываю большой палец к области поблизости и оббегаю повреждение хмурым взглядом, прежде чем уточнить:

— Что случилось?

Он ложится на живот, зарываясь лицом в моей шее. Все еще не отпускает ни на сантиметр отдалиться. Глухо поясняет с забавой:

— Мяу хотела тебя разбудить: проснулась, пошла висок твой лизать. Я ее убрал, за что и поплатился.

Да что же это такое...

— Я ее поругаю, — тут же шепчу, понуро мотнув головой, — Распоясалась. Нельзя так.

— Не думаю, что она поймет, — бесшумно усмехается, неустанно наслаждаясь аккуратным касанием носа и губ к моей коже, — Смышленая, конечно, но не до такой степени. Уже забыла. А если и нет, то не злюсь, не расстроен. Мне нравится, что мои кошечки с характером.

Я слегка прогибаюсь в спине, пытаясь размяться, и лениво опускаюсь назад. На тумбочке с его стороны слабо горит ночник с желтым светом. Кондиционер под потолком выпус-

кает слабые потоки, благодаря чему в комнате есть чем дышать. Моя голова поворачивается, прикладываясь щекой к его переносице. Все такое... умиротворенное. Я помню, почему плакала, но терапия в виде объятий и сна рассеяла хаос. До сих пор не понимаю, что со мной, до сих пор себя боюсь, но уже не до удушения.

— Если у нас будет дочь, и она тоже тебя ударит, ты порадуешься? — проговариваю без задней мысли, и с последним слогом выкатываю глаза, роняя челюсть, как в тупой комедии.

Блять?

Что я, черт возьми, сказанула? Кто-кто у нас «если будет»?

Мои глаза ведутся в бок медленными рывками с опаской, чтобы убедиться: Флойд оторвал лицо от шеи и внимательно всматривается. Я плавно закрываю рот и пугливо сглатываю. Мужчина выдыхает и притирается обратно со спокойным убеждением:

— Когда у нас появится дочь, я буду хорошим отцом. У нее никогда не возникнет желание ударить, ведь бить не за что.

«Когда».

Ага... Эм... привет снова? Ха-ха... Да... Дети... Мгм.

Хорошо, в теории. Даже если я решусь на ребенка, он случится в одном количестве. Так с чего Флойд уверен, что девочка? Может, сын. Я о том и спрашиваю — интерес побеж-

дает.

— Я не планировала детей, ну, знаешь... совсем, — неловко шепчу, на что он, к удивлению, без претензий кивает один скромный раз, прикрыв веки там, в ложбинке между плечом и челюстью, — Но... В параллельной реальности, предположим. А если мальчик?

Флойд лишь жмет плечом, прежде чем безмятежно отозваться:

— Это дочь. Я просто знаю. Точно так получится. Еще одна кошечка у сердца спать будет.

О, конечно, дело в контроле. Он же все привык держать под своим руководством. Начальник. Вне указов мистера Маккастера реальность не существует, мир не вращается.

Я не хочу больше обо всем этом думать.

— Спасибо, что остался, — перевожу тему, — Мне стыдно, что доставила неудобства и проблемы.

— Ты не доставила, прекрати, пожалуйста, я был нужен здесь, и это мой приоритет, — мотает подбородком, перекладываясь так, чтобы видеть мое лицо, — Но завтра... мне придется уехать с утра. Вернусь ночью. Работа, потом встреча, потом... — я чуть приподнимаю плечи, и он не договаривает, лишь чутко поглаживая по талии.

Мои глаза опускаются. Все еще не собираюсь отговаривать. Однако это... не то чтобы я действительно хочу смерти тех... всех тех. Я не хочу. Факт расправы ощущается страшным. Просто... я уже не могу открыть рот, чтобы сказать

«нет». Не потому, что пообещала так не поступать, а потому... я не знаю.

Мне неуютно с себя. Тошно от того, как мозг перевернулся. Не разберу, как жить, когда я такая. И останусь такой? Это совсем не о Френсис. Чужая самой себе.

— Я понимаю тебя, — вдруг негромко сообщает парень, отчего свожу брови, возвращаясь к зрительному контакту, — Понимаю, что ты испытаешь. Поверь, пожалуйста.

Серийный убийца понимает, каково мне, никого не убившей, внезапно считать, что убийства должны произойти?

Давайте вы не будете смешить небеса, хорошо? Флойд эмпат, касательно моей боли, и все же тут стоит притормозить лошадей.

— Ты не можешь это понять, прости, — шепчу без укора, потеряно, — Я... я будто захлебнулась. И до сих пор так.

Сколько сеансов с психологом понадобится, дабы восстановить баланс? Опора разрушилась под ногами по вине одного инцидента. Это край пропасти. А назад ступить словно ветер сильный не дает, обратно толкает.

Мужчина поднимает руку с целью заправить локон волос за ухо и приласкать щеку. А потом, пожевав губу, выкладывает:

— Я не всегда убивал пачками. У меня ведь было первое убийство — что, конечно, и так ясно. Но оно произошло не там, не в шахматном клубе. Раньше. За четыре года до основания прошлого бизнеса.

Я смотрю на него в неведении, смекая лишь в текущий момент, что ничего не знаю о том, с кого началась тропа к нормализации подобного. Флойд с детства мечтал убить отца, а не постороннего человека. К тому же идея построить то злополучное место... она, мягко выразиться, неординарная. Нет, я в курсе, мой парень имеет не только богатое состояние, но и богатую фантазию. Очень. И тем не менее с чего-то же он должен быть понять, что ему удастся стрелять в незнакомцев.

— Рассказать? — без давления перепроверяет он.

Я тихонечко киваю, хотя прежде бы уши закрыла. Ну а чем меня еще напугают? Я сама себе главное чудище.

— Это произошло в девятнадцать лет, — затевает, фильтруя каждую букву, но мои брови уже летят вверх от возраста, — Тогда я уже учился в университете. И у меня была компания знакомых. Тех, с кем мы часто отвисали, почти ежедневно. Морис в их числе — мы только друг друга друзьями воспринимали. Остальных, как временных. Но, да, тусовались с ними достаточно долго. Года полтора точно. Человек пятнадцать, в основном парни. Хотя были и девчонки, которые задерживались на месяц-другой. Они, в общей сложности, каждый день были, разумеется. Просто кто-то на сутки, а кто-то вливался. И с одной такой я, эм... проводил время парочку раз.

Ох, так вот, как мы теперь называем процесс «трахаться».

Я без обвинений. Просто... ну... забавно. Никогда всерьез

не ругаюсь по поводу активных связей. Но они мне не нравятся. Те девушки. Разве Флойду сложно было сохранить девственность для избранницы?

— Ты такая ревнивая, — отвлекается он, лениво усмехаясь, — В начале общения никогда бы не предложил.

А я в начале общения считала, что ты работаешь садовником. Мне упомянуть?

— Я не ревнивая, — отрицаю, отводя взгляд к потолку, ведь щеки краснеют, — Вообще без разницы. И вот знаешь, родись я в городе, будь у меня столько же опыта, сколько у тебя, до нашей встречи, ты бы тоже испытывал возмущения. Нет, я не имею в виду, что все же их испытываю, мне нет дела, кого ты там, в каких позах...

Меня затыкают нежным вязким поцелуем.

Он касается лица, разворачивает его к себе, подтягивается ближе и выше, а следом примыкает к губам, сладко запуская в рот язык. Умело и плавно проводит им по небу, ласкает контактом и под конец прикусывает нижнюю губу, втягивает ее, посасывает. Потом отстраняется.

Флойд... ладно.

С ним регулярно так. Какое-то издевательство, пусть и прекрасное.

— Это же хорошо, что много опыта было, дурочка моя ревнивая, — обдает искренним шепотом, заглядывает в глаза, все еще находясь в паре сантиметрах от рта, — Знаю, как тебе приятно сделать. Учиться не надо. Сразу со мной себя

чувствовала потрясающе, а я ведь только такого для тебя и хочу. Если бы ты много с кем спала, никак бы не относился. Мне не нравится затея девственности. Ну... это правда не обо мне, помешанность на «нетронутости» у некоторых... Не совсем здоро́во. Я бы не ранил, конечно, но и как-то... не знаю, не про меня такие вещи абсолютно. Поэтому не фыркал бы на твой опыт, как ты на мой. Да и незачем — у меня нет сомнений, что я при любом раскладе лучший в данном вопросе. И ты не сомневайся, что лучшая для меня во всем. Совершенно во всем. Сравнивать пытаться — безумство.

А... вот как.

Я же говорила. Флойд Маккастер — самоуверенный, напыщенный мерзавец. Кто-то выпустил его из ада погулять тут, на земле, соблазнить сотни женщин, а назад не запихнул. Возможно, он договорился с главным дьяволом. А возможно и сам таковым является. Хотя о чем здесь спорить, конечно, последнее.

Мой нос источает утомленный выдох, ведь мужчина умеет обернуть все в свою пользу и не оставить тебе шанса поскандалить. Потому глаза закатываю и повторяю это снова, когда он хихикает, целуя меня вновь с той же глубиной, только на пару секунд. Тогда закатываю глаза в третий раз. И он атакует рот опять. Заставляет обмякнуть окончательно.

Придурок.

Еще и такой нереально красивый. Гибель для сердца.

— Все... — ворчу через сжатое от стеснительности горло,

и зрачки Флойда искрят озорством, он любовно сминает губы еще на миг, теперь вынуждая хныкать от краски в щеках, — Все. Отстань. Чего ты... чего добиваешься. Давай, рассказывай лучше историю дальше.

— Добиваюсь звание «муж», — бурчит, чмокая где-то рядом с носом, — Знаете, как трудно Вас завоевывать? — воркует, играет, без шуток наметив цель утопить в трепете, — Очень неприступная особа. Когда уже разрешите взять в жены?

Что ж... похоже, откровенность про первое убийство переносится на двадцать минут, полчаса или следующий день. Хорошо. Так даже лучше. Я гораздо сильнее нуждаюсь в нежности, нежели в анализе. Он чувствует. Флойд всегда подобное читает.

— Никогда, — безвредно мычу и вру, ерзая под ним с дурацкой улыбкой, — Может, Вы, молодой человек, мне не нравитесь? Наше знакомство началось с Вашей попытки утащить меня на часик, явно с целью переспать. Мне такое не подходит.

Он бескрайне счастливый сейчас.

— Вообще-то, я правда хотел отвезти тебя вкусно поесть, — указывает, вспоминая то, каким был, — Ладно, признаюсь, еще думал, как пообедать меж твоих ног, — я реально поперхнулась, — Но, хорошо. Начну заново, — мурчит, обвивая руками, — Здравствуйте, милая девушка. Можно с вами познакомиться? Вы очень красивая. Самая красивая. Раз-

решите сводить на невинное свидание? — он вертит лицом, оставляя россыпь поцелуев, нахлестывая чрезмерно флиртующим тоном, — Мы были бы прекрасной парой. Посмотрите, как подходим друг другу. Дайте свою руку, — я ведусь, подобно щенку на лакомство, тут же выставляя ладонь, еле дыша от чувств, и он накрывает ее своей большой, роняя пальцы меж пальцев, переплетая их, — Видите? Идеально смотрится. И, поверьте, схожее переплетение других частей наших тел будет смотреться не менее восхитительно...

— Ты одержимый и вульгарный, — стону я, серьезно подумывая придушить его или себя за то, что творится с душой, которая трепещет, — Как можно было начать славно, а закончить своим привычным стилем?

— Я говорил про объятия, — наиграно ахает, не разрывая сцепление рук, сжимает их крепче, тоже пылая любовью, постоянно целует уголок губ, — Боже, Вы уже думаете про нашу близость? Уже о том мечтаете? Так быстро? Что ж... Уверяю, я смогу удовлетворить любые Ваши желания...

Я целую его. Обхватываю щеки и вовлекаю в контакт сама, благодаря чему получаю глухой стон. Он сразу тянет меня еще плотнее к себе и подается ниже, отвечая взаимностью так чертовски желанно, что наши грудные клетки начинают вибрировать от бешеного сердцебиения.

Я хочу, чтобы он был моим мужем. И после этой ночи... после моего согласия с убийствами, пусть и неполностью сформированного... после всех наших моментов, доказыва-

ющих преданность...

Почему нет?

Это решение стоит принимать на свежую голову, знаю. Вероятно, потратить неделю на дотошное осмысление шага. Но я... я хочу этого сейчас. И завтра буду хотеть. Давно ясно.

Очень мило получать его попытки добиться расположения. И все же я здесь не за тем, чтобы играть. Мне нужно было время. Усвоить. Переварить информацию. Когда-то делала акцент на совместно прожитых годах... вероятно, все верно. Но ведь Флойду не нужно было и несколько следующих месяцев, чтобы осознать намерения. Так... разве действительно нужно мне?

Я глупая, да?

Я очень глупая, если вручу кольцо сейчас?

Поступаю опрометчиво? Умнее было бы отложить на год, как и планировала?

Но жизнь меняется — уже рассуждала. И мысли тоже. Изменилась я... даже с момента предложения руки и сердца. Прошло два с половиной месяца, а та версия Френсис буквально подавляюще во многом отличается от нынешней.

Естественно, мы пока не вступаем в брак. И я продолжу дразнить его: тем, что под венец не пойду. Это мы точно отложим еще на долгое время. Свадьба не к месту. Я не на том этапе. Однако мозг находится в полном понимании важнейшей вещи: я доверяю Флойду без всяких погрешностей и условий. Всецело.

Помимо прочего, я перестала быть довольной статусом «парень». Какой он мне «парень»? Слишком скромное слово.

Флойд нужен мне больше, чем есть сейчас. В эту минуту. Позже. Импульсивность не руководит выбором, как бы ни казалось иначе.

Я просто думаю, что порой не нужно тратить всю силу извилин на взвешивание «за» и «против», если от того страдает душа. Откладывание — не всегда хорошая штука.

Возможно, все окажется зря. Возможно, мы не сойдемся и разойдемся. Но эта жизнь, наша, настоящая, просит быть прочувствованной в каждой мелочи. Потому, даже если она будет маленькой, короткой, то пусть счастье в ней случится от «а» до «я». Правильно?

Нет, выражусь по-другому. Тверже.

Это правильно. Для меня.

— Целуй меня, — просит хрипом в губы, так как я прекратила на несколько секунд, — Целуй тоже. Пожалуйста, Френсис. Будь со мной.

Через пару часов он расскажет про первое убийство. Завтра поедет убивать детей. Я нахожусь вверх тормашками с вечера. И все равно, при учете перечисленного безумия, мое избитое нутро умоляет о его присутствии.

Сумбур. Все друг на друге. Путаница. Мне бы честно хотелось передать каждое событие последовательно. Не оборвано. Полноценно. Но я не сложу это красиво, потому что

иногда случаются такие дни — кривые, странные.

И все же их можно исправить.

Я не отдаю кольцо из целей скрасить сложные часы. Я лишь говорю о том, что несмотря на истерики, слом и трудности мне неизменно требуется Флойд. Ближе и ближе. Чаще и чаще.

Наверное, это и без того заметно.

Я отвожу голову на миг, вбирая воздух в легкие, и мужчина тускнеет по щелчку. Чувствует укол обиды. Грусти. Не злится, не разочарован. Просто... снова обзывает себя надоедливым. Надеюсь, убедится в противоположном через пару слов.

— Можешь сесть и закрыть глаза? Не подглядывай только. Хорошо?

Флойд наполняется хмуростью и вкатывает пухлую губу в рот, не понимая, как реагировать. Я не хочу делать это лежа. Так что просьба уместная, хоть и звучит странно.

— М... — недоверчиво произносит, до сих пор расстраиваясь из-за прерванной ласки, — Да. Ладно.

Он выполняет сказанное, помещая себя на середину кровати и опираясь на заведенные за спину руки. Отводит голову, опустив веки, жует внутреннюю сторону щеки несчастно. Прервали бедного, бросили.

Ему неизвестно, что кольцо находится в тумбочке с моей стороны. Полезу туда, и звук открытия шкафчика не даст намек. Так и происходит — я достаю предмет, и силуэт парня

не проявляет ни толики предвкушения. Вынимаю из коробки красивое «украшение». Вкрапленные голубые камушки — пара штук, разбросанных по кругу. Дополняет мое так, как ничто не дополнит. Я... очень люблю Флойда. И очень хочу верить, что он понимает размер моего чувства.

Прячу кольцо в ладони. Шаркаю коленями по матрасу и залезаю на него сверху, устраиваюсь там поудобнее, так, чтобы мы оба сидели лицом друг к другу. Мнусь... волнуюсь.

К счастью или к сожалению, он сметает переживания. Как и любую романтику.

— Предупреждаю: если ты свяжешь меня, то трахни быстрее, иначе порву веревки и нарушу твои планы, — он вынуждает лицо стать пустым, я сжимаю губы, сдерживаясь от того, чтобы цокнуть языком, — Мой член болит от желания, не будь к нему жестокой.

Вот это мой выбор жениха. Да. Ну, что поделать? Что случилось, то случилось.

Матерь Божья, Френсис, и ты ведь серьезно так считаешь.

— Я не собираюсь тебя связывать, — выдыхаю в изнеможении, — Открой глаза.

Он распахивает ресницы, совершенно не догадываясь, что произойдет. Нежный и... тоскующий. Родной.

Плечи расслаблены, грудь медленно поднимается от ровного дыхания, а взгляд лениво задерживается на моем лице, будто ему просто нравится смотреть. Он слегка облизывает губу и щурится на секунду, когда я двигаюсь вперед, после

чего приподнимает подбородок, подстраиваясь под меня инстинктивно. Колено едва заметно смещается в сторону, давая устроиться удобнее сверху.

Никакого ожидания подвоха.

Я чувствую себя преступником, который вот-вот накинется и разгромит его непринужденность.

— Ты мне очень дорог, знаешь? — сглатываю, подбирая выражения, и парень слегка меняется в настроении от искреннего тона.

— Знаю, — неуверенно бормочет, пытается разобраться, что происходит.

Я двигаюсь по нему вновь, садясь еще ближе к торсу, и Флойд слегка наклоняет голову. На вишневых губах появляется почти незаметное движение — не улыбка, скорее привычка к заботе рядом со мной. Похоже, мужчина предполагает, что я затеяла какой-то разговор о себе и своем состоянии, так и что и переключается в режим «утешить». Вполне логично для него. Естественно. А ведь когда-то он был напрочь противоположным. Нет, не ненавидел. Скорее... терялся в том, как выучить новые правила жизни, где с ним в квартире живет чья-то душа.

Мы так чертовски отличаемся от тех недель. Сложно поверить.

Я все еще размышляю о том, каким нежным и заботливым он был в те недели после моего побега, и как сильно он старался, чтобы я чувствовала себя комфортно рядом с ним.

Флойд носил меня повсюду, не избегая темы «туалет», а ведь мы были едва знакомы для таких поступков. Чистил зубы, умывал, кормил, спал на полу из ночи в ночь, переплетая пальцы, обрабатывал ноги. Он был раздавлен собственным хаосом, не ориентировался в любви, и тем не менее выкладывался на все сто.

Конечно, позже это аукнулось сполна, но я простила ему ошибку. Да, другой парень не вытворил бы подобное на его месте. Наверное, нашелся бы тот, кто вообще ни разу не уколол. Но я поведу себя несправедливо, если упущу ключевые детали, касательно Флойда.

Не приди он тогда на службу, я бы была отдана в жены Сралле. Насилие бы продолжалось, пока не завыла бы и не напросилась на повешение. Потом сбежала бы и без Флойда, из инстинкта самосохранения. Только есть нюанс.

Если бы парень не появился, мне бы не к кому было бежать.

Не будь его, тишианцы бы уже убили меня сейчас. Ту безопасность, которую дает мужчина, не воссоздать самостоятельно.

И я не думаю, что кто-то, кроме него, справился бы с тем же. Поэтому, да, Флойд часто не эталон партнера для отношений, но он учился и учится столько, сколько бы ни стал ни один чужой. И я люблю его в том числе за это.

Кое-как набираюсь смелости, прежде чем произнести самое чистое и честное, глаза в глаза.

— Мне не кажется, что это стоит делать при свечах, шариках или за ужином в ресторане... не с моей стороны, — он до сих пор не вникает, — Ты бы так и не хотел, полагаю. Так что... я попробую здесь. Надеюсь, ничего не порчу. И у меня не будет долгой речи, не готовилась, скажу кратко.

Я правда убеждена, что мне не стоит выкатывать «тираду». Он мужчина в наших отношениях. И он не просил меня делать ему предложение в ответ. Только отдать кольцо, если решусь. Не торжественно вручить. Организовывать трюки в таком щепетильном вопросе нельзя. Не хочу его унизить. Так что сосредотачиваюсь на сути:

— Главное одно — я тебя люблю. Непреодолимо люблю, Флойд. Мы проходим трудности. Вместе. Меняемся и подстраиваемся. Я бы... я боюсь тебя потерять и, прошу, не подведи к подобному. А пока...

Я разжимаю руку, немного выставляя ее вперед. Мужчина переводит взгляд туда и, клянусь, прекращает дышать, натыкаясь на вещь, что лежит на ладони.

В нем без преувеличения проносится вся жизнь.

Рот чуть приоткрывается. Глаза цепенеют в смеси эмоций. В груди проскакивает резкий удар — я ощущаю, хотя не нахожусь в его теле. Кажется, он до конца не верил, что этот день вообще способен настать. Шутил, выстраивал маску непоколебимости, но крайне сомневался.

Однако мы здесь.

Спустя десятки фразочек «а когда, а когда, а когда».

Флойд не был надоедливым. Не уставала и не чувствовала давление. Просто нахожу это забавным и... уютным.

Я вижу, как мышцы предплечий начинают подрагивать. Взгляд стеклянеть. Он хлопает ресницами чаще и начинает разбивать мои внутренности одним действием: носится чертовски пугливым взором по лицу, словно его сейчас обманывают.

Я сама сейчас заплачу.

На какие-то три-четыре секунды Флойд опускает голову, утыкаясь лбом в мое плечо, представая тотально обезоруженным. Не сильным. Не наглым.

Человеком, которого наконец выбрали в ответ.

Флойд ведь так чертовски боялся. Я ощущаю, что этот малыш серьезно находился в страхе, пусть и умело его скрывал, наверняка, зачастую, и от самого себя. Теперь размышляет, не окажется ли происходящее очередным сном, в котором ему дали подержать счастье, прежде чем снова отобрать.

У меня внутри болезненно щемит.

Потому что он действительно был убежден, где-то там, под толщей мнимой непоколебимости, что его ни при каких условиях не станут ценить так же. Тот мальчик в зале суда — тот, в ком растрескалась вера. Ни во что-либо конкретное. Вера во все. Он потух и раскрошился. И даже после всех моих слов. После всего, через что мы прошли. После каждого раза, когда я оставалась. Для Флойда любовь, кажется, всегда была чем-то временным. Чем-то, что рано или поздно ухо-

дит, устает, ломается о его характер, привычки, тьму внутри.

А я держу в ладони доказательство обратного.

Его грудь тяжело поднимается, и только потом он откапывает в себе силы посмотреть на меня снова.

На кольцо.

В глаза.

Как человек, которого впервые не попросили заслужить любовь.

— Мы получим больше ответственности. Оба. Должны относиться к нам внимательнее, — мужчина молча слушает, сомкнув челюсть, будто она начала бы подрагивать, — Я буду. Обещаю. И, когда говорю, что люблю, подразумеваю желание прожить с тобой все свои дни до конца. Так что... если ты позволишь надеть его... Мы можем называть друг друга женихом и невестой, хотя свадьбу точно отложим надолго, дай мне добраться до следующей точки размеренно. Ты, эм... хочешь, чтобы мы называли друг друга этими красивыми словами?

Он кивает один ранимый раз и шепчет, как котенок:

— Очень хочу. Просто пытаюсь... — говорит про борьбу со слезами и беспокойно дышит глухими рывками, — Пытаюсь. Ты точно поступаешь осмысленно? Произошло много всего, что могло перегрузить...

— Я не передумаю, — отвечаю на то, что не озвучено прямо, и парень на миг запрокидывает голову, словно не нащупывает подвох и безумно боится, что все-таки нащупает,

— Я не передумаю, малыш, если ты не причинишь сильную боль. Я буду с тобой, как и ты: в болезни и радости, в богатстве и в бедности. Всегда. Я люблю тебя, Флойд Маккастер. И без тебя себя не представляю. Можно... надеть?...

Мужчина сразу ведет торс вперед, придает подрагивающему телу опору, и протягивает руку, робко помещая вторую на талию. Я смотрю на его изящные длинные пальцы и не имею ни малейшего сомнения. Оно должно быть там. Потому что мы вместе и друг для друга.

Я тянусь и плавно целую его в щеку, задетую лапкой Мяу. Беру ладонь и аккуратно надеваю кольцо, после чего лицо, которого касается мой нос, правда намокает. Слеза ударяется о мою кожу, и мужчина стыдливо смахивает ее, выбивая дыхание следующим: сжимает руку, как бы пытаясь почувствовать новый предмет целиком, берет подбородок пальцами и целует с диким гулом болезненного счастья, без предупреждения валя меня на спину, размещаясь бедрами меж ног, где ему и следует быть. Будто всю жизнь падал — и только сейчас перестал.

Флойд продолжал плакать. Ругал себя подкожно, но прекратить не мог. И никогда прежде чьи-то слезы не казались мне чем-то настолько правильным.

Глава 8

— Стоп, стоп, стоп! Подождите! — невпопад лепечу я, выставляя руки и ерзая по кушетке назад, — Вы уверены, что это то, что мы и должны делать?

Альма прикладывает два пальца ко рту, хихикая без остановки, а Кейша, темнокожая девушка, улыбается во все тридцать два. Она наклоняет голову вбок, тепло подтрунивая:

— Нет, конечно, я думаю, мы должны станцевать — это ведь и делают в пирсинг-студии. Прокол образовывается с помощью энергичного хип-хопа.

Я дую щеки, как дитя, и страдальчески морщусь, запрокидывая затылок. Просто... кто не испугается иглы в руках? Нет, ладно, сформулирую вопрос иначе: кто не ужаснется тому, что в его ухо вот-вот вонзится острая дрянь? Это заставляет паниковать.

Все случилось из-за просмотра ТикТока. Или из-за Флойда, который привез меня к друзьям. Или из-за инициативной Альмы. Черт, я уже не разберу! Важно... успокоиться.

И начать по порядку.

Ночь проходила в максимальной заботе. Я ела пиццу пепперони и закусывала роллами. Ни на что не жаловалась, кроме одного забавного факта — тишианцы своровали наш прошлый ужин. Курьер доставил его, оставив рядом с дверью,

но они забрали пакет, подложив вместо него ту жуткую коробку. Нам пришлось заказывать другую еду и ждать ее чуть дольше привычного по вине позднего времени. Флойд проворчал, когда мы выбирали новые блюда:

— Я ведь такой добрый, чтобы кормить всяких выблядков.

Я лежала или, выражаясь точнее, сидела меж его ног — мы так и не вставали с кровати. Целовались долго, роняя проклятья между касаниями, ведь оба накрутились от интенсивности любви. Он хотел меня трахнуть и грустно проскулил, когда не позволила. Просто... было не то состояние для секса, вопреки отданному кольцу. Голова гудела противоречиями.

— Ну, считай, это их... предсмертный пир, — попыталась пошутить, морщась от собственных мыслей.

Мужчина сначала вскинул брови, а потом сощурил глаза. Потянул за подбородок в левую сторону и проворковал:

— Это моя саркастичная девочка, мне она нравится, — следом, разумеется, поцеловал.

А мне она не нравится. Какая-то странная и злая. Пусть уйдет.

Мы легли спать после двух часов ночи. Немного пошептались о любви, прижались друг к другу и коллективно решили пообщаться обо всем на следующий день. Флойд лишь тихо сказал:

— Стремление защитить близких не делает тебя плохим

человеком, Френсис. Есть ли смысл сочувствовать злу, которое из раза в раз учит тебя бояться собственного милосердия? И ты не убиваешь сама, — он поднес наши переплетенные пальцы к губам и поцеловал мою кожу, — Эти нежные руки чисты.

Я не знала что ему сказать, да и не следовало говорить. Флойду был необходим отдых. Мы отключились вместе — тихо, мирно, спокойно. А утром... утром начался раздрай.

— То есть ты хочешь поехать к ним один?! — шокировано прокричала я, пока он, уж простите за откровенность, засовывал член в темно-коричневые брюки, — Мозги есть?!

Мгновенно я начала жалеть, что сказала ему примерное местонахождение второго поселения до того, как узнала, в чем состоит глупый план. Мужчина взаправду выдвинул, что не возьмет подмогу! Еще и губы сжал в недовольную линию от того, что на него агрессивно ругаются. Выдал совершенно простое, без малейшего понимания:

— Ты почему кричишь?

— Почему я кричу?! — ахнула громче, разворачивая ладони к груди, — Да потому что ты меня не слышишь и не слышал! Там... там их гребаное логово, Флойд! Под землей! Множество коридоров, темнота, а вокруг сплошные фанатики, мечтающие убить тебя не меньше, а может даже больше, чем меня...

— Понял, — спокойно перебил, накидывая белую рубашку, — Переживаешь.

Я была готова задушить его. Я была так чертовски сильно готова.

— Естественно, переживаю! Флойд, это опасно! Нельзя идти в одиночку! Тебе нужно взять кого-то...

— Кого? — вскинул брови он, заправляя верх в штаны и застегивая ремень, — Спайдермена? Бэтмена? Халка?

Я потеряно приподняла плечи и развела руками:

— Ну, да? Они на тебя работают, как Майлз? Возьми, если подходят для таких дел, не знаю, почему нет?

Имена, конечно, странные. И я бы сделала на этом акцент, если бы ни побоялась звучать грубо. Их так мамы назвали. Значит, все в порядке вещей.

Лицо Флойда стало абсолютно пустым.

Он сначала медленно моргал, даже затормозив спешку. Мы действительно торопились с утра. Помылись, позавтракали и принялись одеваться за минут пятнадцать, так что эта пауза ощущалась неестественно. Будто вы смотрели видео на высокой скорости, а потом заблокировали телефон. И такое затишье продолжалось секунд шесть. Только потом Флойд оглядел меня еще нежнее и покачал головой, словно я его самая любимая дурочка.

— Нам надо посмотреть Marvel и DC, — вздохнул и почесал лицо он, — Нам очень надо.

— Черт, да можешь уже ответить внятно?! — разочарованно добивалась, — Ты возьмешь с собой команду?...

Меня прервали руки, которые обвили тело. Он прижал к

себе, ведя нас из спальни в прихожую, и склонился к макушке, дабы нежно поцеловать. Так... трепетно и ласково. Мяукать захотелось. Чуток помурчать...

Так или иначе, сетовать не прекращала, пока обувались и «паковали» Мяу в переноску. Разве что звучала тише. Флойд отправлял кому-то деловые СМС и заметил, что собираюсь пойти без куртки. Потому глухо цокнул, зацепив с крючка кожанку, которую давно привез с клуба. Накинул мне на плечи и заблокировал телефон, проговорив прежде, чем поторопить выйти:

— Френсис, они ничего мне не сделают, — теплые ладони обхватили щеки, глаза любовно соединились, — Для тебя они угроза во всем. Для меня они угроза только в том, что трогают вас. И я просто заеду это исправить, любимая. Ладно?

Я кое-как помотала лицом, зажатым меж мужских рук, и пробурчала:

— Нет. Ты слишком самонадеянный...

Меня поцеловали. Склонились и втянули губы на пару секунд, донельзя жарко. Я захлопала ресницами, запутавшись в моменте, но все равно продолжила:

— Они могут причинить тебе...

Меня поцеловали опять.

— Никто не может причинить мне настоящую боль, кроме девушки напротив, — прошептал он, отдалившись от рта лишь на сантиметр, отчего сердце екнуло, Флойд говорил

глухо, искренне, не разрывал зрительный контакт, — Это делает тебя самым опасным человеком в моей жизни, Френсис. Так что перестань бояться за своего жениха там, где не нужно. Я вернусь к тебе ночью. Куда мне вообще деваться, если все, что когда-либо имело смысл, содержится в этих красивых глазах?

Не убедил. Но... Ох.

Против него в целом существуют какие-то способы борьбы? Я пока не нашла исправных.

Мы взяли Мяу и вышли из квартиры. Флойд держал нас к себе близко, бесконечно обводя подъезд, а следом и улицу сосредоточенным взглядом из-под темных очков. Погрузились в Мустанг без происшествий. Отправились в квартиру друзей не напрямую. Петляли. Высадились в совершенно случайной точке — оживленный закуток, где толпа сменяет друг друга. Кто-то спешил на работу, кто-то брал завтрак в кофейнях, кто-то бегал. Флойд пересадил меня в авто к своему человеку — учтивому громадному телохранителю. Договорился с Морисом, чтобы тот встретил нас с Мяу на улице, и русоволосый не вносил коррективы. Забрал, завел домой. Естественно, с недовольной физиономией.

К счастью, не ругал и не ранил. Мы просто шли в напряженном молчании. Я попробовала пробормотать:

— Привет. Рада тебя видеть...

Но парень проигнорировал. Потому не лезла. А уже в квартире Морис натянул маску радости — спектакль для

Альмы. Оставил нас в гостиной, сам ушел в другую комнату — работать вроде как. Так что мы с девушкой были наедине, не считая Мяу. Последней, к слову, понравилось жевать пушистый ковер — этим она и занималась.

Друзья знали о происшествии — Флойд оповестил их вечером, когда провалилась в сон. Но никто из нас не был в курсе, есть ли у сектантов адрес их дома. Потому решили перестраховаться. Мне неловко подвергать еще чьи-то судьбы рискам, и все же Флойд, вроде бы, сегодня разберется с угрозой? Значит, переживать не о чем. Наверное.

Мы с подругой решили не мусолить тему жуткой коробки. Наметили цель отвлечься. Но мой череп был забит иной вещью — и она никак не хотела исчезать. Я думала о признании мужчины. Альма смеялась рядом, рассказывала что-то о новом сериале, о последних сплетнях в городе, а в моих ушах звучало только эхо его слов.

— Никто не может причинить мне настоящую боль, кроме девушки напротив. Это делает тебя самым опасным человеком в моей жизни, Френсис.

Так чертовски противоречиво слышать подобное от человека, который, кажется, был неуязвим, касательно своего настоящего. Никто не мог ранить Маккастера, ведь он потерял то, что любит больше всего — маму. А теперь у Флойда есть я... И мужчина доверяет мне настолько, что любая моя ошибка могла бы стать его болью.

Я чувствую стресс из-за этого, потому что мне не хочется,

чтобы парень считал, будто с ним обойдутся грубо. Черт, я скорее зарежу себя, чем нанесу ему вред — разе он не знает? И Флойду не нужно вести меня за собой по минному полю, если перед нами ставят подобные условия. Реальность будет состоять в том, что все мои сорок девять килограммов побегут и плюхнутся на торф, подорвутся без раздумий, лишь бы проложить ему безопасную тропу. Потому он может чувствовать себя спокойно и быть уверенным, что не раню. К тому же я все еще не злорадный человек, и здесь ничего не изменится. Даже если Флойд предаст, отплачивать той же монетой не буду.

Я скромно хрустела сырным Cheetos и листала ТикТок, пока Альма отошла к Морису. А затем вздрогнула — девушка вернулась и внезапно перевесилась через спинку дивана, обняв руками и уставившись в мой телефон.

— Ты чего такое смотришь? — лукаво сощурилась она.

— Я чуть не выплюнула чипсы от страха, — отозвалась с бешеным пульсом в ушах, — Хочешь, чтобы эти красивые белые подушки стали оранжевыми?

Она посмеялась и пожала плечом, хотя глаза от экрана не отрывала.

— Ну, я бы просто выкинула их, а потом припоминала тебе года два при каждом удобном и неудобном случае. Разве не чудо?

— Я бы их постирала, — пробубнила, засовывая новую кукурузную палочку в рот, — У вас, богатых, одно решение

проблемы — выкинуть и купить новое.

Флойд порой буквально нудит от того, что я не разрешаю ему избавляться от поношенных носков. Он научился стирать их сам, хотя до того пользовался химчисткой, и теперь чертыхется. Мол, развешивать мокрое — не аристократично.

Не помог и довод про обратную сторону. Я выдвинула, что у меня носков в принципе не было, так что выкидывать их — полное расточительство. Что вытворил парень? Пф, привез мне на следующий день пятьдесят новых и разных, однотонных и пестрых, без рисунка и с цветочками, высоких и низких — делов-то.

— Ты тоже богатая, — ахнула она, почти ткнув пальцем в бок, — И когда это «богатство» превратилось в обзывательство?

— Я не богатая, — увильнула вправо, избегая щекотки, — И я не обзываюсь. Констатирую факт...

— Факт-акт-пакт, — забавно простонала подруга, — Не ворчи. Скажи уже, что смотришь. Хочешь прокол сделать?

Я закусила щеку, уставившись в поставленное на паузу видео. Там девушке продевали сережку в ухо. Результат выглядел невероятно красиво.

— Наверное, да, — вздохнула, нежась в ее руках, пока она нежилась щекой об мою кожу, — Уже который раз в рекомендациях попадется такое. Мне нравится. И твоя штучка посередине губы — она мне нравится тоже. Очень-очень.

Я запрокинула голову, смотря на колечко пирсинга, которое украшало улыбку. Альма засмущалась и пошутила:

— Ты со мной флиртуешь.

Мое горло запершило, что вызвало в ней пущий смех. Она поцеловала меня в щеку, обогнула диван, плюхнувшись неподалеку, и вдруг вырвала телефон из рук, рассматривая работу лучше.

— Я не умею флиртовать, — пробормотала через жар, — Спроси у Флойда.

Альма легко хмыкнула:

— Ну, а зачем тебе с ним флиртовать? Мужчина и мужчина. Пусть спасибо скажет, что вообще посмотрела однажды. Так... — она сосредоточенно изучила картинку снова и обратилась ко мне с предвкушением, — Поколем тебе уши?

Вот так бывшая сектантка и оказалась в студии, где делают тату и пирсинг. Моя жизнь — сплошное безумие.

Нет, конечно, я согласилась без давления, пораскинула и поняла, что один раз живем, незачем откладывать на потом. Но с каждой минутой, как мы подъезжали к месту, мое сердце сворачивалось в клубок ужаса, и это не прошло до сих пор.

Я просто трусиха: была, есть и буду. Стыдно или не стыдно — надо признать.

Альма позвонила Кейше, своей подруге, у которой и прокалывала губу. Она — молодая владелица "Nova Ink". Сегодня у нее, как и у самого помещения, выходной, но девушка

была рада приехать — не для работы больше, а для компании, так как сидит скучает. И мне, должно быть, повезло — задачу выполнит сама хозяйка студии, не наемный сотрудник. Вот только я трясусь, подобно зайцу, тот азарт прошел.

— Френсис, это не страшно и не больно, — тепло посмеивается брюнетка, садясь на кушетку сбоку и болтая ногами, — Но, если не хочешь, никто тебя не принуждает. Передумать — нормально.

Кейша уже обработала уши, наметила место для дырочек, я подписала бумагу — как тут слинять? Назад дороги нет. Мне будет стыдно за потраченное время.

— Легко говорить человеку с вином в бокале, — парирую, потирая потные руки об джинсы, — Конечно, тебе не может быть страшно.

— Она пищала, как сучка, когда я колола ей губу, — говорит девушка с пышными афро-волосами, и Альма расширяет глаза, — Да, ты пищала на всю студию, нет, детка, м-м, не надо строить из себя воина.

— Так я сучка или детка? — ахает подруга, чуть было ни подавившись алкоголем, и мотает пальцем из стороны в сторону, — И тебе показалось. Я бы воином. Просто этого не оценили по заслугам. Если бы Морис не ушел, он бы подтвердил. Эта студия не слышала ни одного всхлипа от Альмы Лейн. Ни одного.

Морис правда уехал по делам, предварительно наказав девушке обязательно связаться с ним, как закончим. Ему в це-

лом не нравилась идея вылазки, пока за мной сектанты охотятся, но брюнетка смогла уговорить. Впрочем, ей, пожалуй, все под силу — мы именно поэтому и оказались здесь, и глазом не успев моргнуть.

— Как ска-а-а-жешь, — иронично пропевает Кейша и возвращает любовный взгляд ко мне, — Ну что, котенок? Делаем или я снимаю перчатки?

Она серьезно ведет себя заботливо с первой секунды встречи. Сказала, что имею очень красивые глаза, милый голос и потрясающе хрупкое лицо — завалила комплиментами. Я лишь чесала затылок и прокурлыкала в ответ что-то типа:

— А... да... а мне нравятся твои волосы... и... стиль одежды.

Я просто очень засмущалась, простите.

Однако не лгала. Кейша одета в черную майку с закрытым горлом и открытыми плечами, темные джинсы, где на задних карманах вышиты вишенки, а на ногах у нее массивные ботинки. Все руки усеяны татуировками — цветы вьются изящными линиями. В нос вставлено золотое колечко. А локоны... это фантастика. Безумно пышные естественные кудри. Чуть ниже шеи, которая чиста от чернил. Может, я звучу, как ребенок, но все же мечтаю быть на нее похожей. Она раскрепощенная и яркая. С неописуемо «вкусной» фигурой. В этом они с Альмой идентичны. Так что мое неуверенное «эм... а... ой» выглядит еще глупее, когда рядом такие чудес-

ные женщины.

— Ты переживаешь, понравится ли твоему парню? — мягко вклинивается подруга, — Тебе не стоит ни в коем случае, я просто предполагаю, уточняю.

Флойд? Он... а понравится ли ему?

Хотя какая разница что ему там понравится, а что нет. Всегда можно дать подзатыльник — усмирить, образумить. Напомнить, как ходить по струнке смирно.

Я, конечно, так не считаю, просто шучу от нервов.

Если серьезно, он не был бы против — сомнений не имею. Сам бы ранки обрабатывал... мы с ним уже что-то такое проходили, верно? Вот и тут так — взял бы ответственность, следил, держа заживление под личным контролем. Ему важно это — заботиться, опекать. Прокол ушей не стал бы исключением.

— А кто ее парень? — интересуется Кейша, садясь на кожаный крутящийся стул без спинки.

Я знаю, что она вновь дала мне время на размышления, и действительно благодарна.

Альма закусывает губу и стучит красными ноготками по бокалу, прежде чем издать неловкий скрип голосом — она будто пожалела, что вообще тему завела.

— Да так... Один такой... мужчина...

— Флойд Маккастер, — произношу я легко и гордо, внутренне радуясь, что его имя сопровождает меня, но Кейша, почему-то, внезапно перестает моргать, — Он мой жених.

Мы... обменялись кольцами. Вот.

Я выставляю руку, демонстрируя палец, но достаточно быстро ежусь, ведь владелица студии мрачнеет все больше и больше, секунда за секундой.

Тут свежо и просторно — над помещением трудились, к каждому сантиметру приложили любовь и руку. В основном преобладают серые и неоново-розовые цвета. Лаконичный ресепшен, редкие уместные граффити на стенах, стильное оборудование и полный порядок. В комнату проникает свет из большого окна — оно панорамное, отсюда видно прохожих, которые часто окидывают креативный интерьер заинтересованным взглядом. Лучи солнца греют кожу...

Однако воздух ощущается холодным от того, что та, кто не прекращала улыбаться, резко сменила настрой. Я... ой?... Нельзя было говорить?...

— Ты отдала ему кольцо? — шепчет Альма, хотя Кейше прекрасно слышно.

Подруге просто избыточно любопытно, она в шоке и восторге, но здесь говорить об этом человеке, похоже, запрещено.

Что он, мать вашу, натворил?

— Мм, — киваю, — Да...

— Господи, ну почему такие потрясающие девушки выбирают таких напыщенных мерзавцев?! — восклицает Кейша так, будто это ее личная потеря, и я ежусь, пока она обращается почти к небесам, — Вот за что?!

Альма пыхтит смехом снова, но в кулак, глухо.

— Он хороший, — растеряно отвечаю, и девушка поворачивается ко мне с великим недоумением.

— Он? Он хороший?!

— Очень, — скромно киваю, теребя холодные пальцы.

— Френсис, не надо, — Альму вот-вот разорвет напополам, она предупреждает, — Не. Надо.

— Но он правда хороший, я его люблю, — защищаю до конца, без злости, — Перестаньте его обижать...

— Он, черт возьми, протаранил это стекло насквозь год назад! — заявляет Кейша, кидая руку в сторону того самого окна, за которым находится оживленная улочка, — Заехал на машине в мою студию! Видите ли перепутал газ с тормозом, когда парковался, и вкатился сюда напролом, прямо до кресла, на котором ты сидишь!

Моя челюсть падает, когда я пытаюсь смоделировать картину, где автомобиль находится здесь, рядом с комфортной мебелью...

Это не то чтобы правильное место для стоянки...

— Он был пьяным?... — неуютно морщусь.

Это последнее, что мне хотелось бы услышать — правду о том, что Флойд находился за рулем в настолько плачевном виде. Подвергал опасности и себя, и прохожих. Я не уважаю подобное поведение. Но Кейша, к счастью, утешает хотя бы чем-то:

— Нет! — взмахивает ладонями, — Нет, черт возьми! Я

вызывала полицию, и они сказали ему дыхнуть в трубочку — ничего, трезвый! Просто нажал не на ту педаль! И знаешь что сказал, когда вышел из своего гребаного Ауди?!

У него был Ауди?

Да. Точно. Ключевое слово — был.

Я кривлюсь и робко предполагаю то, отчего Альма хохочет во все легкие:

— Извинился?...

— Он стряхнул воображаемую пыль с плеч, огляделся, сложил свои аристократичные руки в карманы брюк и спокойно проговорил: «Что ж... теперь тут больше естественного света, "open space". Если что, я могу оставить отзыв пять звезд». Он, блять, реально так сказал!

Флойд... разумеется ты не мог иначе.

— И он не считает это аварией по сей день, — кашляет от гогота Альма, на что Кейша лишь эмоционально мотает головой, — Называет парковкой с энтузиазмом.

Флойд.

— А вообще инцидент — моя вина, — продолжает она, пытаясь отдышаться, — Этот придурок забирал меня с пирсинга, — указывает на губу, — Морис его попросил, так как сам не мог, задержался с бумагами по клубу.

— Здесь нет твоей вины, — отрезает девушка с афро, — Не ты за рулем сидела. Прекрати, мы уже обсуждали. Хорошо хоть, никто не пострадал. И ущерб моральный он покрыл. Сверху накинуть желал, но я его нахрен послала. Так

что мистеру ублюдку-Маккастеру запрещено даже рядом со студией ездить.

Он неадекватный.

Я могу гарантировать самой себе, что «веселые» истории про Флойда не имеют конца. Этот человек не живет спокойно, не умеет и учиться не планирует. Вроде бы взрослый, опасный дядя, а порой выкидывает подобный цирк... не специально, конечно. Но именно из таких «случайно» и состоит его повседневность.

Я давно перестала пытаться уложить это в логику. Потому что логика с ним работает примерно так же, как зонтик в ураган: формально у тебя он есть, но по факту ты все равно мокрый.

Потому опускаю глаза и вырисовываю понурые круги на джинсах. Естественно, и дальше защищать буду, даже если это верх идиотизма. Он мой жених — я априори на его стороне. Любовь и вправду не делает людей умнее. Она просто вручает набор причин, по которым ты добровольно продолжаешь оправдывать то, что в нормальных обстоятельствах не выдержал бы ни один здравомыслящий человек.

Тем не менее защищать не приходится. Кейша поворачивается ко мне, и ее взгляд смягчается, из носа сходит долгий выдох. Она прикрывает веки на секунду, прежде чем произнести мягко:

— Но миссис Маккастер можно. И ей здесь всегда рады. Только, прошу, не проси женишка заехать-забрать.

***

Миссис Маккастер.

Френсис Маккастер.

Я не думала о таком. Не вникала в вопрос фамилий серьезно. Возможно, именно это и заставило меня забыть о боли во время прокола — практически ничего не почувствовала, пока Кейша оставляла дырочки в мочках. Теперь у меня в ушах красуются два блестящих «гвоздика». Любые другие серьги можно будет надеть спустя полтора месяца, но меня устраивают и эти. Они красивые. Не жалею. Только... размышляю о другом.

О замужестве. И о том, что мой жених, вероятно, уже убивает детей.

Это интересное комбо мыслей, не находите?

Я никому не причиняла боль прежде, если не учитывать игнорирование Флойда. Но в той ситуации была исключительно его вина — я лишь выбиралась из созданной им ямы, стараясь быть аккуратной, и, по-моему, проявляла себя крайне мягко. Удар кулаком — не в счет.

А сейчас... я разрешила разрушать. Позволила жестокости случиться. И сказать, что моя душа чувствует себя отвратительно, — ничего не сказать. Это то, кто я есть — жертвенная и милосердная. Если незнакомец выстрелит в мою грудь, я, вероятно, попрошу у него прощения за то, что стрелять пришлось. Понимаю, звучит глупо, однако вы не можете фундаментально поменять свою натуру, поэтому, даже если

бы я и хотела, у меня бы не вышло.

Несправедливость состоит в том, что в нынешних обстоятельствах мне не оставили иного выбора, кроме как допустить смерти. Потому, раз тьмы не миновать, я просто хочу, чтобы все быстрее кончилось, и жизнь вернулась в стабильное русло.

Попытку стабильного русла, ведь тебе придется устаканить, что руки любимого человека облиты кровью.

Я так ужасно устала от второй стороны реальности... Меня без преувеличения тошнит.

Мы с Флойдом не списывались и не созванивались. Боюсь оказаться надоедливый, помешать в рабочем процессе. Бизнес — одно из тех дел, которые ему важны. Там он реализуется, чувствует себя значимым и собранным, словно весь хаос мира складывается в четкий график встреч, сделок и решений. И я не желаю становиться тем самым лишним звуком в отлаженном механизме. Это было бы неправильно.

Но пальцы чесались.

Они зависали над нашим чатом. Потому что уши проколоты, обед съеден, фильм посмотрен, ужин тоже в желудке, а мужчины... его как не было, так и нет. Я не уверена, во что вгрызаюсь подкожной паникой отчаяннее — в тревогу за то, что с ним что-то произойдет, или за то, что уже произошло. Беспокойство вынудило обратиться к Морису — мы ели за одним столом, поэтому возможность предоставилась.

— Они же... они ему не навредят?

Альма тоже волновалась — заметно. Она любит Флойда. И на дверь поглядывала в течение вечера так же часто, как и я. Ей омерзительны убийства, но здесь выбрала солидарность — словно и не обсуждается иной ход событий. Полагаю, в подруге тоже включилась та самая дрянь, что во мне — страх за близких. Стало легче, ведь теперь я чувствую себя менее одинокой в этом.

— Какое у них оружие? — вздохнул Морис, утешая нас обеих, я знаю, что нежность он обращал к девушке, но вновь услышать его доброту было невыносимо больно и хорошо одновременно, — Палки? Дубинки? Ножи? А у Флойда заряженный Глок с запасной обоймой, превосходное умение стрелять, ум и громадный опыт убийств. Скоро вернется. Сделает все грамотно и приедет. Не случится плохого. Кушайте нормально, пожалуйста. И выберите себе десерты. Я все закажу.

Я скучаю по такому Морису.

Мне хочется плакать. Потому что он говорит искренне. Не так, как обычно, ведь слова напрямую обращены к Альме, даже если меня в них включили из надобности. Это кошмарно мучает — ждать его расположения, вопреки тому, что регулярно происходит ровно противоположное.

Мы с Альмой лениво ели разные батончики, разместившись на том же диване. Я легла головой на ее колени и получала поглаживания по голове во время просмотра сериала «Офис». Предполагала, что Флойд приедет где-то после

двенадцати ночи — иллюзий не строила. Молча отсчитывала минуты.

А потому сейчас, в десять вечера, мое сердце падет к ногам от стука в дверь. Я сразу встаю с колен девушки и прослеживаю взглядом Мориса, который вышел из спальни. Вскоре дверь распахивается — друг смотрит в глазок и проворачивает замок.

Флойд.

Пожалуй, я так сильно вцепляюсь в него взглядом, что вот-вот лопну от перенапряжения. И раньше бы он улыбнулся. Как-то... проникся любовью.

Но сейчас мужчина только оглядывает меня с Мяу, убеждается, что находились в безопасности, и отводит глаза, неторопливо разуваясь, сжав губы.

Именно в этот миг я понимаю... он очень зол.

— Что не так? — Морис замечает тоже.

Альма напрягается в том числе. Мне не кажется, что «победа» в лице выглядит подобным образом, а для Флойда расправка определенно считалась бы триумфом. Но он... кое-как сохраняет пассивность эмоций. Коротко мотает подбородком и негромко отвечает:

— Дай умыться. Подожди.

Я жалкая, и все же реально перебираю ладонями по спинке дивана, будто вслед за его тяжелыми шагами. Застываю на обивке лишь тогда, когда дверь в ванную закрывается. Пыталась проанализировать состояние одежды — крови не об-

наружила. Может, он помылся, может, выполнил все филигранно чисто — ноль идей. И ноль представлений о причине гнева.

Моя голова все еще кипит прошлой неразберихой, и туда добавляется новая. Флойд не щадит, когда выходит. Он явно перестраивал себя с ярости на размеренность — проворачивал колоссальный труд. Поэтому стопорится посередине комнаты и заявляет как можно аккуратнее:

— Френсис, я сейчас буду говорить не очень приятные вещи, и, наверное, мне стоит сделать это наедине с Морисом, а потом...

— Нет, я хочу знать все, — тут же отстукиваю, пусть и не хочу вовсе, — Не надо тайн. Мы проходим это вместе, я не отвернусь от тебя, все хорошо. Мне нужно быть в курсе, пожалуйста.

Лучше я задохнусь от жестокости, чем стану гадать, какая именно жестокость развернулась. Не сомневаюсь, его слова разобьют мне душу — любые слова. Но я предпочту это, нежели разбивать ее самостоятельно и бесконечно, мечась от одного к другому.

Флойд, похоже, признает правоту. Вбирает в легкие кислород и, подождав секунд десять, слабое кивает. Без споров плетется к дивану, садится недалеко от меня, пока Морис располагается рядом с тревожной Альмой. Мужчина тупится в пол, подбирая слова, однако не терзает долго — видит, что накрутились и без того. Ему лишь... действительно труд-

но сложить буквы, будто они горят в горле. Я не видела, чтобы он выглядел так, и оттого тучи сгущаются под потолком в непроглядную бурю. У меня... кончики пальцев немеют.

Абсолютно не зря.

— Там никого не было, кроме какой-то старухи, — выдыхает он, сжав переносицу, и мой желудок падает к пяткам, — Она попыталась напасть — не получилось, конечно. Я связал ее и... поговорил своими методами. Старался узнать, где теперь прячутся ебанутые. Ответа не добился.

Они все еще дышат. Все еще ждут нас у дома. Все еще хотят убить Мяу.

Поэтому Флойд злой — он не принес результат, как мужчина. Его это не скребет, а дерет. Он и в глаза-то мне не смотрит. Словно... разочаровал и подвел?

Дурак.

Не хочу знать, что означает «поговорил своими методами». Может, я и наивная, и все же тут осознаю — речь не про посиделки с печеньем. И мне довольно ясно, чем все кончилось. Не существует вселенной, где Флойд Маккастер правда пытал бы кого-то, чтобы потом отпустить.

Не анализируй это, Френсис, для своего же блага, прошу и молю.

— Я нашел библиотеку, что-то вроде того, — он жует губу, так и таращась в пол, — Взял оттуда много книг. Вся машина забита. Пусть будут, если появятся вопросы без ответов.

Морис лежит на спинке дивана и разочарованно трет ли-

цо — не обвиняет Флойда, ни в коем случае. Суть в Альме. Парень переживает за нее. Боится, что сектанты полезут и к девушке. Я боюсь тоже. Вот, что они с нами сотворили. Вот, к чему привели.

К чему привела я.

Не сбежала бы, Альма точно была бы в порядке. По крайней мере нервы бы не тратила. И Морис. И Флойд. Я им... Я им проблемы принесла. В виде кучи сумасшедших, мечтающих о расправе.

Мне так чертовски стыдно.

Конечно, Флойду стало хорошо после нашей встречи. Он частично излечился от ран. Но теперь... Что, если меня у него отнимут? Я не волнуюсь за свою судьбу. Я думаю о том, в каком горе будет мужчина. При данном раскладе лучше бы и вовсе не встречались.

— Пока ехал обратно, много думал, — бормочет парень, сосредоточенно кивая саму себе, — У меня не получится вылавливать их с улиц города. Заталкивать детей в тачку на глазах у прохожих, постоянно — нехорошая идея. Там и связи не помогут. Значит, нужно найти место, куда они перебрались. Либо... заставить их вернуться в прошлый дом.

Я хмурюсь, изучая красивый профиль, наполненный напряжением, и ничегошеньки не смекаю. Альма, на которую смотрю, также не отличается пониманием. Она неровно спрашивает:

— Как ты можешь заставить их вернуться? Они не уйдут,

пока не выполнят... — подруга обреченно смотрит на меня, и говорит тише, — Не выполнят свою цель.

Флойд опускает веки, словно не способен произнести это вслух, но разжать рот нужно. Я давно прекратила дышать. А когда до меня доходят его спертые слоги, пульс останавливается.

— Они хотят убить ее. Покинут город только тогда, когда своего добьются. Значит, — он впервые поворачивает голову ко мне, и я сталкиваюсь со зрачками, полными горечи, его язык кое-как поддается команде говорить, — Френсис должна умереть.

Что?...

Буквы, такие страшные и чужие, проникают в кровь. Волосы встают дыбом. А Флойд, не разрывая зрительный контакт, сразу добавляет:

— Мы инсценируем твою смерть. Сделаем так, чтобы они поверили, что ты мертва. Я буду продолжать искать их до того, потому что не хочу заниматься подобным, я не хочу, Френсис, смотреть на твою могилу, пусть и ненастоящую, — ему очень больно, — Но если не выйдет, мы убедим их. Они вернутся обратно — рано или поздно. И тогда я, наконец, убью всех.

Глава 9

— В каком смысле «похороны»? — оторопевши произносит Альма, — Что ты имеешь в виду? Как это вообще реально?!

Мой мир все еще замер: я просто тихо дышу и пытаюсь переварить сложную информацию. Флойд, в свою очередь, морщится и поджимает губы — ему не хочется говорить об этой теме сейчас, он устал и нуждается в перерыве.

— Это реально, — мягко говорит Морис, поддерживая друга, — Нужно лишь детально проработать план. Все может сработать.

Ну, понятно, этому лишь бы меня закопать.

Не противлюсь нисколько. Просто от Мориса идея звучит чрезмерно комично.

— У него уже есть план, раз он выдвигает такой вариант! — эмоционально добивается Альма, вскакивая с дивана, — Если бы не сочинил, то не предлагал бы. Я не собираюсь видеть могилу лучшей подруги, ясно? Мы должны придумать что-то другое, мне не хочется в этом участвовать!

Она в шоке. Ее нельзя винить. Реакция на неприятные вещи у всех разная, и, признаться, если бы ситуация перевернулась, я бы тоже ахала. Никому не придется по душе хоронить призрак любимого человека. К тому же городские люди склонны к суевериям. Альма, например, каждый раз по го-

лове стучит трижды и источает звук «тьфу-тьфу-тьфу» через плечо, когда боится сглазить. Я никогда не смогу понять это в полной мере, но я могу не спорить с тем, как для них подобное значимо. Словно встроено в ДНК.

— Но ты должна, — выдыхает Флойд через ноздри и ведет тяжелый взгляд вверх, не отрывая предплечий от ног, из-за чего подруга застывает, — Я должен. Если считаешь, что мне, блять, затея нравится, то твои уши реально ни хрена не услышала из прошлых слов.

Я подтягиваю колено к подбородку и ежусь от того, как скорбно он выглядит. Мне неизвестны подробности про маму: были ли похороны, есть ли могила, хотя, разумеется, процессия должна была произойти. Но даже если нет, Флойду при любом раскладе сложно прощаться со мной, пусть и не по-настоящему. Не предположу, как бы чувствовала себя, если бы мне пришлось смотреть на его надгробие. В старости отравлюсь мышьяком, лишь бы не проживать горе утраты. Побуду эгоисткой.

— Не общайся с ней грубо, — без скандала произносит Морис и встает, притягивая Альму за талию, — Ты расстроен, но она не виновата, не будь мудаком.

О, да?... Кто бы говорил.

— Я не общаюсь грубо, я просто не смекаю, в чем причина претензий ко мне, — почти рычит, дергая носом, — Я виновен в том, что довел до такого, что не нашел их, однако...

— Ты не виновен в этом, — аккуратно прерываю, и он

замолкает, тяжело сглатывая, отказываясь вновь соединить глаза, — Я не виню тебя. Никто не мог знать, что они уехали оттуда, Флойд.

— Конечно, сука, они уехали — иначе как добираются до нас, следят, — огрызается мужчина, заставляя сжаться, — Я ужасно тупой, раз не догадался. Все те месяцы, когда мы жили в неведении, эти уебища искали нас, тщательно готовились, просчитывали ходы наперед. Дотошно изучали, где живем, куда ездим, куда ходим и в какое время...

— Да как они вообще нашли вас?! — ошарашено вскрикивает Альма, — Это гребаный мегаполис! Не получится приехать из степи и встретить нужных людей случайно, мы не в долбаном фильме!

— Господи, я не в курсе, понятно?! — взрывается Флойд тоже, психовано поднимаясь и чеканя на кухню, — Через магазин, например?! Туда, куда Морис ездит за продуктами, туда, где он встретил их впервые, там, где вы пересеклись с ними во второй раз, чтобы взять флаер! Им достаточно было постоять там снова, но в другой одежде, подловить новый визит и посмотреть, куда едет машина! — я расширяю глаза, а Флойд бьет по кранику, плеская себе воду в стакан, жестикулируя в воздухе, — Постепенно продвигаться за ней, расставлять людей на поворотах, и все, готово! Я не говорю, что вы виноваты. Никто не знал. Просто доказываю: они желали этого, и они получили!

Эта теория имеет место быть. Вполне логичное предполо-

жение. В мою голову сразу поступает второе обоснование.

— Или, например, прогуляться по центру, — скованно бормочу, неуютно, — Они видели машину Флойда. Кто-то же им передал информацию — значит, этот кто-то сумел сбежать, когда Флойд поехал... вершить правосудие. Им известны номера Мустанга. И им понятно, что Флойд богатый, это всем заметно — оттуда легко догадаться, что его дом не на окраине. Так что... тишианцы могли ходить по главным районам города и приглядываться к парковкам. В Нью-Хейвене же немного самых элитных жилых комплексов. Вот... ваш. И наш... И еще парочка. Нетрудно проверить.

Так горько понимать, что от этого буквально не было вариантов скрыться. Вот, о чем говорит Флойд — сектанты одержимы местью, а когда кто-то ставит подобное главной целью жизни, результат обязательно достигается. Мы сможем нарушить их план с помощью созданной стратегии — мужчина выдвинул действенный способ. Да, тишианцы не окажутся довольными, что смерть грешницы наступила не от их лап, однако там уже ничего поделать будет нельзя.

Мои слова погружают квартиру в недолгое молчание — мы все анализируем реальность детальнее. Паузу прерывает Флойд — раздраженно, после глотка воды.

— Никогда раньше не жалел, что одеваюсь не в тряпье, но теперь, черт возьми, жалею очень.

Я мотаю носом, отрицая на вздохах:

— Слушайте. Мы просто похороним меня, хорошо? —

смотрю на Альму и Флойда, поочередно, туда-обратно, и последней хмурит брови сильнее, — Не стоит относиться к этому, как к трагедии — я ведь жива на самом деле. Устроим небольшой спектакль, и все наладится...

— Какого хрена у вас произошло с Морисом? — внезапно перебивает мужчина.

...

Что?...

Стоп. Я не готова к данному сюжетному повороту.

Мое сердце отваливается и атрофируется. По щелчку. Органы омываются ледяной водой.

Простите... *мы о чем?...*

Я робко поддаюсь суровому взгляду Флойда, прекращая дышать, и вижу боковым зрением, как Альма стушевалась, а друг приморозился к полу.

Откуда такие выводы?

— С чего бы у нас должно было что-то произойти? — спокойно отвечает Морис, и я точно знаю, что это стоит ему громадных усилий, — У тебя все в порядке?

— Она не смотрит на тебя весь вечер, — насторожено произносит Флойд, медленно изучая нас обоих, и затем обращается уже ко мне, — Почему ты не смотришь? Он чем-то обидел?

Его руки упираются в стол, рубашка в области плеч натягивается. Голубой пигмент не прекращает сканировать меня по миллиметру. И я... что, матерь Божья, нужно сказать?!

Язык отнялся — его будто и не существовало.

— Я бы не посмел ее обидеть, Флойд, она мне родная уже, давай ты мозгами лучше шевелить начнешь... — отрезает Морис, переходя в атаку, однако мужчина пресекает его без промедлений.

— Я спросил свою невесту, и она, почему-то, молчит.

— Эй, у них правда все в порядке, мы целый день вместе, Морис нам сладкое заказал после ужина, заботился и о Френсис, — вклинивается Альма достаточно жестко, шагая вперед, — Мы говорим про...

— Я. Спросил. Свою. Невесту, — дублирует парень через зубы.

Френсис, черт, говори наконец хоть что-то, собери себя, очнись.

— У нас все хорошо, — прочищаю горло, пытаясь звучать убедительно, пока Флойд прожигает меня зрачками, чуть наклоняя голову вбок, — Я не смотрела на него, потому что он отреагировал спокойно на предложение похорон. Вы встревожились, вот вам и доказываю, — адреналин в крови циркулирует с бешеной скоростью, пытаясь помешать слаженности речи, — Конечно... Конечно, у нас не может быть проблем — я люблю его, как друга, и это взаимно, Флойд, прошу, пожалуйста, не выдумывай глупости, не обижай Мориса, это несправедливо.

Я просто не могу расстроить их дружбу, ясно? Грустно, что приходится лгать, больно. И все же что мне делать? Ли-

шить Флойда лучшего друга? Для чего? Чтобы выплакаться и получить утешения? Простите, но это определенно ужасно.

У него кроме меня, Альмы и Мориса никого нет. Парень ему безмерно дорог, почти брат. Я не могу появиться в жизни мужчины, тем самым отняв другого важного человека — это, например, произошло с Элиной, и я до сих пор чувствую стыд за их разорванную связь. Флойд заслуживает сохранять и приумножать, а не терять.

Я знаю, Морис виноват, и ответственность лежит на нем. Тем не менее все они, поголовно, талдычат о моем статусе. Бабушка называла деревенской и доходчиво продемонстрировала свою правоту через проверку со столовыми приборами. Морис указывал на сектанство. Было бы глупо совсем не прислушиваться к их словам. Они правы, пусть и грубо выражать подобное вслух.

Я часто думаю о том, что неровня Флойду. Почти всегда. В хорошие дни отвлекаюсь, шучу про воспитание и поводок, но в подсознании держу — у нас разное происхождение, и, как бы я ни плевалась с некоторых нюансов, долбаная аристократия однозначно выше на сто голов по сравнению с жизнью в степи. Это следует признать, не оспаривать и не оправдывать. Вот и появляется вывод: отношение Мориса и Элины частично справедливо — не к мужчине, а ко мне.

Я очень запуталась в этом и боюсь создать те обстоятельства, где у Флойда не остается никого, кроме деревенской девчонки с плохой фигурой. Эти слова, возможно, обесце-

нивают его любовные слова, однако, черт, я не могу считать иначе, у меня не выходит, не справляюсь.

— Хорошо, — он прикрывает глаза, вкатывая губы в рот на пару секунд и вешая голову, прежде чем обратиться к Морису, — Хорошо. Прости. Мы домой поедем. Я усталый, злой — ничем нормальным это обычно не заканчивается.

Он хочет напиться. Определенно хочет, как раньше, когда было трудно.

— Я не обижаюсь, прекрати, — выдыхает Морис, упирая руки в бока, прикрытые тканью черного лонгслива, — И незачем уезжать. Мало ли что — вдруг они снова подкинули какую-то хрень. Здесь оставайтесь. Во второй спальне. Поесть тебе сейчас сделаю, окей?

— Я не буду избегать своего дома только из-за того, что кучка дегенератов обожает вручать подарочки, — пассивно отзывается и смотрит на меня, — Если хочешь, останься с Мяу здесь. Я приеду за тобой завтра.

А... поняла.

Вот, что ему нужно? Оградить меня от своей раздраженной стороны? Боится чем-то задеть? Или физически не может тратить силы на то, чтобы контролировать тон и поведение? Желает побыть один?

Ну, нет. Извини, мы уже почти муж и жена, так что придется тебе учиться разделять любые свои эмоции со мной, а не создавать дистанцию.

— Я поеду с тобой, потому что люблю тебя, — игнорирую

намек, вставая с дивана, — И мне не кажется, что нам нравится спать порознь.

Это звучало мягкой точкой — не ругаюсь, но и пререканий не приму. Так что иду толкать рыжую дурочку в красную переноску, выкидываю ее пеленку, которую она не очень жалует, когда дома есть навороченный лоток, и передвигаюсь к прихожей. Флойд уже обулся. Перенимает сумку с Мяу, чтобы я могла в кроссовки залезть, и почти скоро мы покидаем квартиру. Почему «почти»?

Потому что Морис потянулся меня обнять.

И потому что он обнял.

Я так чертовски сильно пыталась выглядеть естественно, что аж затошнило. Он посмотрел на меня чутко, прямо перед Флойдом, когда отстранился, и сказал тихо:

— Может быть, я и вправду что-то натворил сегодня, просто не уловил. Не общались мы практически из-за моей работы, не успел к вам присоединиться поговорить. Извини, пожалуйста. Я никогда в жизни не хотел бы тебя задеть.

Моя натура понимает многих и вникает в каждую судьбу до талого, с максимальным сочувствием. Но здесь... я его возненавидела. Всего на секундочку — ярое чувство вспыхнуло, окутало органы и погасло. Потому что его руки, нежность, ложь, громадная и наглая, задели до глубины души.

Я кивнула раньше, чем успела остановить себя. Из-за того, что Флойд смотрел. Из-за того, что друг умел говорить именно таким образом — безупречно, спокойно, с искрен-

ностью во взгляде. Так, что любой рядом почувствовал бы себя чудовищем, усомнись он в нем хоть на секунду.

И, обняв его в ответ, позже спускаясь по лестнице, я размышляла о том, что парень причиняет боль осознанно. Слишком умно. Тихо. Ювелирно. Так, чтобы никто вокруг не заметил «крови».

И Флойд не заметит тоже. Он этого никогда не увидит.

Как не застанет и СМС, которые я получаю сейчас, сидя в машине мужчины. Он выруливает с парковки, а я придерживаю переноску с Мяу одной рукой, в то время как второй открываю уведомление.

От кого: Мой Друг.

«Веди себя так же уныло дальше, и лиши нас дружбы. Лиши его счастья. Впрочем, это то, чего ты и добиваешься от всех — разрушить то хорошее, что мы до тебя имели».

Мне стыдно. А еще я ощущаю себя тупой и лишней. Если Морис хотел создать именно такой эффект — поздравляю, у него получилось. Полночи буду перебирать в голове каждое свое слово, пытаясь вникнуть, в каком месте снова заслужила подобное отношение.

— Я не имел в виду, что хочу спать без тебя, — говорит Флойд спустя пару минут пути, открывая окно и цепляя пальцами одной руки Chapman, — Я никогда не хочу.

Я блокирую мобильный и прикладываюсь к спинке сиденья, наблюдая, как дым втягивается в пухлые губы, а совсем скоро вылетает на улицу ночного сияющего города. По сало-

ну расстилается запах табака, который давно стал привычен.

— Знаю, малыш, — спокойно отвечаю, — Все в порядке, я не расстроена.

Он зажимает сигарету во рту, дабы положить вторую ладонь на руль и свернуть на перекрестке, внимательно следя за дорогой. Город живой — пробок нет, но трассы не пустуют. Недалеко находится клуб Морфей, и сейчас там явно не пахнет трезвостью. Водители в одиннадцать ночи — не всегда адекватные люди.

— Уебок, — еле слышно шипит Флойд, когда тормозит на светофоре, а соседнее авто проезжает прямо на красный, — Хорошо, так... ты голодная? Хочешь, заедем и возьмем что-то навынос?

— Я ела полтора часа назад...

— Какая разница? — без грубости перебивает, метая ко мне нахмуренный взгляд, — Может, не наелась. Или чего-то другого захотелось.

Я по нему соскучилась.

Знаю, всего на часов четырнадцать расстались. Но успела начать тосковать. По присутствию рядом. Разговорам. Вопросам. Заботе. И даже если сейчас мужчина конкретно в гневе, он все равно переживает о таких мелочах, как еда. И... кольцо свое периодически трогает — я с утра заметила. Водит по нему подушечкой большого пальца раз в несколько минут, будто перепроверяя, не исчезло ли оно. Сейчас тоже. Наверное, сам не замечает.

— Нет, я сытая, просто хочу с тобой домой, — плавно мотаю головой, — Как твой день прошел? Ну... кроме последних событий.

Флойд стучит по фильтру, стряхивая пепел, и чуть растягивается по спинке кресла. Включает поворотник снова, выруливает влево и устало бормочет:

— Не спрашивай. Там все сегодня насмерть тупые. Поголовно. Я даже пару раз покричал, хотя обычно максимум звучу суровее.

Если бы я была его подчиненной и попала бы под раздачу, то, вероятно, заплакала бы.

— А ты? Чем занималась?

Он старается включиться в отвлеченную беседу. И могу сказать точно — не получается. Может, внешне. Может, голосом. Но я чувствую, что внутри парень до сих пор весь взъерошенный. У меня нет страха — ни в коем случае. Только расстройство за то, что он не может прекратить злиться на сложившиеся реалии. Хоронить любимую женщину — Флойда никак не отпускает сей факт.

— Я... проколола уши, — скромно отвечаю, и его низкие брови вскидываются, голова сразу вертится ко мне, когда заправляю локон волос, — Морис отвез нас с Альмой в студию. Она договорилась с... Кейшей. Ну, вы знакомы, я в курсе, да, мне рассказали.

Он как раз паркуется у красивого квартирного здания — расстояние от дома друзей до нашего маленькое. Проворачи-

вает ключи, вытаскивает их и наклоняется ко мне поближе, присматриваясь лучше. Руками не трогает — боится грязь занести. И неуютно хрипит, видимо, замечая красноту:

— Больно?

Я закусываю внутреннюю сторону щеки по вине пальцев, которые нежно кладутся на подбородок и аккуратно вертят лицо навстречу к своему. И вот... вот эти его красивые губы. Снова недалеко. Но не так, как должны быть — не вплотную к моим. Флойд о поцелуях пока и не думает, что, между прочим, обидно — оглядывает глаза, после чего осторожно тянет голову снова, чтобы проанализировать вторую мочку. От этого хочется хихикать.

— Нет. Красиво?

— Мне все красиво, что ты делаешь. Главное, чтобы тебе нравилось, — ворчит он, будто говорю не по теме и вообще глупости, — Чем обрабатывать? Сколько раз в день? У тебя есть нужное?

— Мы заехали в аптеку и купили раствор, он лежит в кармане, здесь, — показываю на бок переноски, открываю одну из клепок, дабы бегло продемонстрировать, — Пользоваться им утром и вечером. Эти сережки носить недель шесть-восемь, снимать нельзя, даже когда средством промываю. Ты же... ты не против, да?...

— Френсис, я не могу быть против, это твое тело и твои уши, почему ты продолжаешь говорить чепуху? — безвредно сетует он и, вопреки хмурости, целует в уголок рта, что

уже туманит мозг, — Мне нравится, тебе очень идет. Надо дома выбрать полку для украшений: теперь серьги дарить буду, какие хочешь.

А если бы я арендовала целую парковку, он бы дарил мне автомобили для ее заполнения? Знаете... не сильно бы удивилась.

Я мягко чмокаю его сладкие от фильтра губы в ответ и говорю уже на улице, ведь Флойд ненавязчиво торопит выйти из Мустанга — ему не нравится сидеть здесь, ночью, когда за нами, очевидно, следить не прекращали.

— Может, я хочу полку косметики, — чешу затылок, рассеянно бубню, — Давно.

Он пикает ключами и обнимает меня за талию. Держит спящую в сумке Мяу во второй руке, ведет нас к подъезду. Непонимающе морщится.

— Значит, сделаем завтра. Зачем молчала?

Я робко жму плечом, сдвигаясь вплотную к мужскому телу. И, да, в спину наверняка впиваются тишианские глаза. Может, им слышен наш разговор. Но сейчас, когда Флойд держит близко, мне нестрашно даже в ночи. Честно. Все так... поразительно спокойно.

Выбор жениха, бесспорно, необычный. Однако чем-то да обоснованный. С ним, как за стеной. С ним я всегда дома.

— Боюсь быть наглой, — признаюсь, потираясь щекой об бок.

Так вкусно пахнет духами... с первой встречи и по сей

день, неизменно. Без понятия, кто создал парфюм, массовая ли это линейка или индивидуальная, но мастер — настоящий дьявол. Знает толк в искусных убийствах сердец, вровень обладателю аромата. Они чудесно сыгрались.

— Опять чепуха, — цокает и прикладывает ключ к домофону.

Я жую губу, отворачивая лицо в противоположную сторону. Кривляюсь там и бесшумно отвечаю: так, чтобы парень не услышал.

— Ты сам чепуха.

Но он вдруг мирно переспрашивает:

— Что?

Сильная рука тянет дверь, пропуская меня внутрь. Я миную порог и невинно поясняю:

— Ничего. Чихнула.

Мужчина убеждается, что вход закрылся за нами. Обнимает вновь, теперь ведя к лифту, и любезно улыбается консьержу, которого ненавидит. Немолодой мужчина сразу голову опускает, ежится, ведь это одна из тех улыбок, по которой не определишь — тебе правда рады или вот-вот зарежут?

— Будь здорова, — тихо ласкает, наклоняясь к уху, а потом умерщвляет заживо чуть более низким тоном, — Но за то, что обзываешься и врешь, вытрахаю по полной программе.

Блять?

У него что, мутагенные перепонки? Мощнее, чем у любого жителя планеты? Хотя, да, я дура: нашла, когда дразниться. Он к каждому шороху прислушивается, все-все впитывает досконально, а тут прямо под боком шуршат: «эээ... ыыы... чепуха это ты». Очень мило, показать высокого интеллекта, Френсис, браво.

Когда-нибудь прекращу позориться. Но, наверное, в следующей жизни — на опыте ошибок в текущей.

Я медленно поднимаю голову и осторожно смотрю на красивое лицо. Флойд лишь подмигивает с ухмылкой. Весело ему. Разумеется. Не он же угрозу услышал, пусть и... сладкую.

Мы заходим в лифт в уже чуть более расслабленном настроение. Флойда отпустило — немножко, и тем не менее прогресс заметен. На висках хотя бы вены не выступают. Маленькая победа. Он целует в макушку: тепло, заботливо, практически благодарно, и, кажется, что плохое на сегодня точно позади.

Но моему «кажется» лучше, похоже, не доверять.

Мы выходим на нашем этаже, и предплечье мужчины перестраивается на моем теле: рука лежит не со спины, а закрывает собой спереди, обвивая, чуть уводя за спину. Я хлопаю ресницами и озираюсь, после чего сразу громоздко сглатываю и почти отшатываюсь назад — Флойд придержал, к себе прибил плотнее.

«Истина».

Это написано на нашей черной двери белой краской. Криво, с подтеками. А сверху прикреплено... что это? Сначала, вроде бы, конверт. А поверх него наклеена... кассета? Красная полупрозрачная кассета.

Окей... Они подарили нам мультик на ночь?

Очень щедро, спасибо, но включать на всякий случай не стану, простите...

Я вижу, как Флойд дышит гуще и тяжелее, скользя по устроенному безобразию мрачным взглядом. Он смачивает губы и, ведя меня за собой по пятам, аккуратно ставит переноску на пол. Зажимает сумку с Мяу между ног, обувью, прежде чем нервно сорвать приклеенные предметы. Мне... мне не хочется сегодня смотреть. Не сейчас. Может, завтра. Я же имею право распаковывать презенты в удобное для себя время?

Это громадный стресс, и все, что остается в голове — россыпь тупых несмешных шуток.

Моя голова отводится в сторону. Зубы впиваются в щеку, пока парень бегло сканирует вещь и достает бумагу из конверта. А потом, всего спустя секунд пять, Флойд... Флойд полностью застывает.

И рука его на мне замерла. Поглаживал талию: три сантиметра вверх, три вниз. Но это прекратилось. И сердце мужчины будто остановилось тоже.

Я... я не совсем понимаю, какая именно выходка сектантов могла вызывать подобную реакцию. И узнать теперь еще

страшнее — это нарастает, как только длинные пальцы сильнее впиваются в бумагу. Тихий сухой хруст прорезает всепоглощающую тишину лестничной клетки. Флойд медленно перечитывает одну и ту же строчку снова. И снова. Как человек, которому отчаянно хочется, чтобы слова изменились.

Но они не меняются.

У меня внутри начинает нарастать дурное предчувствие. Тягучее и липкое. Это ощущение похоже на мощный бронхит — макроты так много, что она обволакивает все горло, и оно опухает.

Потому что Флойд никогда так не выглядит. Никогда не теряется настолько явно. Даже если все летит к черту, в нем остается что-то тяжелое, устойчивое и пугающе спокойное. А сейчас я вижу трещину прямо посередине привычной выдержки.

Голубой взгляд на секунду стекленеет. Потом медленно уходит к кассете. И обратно ко мне.

В нем вспыхивает... страх. А следом за ним ярость.

Все. Конец. Сегодня нам бы и Господь не помог, если бы он был и если бы оказался напротив — глупо надеялась на иное, когда пыталась создать мирную беседу в машине.

— Малыш, эй... — нежно лепечу, сжимая край его рубашки, но он резко ведет головой, скрипя зубами, и тяжесть этого жеста вынуждает замолчать.

Парень сворачивает письмо, кое-как удерживаясь от того, чтоб порвать его, и запихивает все в брюки рваным жестом,

с шипящими матами. Следующие слова заставляют сердце рухнуть к пяткам.

— Если включишь ее, уйдешь от меня навсегда, — низкий полуядовитый голос сдавливает плечи, Флойд вытаскивает ключи, чтобы вставить или вбить их в замочную скважину, — Я бы вышвырнул ее нахуй, но, блять, что-то мне подсказывает, у них есть копия, поэтому ты все равно должна будешь решать.

Простите?

Я даже разрешила ему всех поубивать. Какая, мать его, хрень там должна содержаться, чтобы быть пострашнее?...

Или слова Мориса о том, что Флойд хочет изменить мне, все же не ложны, и мужчины действительно изменил, к пример, сегодня?

Меня сейчас вырвет. Клянусь.

Он дергает дверь, пропуская в квартиру, и заносит Мяу, которая успела проснуться, начала скрести когтями по сетке. Я оседаю, чтобы расстегнуть молнию, и выпускаю кошечку. Молчаливо за Флойдом наблюдаю: он, не разуваясь, идет в ванную, недолго шумит там водой. Через мгновение возвращается с губкой, черным ведром и средством для мытья. Оттирать надпись собрался. Однако тормозит от моего потерянного ранимого вопроса:

— Ты... изменил мне?

Его длинные ноги так резко останавливаются, что вода на дне емкости с грохотом ударяется в пластиковую стенку.

Темные глаза молниеносно создают зрительный контакт, а рот чеканит без перерыва, будто пауза была бы бесчеловечной.

— Нет и никогда не изменю. Думать не смей такое ни при каких обстоятельствах. Ты меня, как мужчину, унижаешь, предполагая подобное.

Меня тошнит опять, но уже по вине облегчения. Я серьезно размышляю, не избавиться ли от желудка — зачем он нужен, если бесконечно просится вывернуться наружу.

И я просто не понимаю, что еще на записи заставило бы меня уйти. Не хотела сегодня знать. Теперь придется. Нужно убедить мужчину в неверности его суждений, чтобы спал нормально и не сочинял чушь.

— Хорошо, ладно, — нервно выдыхаю, беспокойно изучая то, как он собирается выйти из квартиры, — Тогда скажи, что там. Я не хочу читать их почерк сегодня, правда, я не хочу этого делать, там ведь и стишок написан...

Флойд перебивает в десятый раз за вечер: не из-за невежества, а потому, что боится передумать сказать. Желваки на шее содрогаются, локоны волос падают вперед, когда он опускает голову, не желая смотреть в глаза.

— Они сняли на видео момент расправы, — отрешенно заявляет, сжимая ручку ведра в кулаке, — То, как я убивал секту. Если послание не брехня, то на кассете есть все, от «а» до «я». Им хочется открыть тебе глаза. Чтобы ты увидела, с кем состоишь в отношениях. Вот, в чем план.

Пиздец.

Ну, нет. Не надо. Такого я точно не вынесу.

Я могу пережить историю о первом убийстве, которую предстоит получить, ведь она правда нужна. Но справиться с картиной того, как Флойд... а что он там делает? Мне никогда не были известны подробности — сама рьяно попросила не делиться. Понимаю только, что «вырезал», «сжег» и «перестрелял», как бы это ни выглядело — в кабинете шахматного клуба Флойд использовал данные формулировки. Есть вероятность, что что-то из того описания было метафорой или преувеличением. Однако, зная мужчину хорошо... я полагаю, подобранные слова скорее были самой мягкой формой пересказа.

До этой ночи между мной и тем событием стояла толстая бетонная стена из недосказанности. Да, Флойд убил деревню. Да, жестоко. Да, из-за меня. Эти факты существовали где-то отдельно — тяжелые, уродливые, но все еще абстрактные. Мозг умеет прятать подобное в дальний угол, если не давать ему изображения.

Но видео — это конец любой абстракции.

Вероятно, если бы тишианцы включили запись насильно, мне бы пришлось смотреть, как умирают отец, мать и бабушка. Я не люблю их. Мне их не жалко. И не жалко тех, других — уже нет. Но я поеду башкой от зрелища того, как человек, которого обнимаю, жадно умывается кровью. Быть в курсе — одно. Лицезреть собственными глазами — совершенно

другое.

Сегодня Флойд пытал старуху, а я все еще не бегу сверкая пятками, как бы поступила раньше. Учусь существовать в его обыденности, ведь сама на то подписалась. Стараюсь не думать, какими ужасными были эти нежные руки несколько часов назад. Не виню мужчину ни в чем — и это голая истина. Лишь подчеркиваю — адаптироваться трудно. А здесь, сейчас, на расстоянии в полметра, лежит фильм о другой стороне любимого мной человека. И тишианцы серьезно считают, что я захочу посмотреть?

Они конкретно ошибаются.

Кто-то не может вынести вид стухшего сэндвича, поедаемого личинками. А я не в состоянии вынести кадры заре-занных людей, человеческого мяса, охваченного пламенем, еще и от рук моего жениха. Без разницы, что они отвратительные. Без разницы, что, пожалуй, заслужили каждую пулю, каждый ожог и каждый удар. У меня нет кнопки «вкл-выкл», которая помогла бы внезапно воспринимать произошедшее бравым делом. Человеческий мозг вообще не работает так удобно, как людям нравится думать. Его не успокоишь моральным оправданием, когда перед глазами остаются ошметки плоти и чужие предсмертные хрипы.

Именно поэтому кассета кажется мне не угрозой, а ловушкой. Очень точной и очень умной.

Тишианцы не пытаются напугать меня убийствами. Они пытаются столкнуть в моей голове две версии Флойда так

сильно, чтобы одна из них наконец победила. Того Флойда, который осторожно укладывается на моей груди перед сном, день через день. И того, который способен превратить живых людей в месиво из кишок и крови.

Я жмурюсь на секунду.

Потому что голова все равно начинает рисовать ужас, хотя отчаянно сопротивляюсь. Вспышки. Огонь. Вопли. Кровь на руках Флойда — не случайная, не после драки, а густая, темная, в огромном количестве.

Не собиралась и не собираюсь этого видеть. Я люблю Флойда. Я кошмарно сильно его люблю. Но некоторые вещи любовь не делает легче для восприятия.

Не хочу знать, как именно он выглядел в тот момент. Как двигался. Что было у него на лице. Каким голосом он отдавал себе право убивать. Это разрушит не только отношения с парнем, это разрушит меня, мою личность, мою психику — всю мою жизнь. И я ненавижу саму мысль, что одна кассета способна отобрать у нас нормальность, которую мы с таким трудом пытаемся построить среди всего происходящего ада.

Мои глаза вздымаются, прослеживая резкие действия: Флойд оттирает дверь, изредка мелькая профилем перед взором. Смывает надпись последние минуты три — грубый звук шершавой стороны губки давно заполняет прихожую. И мужчина... он ведь правда считает, что выберу посмотреть — пусть не сегодня, но однажды. Ненавидит, что заветное кольцо, то, о чем мечтал, отнимут. Боится, что начну его бо-

яться. Наверняка, если бы Флойд был менее уважительным к моему выбору, давно бы разбил кассету об стену. Растоптал, бросил в огонь, а потом сжег бы еще и пепел. Но он держит ее в кармане, хотя, ручаюсь, она ему кожу бедра разъедает до костей, кислота растекается до сердца.

Я вбираю воздух в трясущиеся легкие и снимаю два пальца с подбородка. Мысли в кучу складываю. Наконец, говорю — стойко.

— Они не вынудят меня посмотреть ее. Я не хотела знать подробности, и я не хочу, это не поменяется...

— Я поклялся тебе, что не допущу такого, — глухо и громоздко выговаривает он, шаркая дверь сильнее, — Одно из твоих условий для нашего примирения. Ты попросила оградить тебя от любой схожей информации. Я не сдержал обещание.

Я развожу ладонями, потеряно уточняя:

— Так, это тебя злит? Ты не знал, зачем себя винить...

— Френсис, меня ебано, блять, злит все, — огрызается через зубы, и рука, придерживающая дверь, белеет в костяшках, — Не ты. Тебя я люблю до смерти. Но ко всему прочему, даже к этой, сука, двери я сейчас очень гневен. Не надо со мной говорить, когда я в таком настроении — мне не нравится общаться с моей женщиной таким тоном, как сейчас, а пока я общаться другим физически не могу. Поэтому, Господи, черт возьми, просто разуйся уже и иди спать.

Ладно... наверное, ладно, допустим. Он в чем-то прав:

один побыть нуждается, привести себя в порядок. Потому с грустью слушаюсь: вешаю голову, вяло снимаю кроссовки и бреду в ванную мылить руки. Принимала душ в квартире друзей два с половиной часа назад — да, в уличное оделась снова, но пойдет, нестрашно. Уши обрабатываю, зубы чищу и в спальню плетусь. Пока переодеваюсь в домашнюю рубашку, сидя на постеле, вижу через приоткрытую дверь, что Флойд закончил. Замок проворачивает, и через несколько секунд уходит мыться. И тогда, по щелчку, у меня в голове появляется план...

Неадекватный, если честно.

Флойд в гневе. Разговор в машине едва ли помог сбавить напряжение, а после добавилось новое, гораздо более жесткое. Есть ли вероятность, что он успокоится через пятнадцать минут? Вернется, обнимет, почувствует себя хорошо и расслабится? Нет. Ни капли. Конечно, придет, конечно, укроемся одним одеялом, но агрессия внутри мужчины не кончится вплоть до сна.

Так... может быть, ее неплохо было бы унять... чем-то?

Например... мной.

Я имею в виду... эм... Флойд переключит внимание, верно? Объективно действенный способ. Выпустит негативные эмоции, окунувшись в любовь, нам снова будет чудесно, мы соскучились, слишком.

Френсис, он сто девяносто сантиметров ростом, с уймой мышц, серийный убийца, в тотальной ярости, утратил кон-

троль, и ты реально выдвигаешь, что заниматься с ним сексом сейчас — замечательная идея?

Глупый голос разума. Вы его слышите? Чушь там пиликает дурацкую. Бредик трусливый. Ну, потому что у нас с Флойдом уже был грубый интим. Я знаю, как это выглядит и чувствуется — исключительно приятно. Мужчина, конечно, умеет удивлять, но дико ошарашивать больше нечем — траха жестче, чем при игре в прятки, не существует. Поэтому... идея неплохая?

Очень хорошая. Мне нравится.

Так что тру разгоревшиеся щеки, встаю с кровати и шагаю к ванной комнате, где вода стихла. Только мозг странный — неустанно орет вернуться, ничего не начинать. Иногда его нужно выключать.

И совсем не слушать.

Глава 10

Снять трусы или отставить, снять трусы или оставить, снять трусы или оставить?...

Я мнусь у двери ванной и серьезно думаю об этом пятнадцать секунд. Мы знаем Флойда и его любовь к тому, чтобы рвать мое нижнее белье. Запас кончается, и здесь нет шутки — одни на мне, двое в шкафу. Он не кромсал только лифчики — потому, что почти не ношу их. Честно, боюсь надевать. Они красивые, явно дорогие. Жалко портить чудесный материал.

Прикладываю два пальца к подбородку и опускаю вторую руку, дабы приподнять рубашку, оценить вещь под ней. Хотя тут дело уже не в том, насколько они симпатичны. Суть в дефиците. Так что я, наверное, боролась бы и за панталоны — даже дралась. С палкой. С ножом. С чеками из магазина, где черным по белому написано, сколько стоил этот несчастный кусок ткани. Потому что с Флойдом ты начинаешь воспринимать белье не как одежду, а как значимый ресурс. Как лекарства в апокалипсисе. Как последнюю банку фасоли.

Ужасно обидно заранее знать их судьбу — я имею в виду судьбу скоропостижную. Не «износятся». Не «потеряются». Не «полиняют». Нет. Будут растерзаны взрослым мужчиной в приступе энтузиазма.

Удивительно, как Флойд умудряется быть одновременно

нежным и совершенно варварским существом.

Самое глупое — ему идет. Любой другой выглядел бы идиотом. Агрессивным придурком с плохим самоконтролем. Но у Флойда это каким-то образом превращается в стихийное бедствие природного масштаба. На него невозможно злиться дольше пары минут. Стоит мужчине посмотреть своим тяжелым, голодным взглядом, и мой внутренний защитник имущества просто умирает на месте.

Может, начать покупать самые уродливые. Такие, от которых пропадает любое либидо. Впрочем, нет. Этого монстра не остановить. Он и бабушкины трусы превратит в эротическое событие. Более того, будет еще довольнее. Скажет, что я выгляжу «по-домашнему». А потом порвет и их тоже.

Господи, какой кошмар. И почему меня это вообще заводит?

Все-таки снять.

Я закусываю губу и цепляю ткань пальцами, быстро стаскивая ее по ногам. Сминаю в кулаке и определяюсь, что быстро положу белье в корзину для стирки. Она стоит прямо у входа, так что парень ничего не заметит.

Надеюсь, иначе объясняться придется долго, еще и с красным лицом.

Я совершаю глубокий вдох и пытаюсь успокоить чертову кровь, которая бурлит от страха и предвкушения. Только посмотрите на меня: боялась глаза к нему поднять когда-то, а сейчас собираюсь проситься быть вытраханной до одури.

Какая прелесть.

За дверью снова шумит вода, но тише — скорее всего в раковине. Чистит зубы, полагаю. Может, конечно, туалетом пользуется и заглушает естественные звуки. Ну, я так делаю порой... Ели теория верна, замок будет закрыт. А он все же открыт — радоваться этому или нет пока не поняла. Скоро узнаю.

Я тяну дверь на себя, когда опускаю ручку, и медленно вхожу в душное помещение, пропахшее ванильным гелем для душа. Мгновенно прячу трусы, не потратив ни секунды, и лишь потом оглядываюсь... Черт возьми.

Он стоит перед раковиной, лицом к запотевшему зеркалу, и чистит зубы. На нем только белое полотенце, небрежно повязанное на бедрах. Широкая рельефная спина украшена редкими каплями воды. Они медленно скатываются вниз по коже, цепляясь за мышцы, исчезая где-то у края махровой ткани. Свет над зеркалом ложится на мужчину теплым желтым оттенком и делает тело почти бронзовым. Не глянцевым, не вылизанным — живым. Слишком настоящим для человека, который выглядит так, будто его придумали в особенно щедрый день.

Мускулы, создающие четкие линии, двигаются под кожей при каждом движении руки. Даже когда он просто перехватывает щеку, под лопатками что-то перекатывается и напрягается. Темные влажные волосы зачесаны назад, но несколько прядей уже снова падают на лоб. Он не позирует, не красу-

ется — ему просто все равно. Собственная красота для него как мебель. А вот для меня — нет.

К сожалению или к счастью.

Я чувствую себя маньячкой, когда совсем не обозначаюсь — стою и пялюсь молча. Он же мой, могу и имею полноценное право таращиться сутки напролет. Но... как-то некрасиво. Потому двигаю локтем, шуршу материалом чистой рубашки, заправляя волосы назад, и это движение привлекает боковое зрение мужчины. Он хмурится и оборачивается, вытаскивая щетку изо рта. Окидывает сердитым взглядом. Скользит от макушки до пят, словно анализируя — вдруг ударилась, за помощью пришла. Но мой вид почти здоровый, за исключением болезненной застенчивости. Так что Флойд... возвращается к рутине, сплевывая пасту в раковину. Набирает воду в стакан, дабы прополоскать полость...

А я пришла стоять тупить или в чем там был план?

Обычно, в девяноста девяти процентах случаев, мужчина затевает близость сам. Или, если инициатор я, то достаточно всего лишь притереться чуть поближе, поцеловать чуть поглубже — и все, уже в процессе. Он говорил, что я трахала его под травкой, но то было иное — ничегошеньки не помню. Потому сейчас теряюсь.

И он, черт возьми, не смекает! Злится, пусть и дышит ровнее прошлого. Думает о чем-то своем, негодует, что приперлась вопреки приказу. Но я не просто так тревожу. Предлагаю хорошее дело. Пусть разует глаза.

Хотя, будь я на его месте, тоже бы не догадалась. Что парень должен понять, исходя из вводных данных в виде мнущейся немой девушки? Он получал самые разнообразные намеки о сексе — более чем уверена. Слышал из сотен уст, а потому, на опыте, заметит подобное за версту. И это только еще больше подчеркивает мою безнадежность, ведь как сильно я, должно быть, выгляжу сейчас глупо, раз такой, как Флойд, и на секунду не уловил маячок подтекста?

Все так чертовски трудно.

Я просила парня заняться со мной любовью после предложения руки и сердца. Однако обстоятельства разные. Сейчас я собираюсь котячить не о бережном первом соединении, а заявлять, что готова помочь забыться. У меня нет речи. Только та самая идиотская смелость — лишь она не разрешает ногам унестись обратно в спальню. И лишь она толкает их идти к нему. Ближе. Ближе. И ближе.

Я перебираю ступнями, пока не оказываюсь сбоку от мужчины, и упираюсь бедром в мрамор. Задираю голову, нервно изучая любимый сердитый профиль, и собираюсь что-то пробормотать. Или, на худой конец, сразу раздеться. Но рядом с раковиной вибрирует телефон...

— Сукин сын, — шипит или рычит мой жених, свирепея за секунду, — Блядский ты уебок, сколько, нахер, можно!

Сердце застывает, когда парень хватает устройство и стучит по нему большим пальцем. Экран, почему-то, не ломается — удивительно, с учетом применяемой агрессии. Пред-

ставьте, что прыгаете пятками по своему мобильному — вот с такой силой Флойд долбит по дисплею, громко и резко.

Ему никогда не нужно орать, чтобы донести посыл о том, как зол. Суть в тоне — абсолютно подавляющем и беспощадном. Там уже без разницы — шепот напугает соразмерно крику.

Все, что я успеваю увидеть, прежде чем контакт блокируется, это:

От кого: Неизвестный абонент.

«Ненавидишь меня, но хотя бы попробуй выслушать один раз. Ты мой сын...»

Я чертовски, мать вашу, вовремя.

Гектор, любимый свекр, подсобил! Он, знаете... как финальный штрих. Последняя капля. Вишенка на торте ужасного дня.

Безумно жирная вишенка.

Видимо, пишет снова и снова с разных номеров. Флойд только оклемался в душе, вышел, полотенцем обмотался, и его снова затолкали в чан ярости.

Забавный факт: я завтра не смогу ходить. И послезавтра тоже.

Флойд бросает телефон на поверхность — он чуть стукается и катится к стене. Выключает воду, ударяя по кранику, и именно тогда мой рот, наконец, решается издать звук:

— М...

— Скажи, пожалуйста, как похуистически нужно отно-

ситься к моим блядским границам, чтобы проигнорировать просьбу побыть одному всего ебаных, сука, двадцать минут? — гнетуще обрывает он, резко поворачивая голову, дыша через ноздри, отчего мгновенно прекращаю шевелиться, — Что именно тебе было неясно, Френсис? Какая, черт подери, часть? Укажи, и я сформулирую это получше.

Хорошо, я в курсе, мое поведение — не эталон вежливости. Оно бестактное и грубое. Вероятно, слишком. И, как бы странно ни было, я влюбилась во Флойда вновь — да, ругается, но все равно старается не сказать то, после чего год дороги назад не будет.

— Я не хотела раздражать сильнее, — аккуратно подбираю робкие слоги, что трудно, пока тебя прожигают черными зрачками, — Я хотела... помочь...

— Да ебаный в рот, не нужна мне помощь сейчас, — снова перебивает, но уже глубже, злее, доказательнее, желваки выточенного лица ходят, а мокрая прядь у виска дрожит, — Я прихожу и ложусь к тебе, когда в том нуждаюсь, а сейчас, блять, сейчас, Френсис, мне нихуя из этого не требуется. Почему я должен умолять тебя дать мне гребаное пространство?

— Ты не...

— Почему. Я. Должен. Умолять?! — теперь выкрикивает басом, закладывая мои перепонки, отчего опускаю плечи, сжимаюсь, — Иди, прошу тебя, в спальню, унеси свой непослушный зад туда, Френсис, не надо делать это таким, сука,

трудным!

Ладно. Говорить я не знаток. Значит, поступлю показательнее — сниму рубашку. Там уж догадается... и, возможно, тот самый непослушный зад накажет.

Так что я пропихиваю ком нервов и подношу пальцы к пуговицам, пытаясь заставить их не дрожать — он ни в жизнь не согласится меня трахать, если увидит страх. И мне правда нестрашно. Конечности ходуном от... адреналина. Пожалуй, серьезно двинулась рассудком.

Флойд вскидывает рукой, чтобы указать в сторону двери, прогнать в сотый раз, но застывает с приоткрытым ртом, наблюдая за действиями. Я вынимаю жемчужные круглешки из дырочек, от ключиц, ниже, ниже и ниже, пока не расстегиваю вещь полностью, смотря на мужчину из-под ресниц. Жую губу, ткань не снимаю, не оголяюсь — даже слегка запахиваю ее от смущения. Однако намерения обозначены. И Флойд это видит.

Его разъяренные эмоции не испаряются, грудная клетка так же часто вздымается без шума. Поменялось лишь одно, важное — у него на мгновение кончились слова. Совершенно. Мозг запутался. Я серьезно благодарю небеса за то, что дали мне способность противостоять этому мужчине данным образом. Пусть и временно. Пусть и на чуть-чуть, ведь Флойд все же отыскивает дар речи. Он отводит голову и грубо мотает ей, впиваясь в мое лицо еще более жестко, наотрез чеканя:

— Больная что ли? Куда ты лезешь?

Я приподнимаю плечо, тонко проговаривая первое, что приходит на ум:

— Планирую к тебе под полотенце...

Браво, Френсис, иди забери приз за лучший ответ!

— Боже, мать честная, глупая ты, безрассудная женщина! — ошарашено ругается он, резко отворачиваясь от меня, морщась и опуская голову, — Выйди отсюда. Просто. Блять. Выйди. Сейчас же.

М... м-м. Не хочу. Если развернусь — это будет позорным провалом. Тут либо заканчивать, либо потом гореть в испанском стыде. И я однозначно предпочту первое.

Потому сглатываю и берусь нерешительно спускать рубашку... вот только мои запястья ловят, сжимают, а тело вертят, не позволяя скинуть материал.

Я не успеваю моргнуть, как оказываюсь зажата меж стойкой раковины и мужским телом. Он прибивает меня спиной к мрамору, а грудью к себе, и мои глаза натыкаются на чертову преисподнюю в зрачках напротив. Руки зудят от крепкой хватки — мужчина держит их в одной своей ладони на уровне ключиц, фактически обездвиживая полностью. Это заставляет каждый орган неадекватно колотиться, хотя внешне я замерла всецело.

Гнетущая тишина сдавливает голову, и Флойд наклоняет свою — угрожающе медленно. Так, что колени подкашиваются. Он скользит глазами по лицу, шее и... голой груди.

Рубашка слегка распахнулась, приоткрыв один уже твердый сосок. Парень стопорится на зрелище, но не выглядит и на процент похожим на себя привычного. В нем нет... в нем нет ни унции нежности.

Той привычной мягкости, с которой мужчина обычно смотрел на меня снизу, даже если дело касалось интенсивного секса. Того тепла, от которого у меня под ребрами всегда становилось тесно. Сейчас Флойд совсем другой. И определение «опасный» — совершенно детское. С него будто... содрали все человеческое.

Во взгляде хлещется что-то голодное. Не сексуальное — куда глубже, темнее. Как у зверя, которого слишком долго дергали за нервы, а теперь загнали в угол и еще смеют трогать руками.

Кхм. Поправочка. Я два дня не просто «не смогу ходить». Меня, скорее, в принципе не станет.

Я больная, раз до сих пор не вырываюсь, не плачу и не молю проявить милосердие в ответ на тупость?

Его глаза возвращаются к моим — следуют той же тропой, но в обратную сторону. Я серьезно слышу, как постукивают мои зубы. И они желают скакать чаще от низкого вязкого хрипа:

— Ты сейчас же уйдешь, — плавно вынесенное предупреждение звучит почти сладко, приглушенно, и от того еще страшнее, — Теперь это стало ясно?

Мужская грудь медленно двигается против такта моей —

широкая, горячая, твердая как стена. От него пахнет чем-то терпким и пьянящим, тяжелым, по вине чего в животе вновь заворачивается тугой узел. Пальцы, сжимающие запястья, дарят жжение, но в этой грубости ясно чувствуется контроль. Флойд держит крепко — ровно настолько, насколько хочет.

Насколько себе позволяет.

Вот, что ощущается особенно остро: парень все еще удерживает в кулаке последнюю ниточку самообладания, хотя звериное в нем уже скалится прямо мне в лицо. Не знаю, какого хрена это заводит до боли. Но оно правда заводит. Никогда прежде мне не хотелось скулить так отчаянно от жажды секса, а теперь я готова выть, что кошмарно, ужасно стыдно и подавляюще жалко.

— Я тебя не боюсь, — шепчу с задыханием, частично заикаюсь, смотря в глаза.

Слышали бы вы, насколько робко все прозвучало... но это не ложь, клянусь. Суть в языке — он подчиняется рациональной части, а она сейчас не на моей стороне, помыкает свалить, приказывает прятаться.

Флойд нерасторопно наклоняет голову вбок, оценивая эмоции, подобно хищнику, который пытается понять — перед ним добыча или кто-то, кто сам добровольно подошел слишком близко. Его взгляд скользит по мимике так пристально, будто он действительно ищет там страх — выцарапывает ногтями из-под кожи, проверяет пульс, дыхание, рас-

ширенные зрачки. И чем дольше смотрит, тем тяжелее становится воздух между нами.

Мужчина чуть щурится. Не недоверчиво. Скорее... заинтересованно.

Словно мой ответ оказался не тем, который он ожидал услышать. А я... я уже и забыла, что там говорила. Нет, серьезно. Забыла совсем. Словно в трансе нахожусь и гипнотически смотрю, как дергается мышца под кожей, когда Флойд скрипит челюстью. Он вкатывает пухлые губы в рот и выравнивает лицо, дабы наклонить его немного ниже, произнести горячее:

— Очень зря, ведь ты не понимаешь, что я могу с тобой сделать.

Его пальцы медленно перекатываются на запястьях, крепче фиксируя их в ладони, и это движение, похоже, делает меня окончательно невменяемой. Словно если он не приступит к делу, сердце остановится. И я стараюсь поторопить, вопреки колотящемуся языку. Выталкиваю наружу безрассудные пугливые буквы:

— Удиви меня.

Лицо Флойда на мгновение застывает от... вызова.

Я кинула ему вызов?

Серьезно?

Да. Серьезно. Ляпнула с дуру. Впрочем, сегодня я многое делаю именно таким образом. И кожу прошибает током от следующей картины: уголок губ мужчины внезапно припод-

нимается. То ли в холодной усмешке, то ли в издевке — может, вместе. Он тихо проговаривает то, от чего кровь стынет в жилах:

— «Удиви меня», — повторяет слова как-то лакомо, будто я собственноручно выписала себе билет к нему в ад, — Поверь, это очень легко выполнить.

И через секунду мир ломается — он трещит и сразу рушится у меня из-под ног. Потому что рука, которая держала запястья, вдруг отпускает их и вздымается к горлу, сжимая его так, что я могу лишь хрипеть и осторожно дышать, хотя последнее не получается из-за шока. Он фиксирует тело, впиваясь ладонью в талию, залезая под рубашку, и смотрит на меня уже невменяемо, говоря гораздо мрачнее:

— Это не слишком, Френсис?

Я беспокойно пыхчу, полыхая всем естеством, и отстукиваю:

— Нет.

Горло тут же отпускают, позволяя жадно вобрать кислород, однако он мигом сгорает, как только пальцы грубо запускаются в волосы, резко оттягивая их, вынуждая голову слегка запрокинуться. Боль, но почему-то приятная боль. Та, от которой все гудит. Он умудряется быть таким — убивать жжением и вести руку к груди, сжимая ее, что в совокупности разрывает сенсоры чувств.

— А это? — он сминает локоны у корней сильнее и, под звук колючего стона, склоняет голову, ласково целуя сосок,

прежде чем абсолютно не ласково прикусить, — Это нормально?

— Это... хорошо, — утверждаю или мяукаю.

И вновь перепады давления: мужчина возвращает меня, молниеносно пристраиваясь губами к шее, и отводит ладонь, дабы с громким хлопком приземлить ее на зад, сжимая его в горсть, когда собираюсь подскочить. Из меня сходит тонкий писк, руки впиваются в массивные плечи и скребут кожу, потому что поцелуй очень груб. Флойд не кусает, но всасывает так, что область горит и зудит — на ней явно останется синяк. Но я не могу беспокоиться об этом, ведь мужчина опускает пальцы, без предупреждения погружая их в мое тепло со стоном от бешеной влаги. Я кричу или ною — не так важно. Важно то, что он гудит в мою шею, неустанно помечая ее фиолетовыми пятнами, и затевает разогревающие ленивые круги по нервам, хотя для него там давно уже, черт возьми, все пылает.

— И даже это хорошо, Френсис? — вязко уточняет он, обжигая дыханием травмированную кожу шеи, — Ты серьезно позволишь мне потупить так с тобой, м? Хочешь, чтобы я затрахал все свое раздражение, пользуясь твоим гребаным идеальным телом?

Он отводит голову, крепко фиксируя мою челюсть, и замахивается ладонью снова с целью шлепнуть по заду. Рука летит обратно, прямо к коже, но за миллисекунду до столкновения останавливается, что перехватывает мой дух, вынуж-

дает замереть и болезненно скривиться, будто без этого удара я поистине несчастный человек.

Какого вообще черта?!

Его диагноз «безумство» передается воздушно-капельным путем?! Когда я заразилась?

— Ты не подумала о том, как мне потом будет стыдно? — тяжело доносит, словно обязан, хотя еле держится, и мягко вминает большой палец в синяк на шее, растирая его, принося новую блаженную боль, отчего скулю, — Или тебе нравится, когда я извиняюсь?

Я кажусь такой чертовски маленькой в его кровожадной хватке, напротив груды пышущих злобой и похотью мышц. Мозг, видимо, в край размяк. Потому что то, что говорит рот, не поддается логике и смыслу. Та часть меня, о которой не знала, выглядывает из темного угла, дабы перебить мужчину и горько выпалить, смело глядя в глаза:

— Боже, просто трахни меня, да, я на все согласна, прекрати сомневаться!

...

Френсис... прости, что?

Это было лишнее.

Если мне раньше казалось, что он одичал, то сейчас в лице не остается ничего похожего на моего Флойда. Пульс застывает, и я вижу, как парень замирает на секунду — что-то внутри него коротнуло. Зрачки полностью поглощают радужку, кадык дергается еще раз, тяжело, словно проглатыва-

ет раскаленный камень. И... все.

Мне конец.

— Хорошо, — одно хладнокровное слово потрошит органы и обливает их кипятком, — Значит, я буду вколачиваться в тебя быстро, долго и беспощадно, — он наклоняется чуть ближе и надавливает кончиком пальца на подбородок, прежде чем низменно прохрипеть, — Но сначала я хочу отыметь этот самонадеянный рот. Покажи мне, что я могу, Френсис. Встань на свои гребаные колени. Сейчас.

Господи, помоги мне.

Я поехала башкой — с кем поведешься, от того и наберешься. Потому что ничего во мне не желает сбежать. И ведь я понимаю примерно, что задыхаться буду, но все рано, когда мужчина отступает на полшага, мгновенно опускаюсь к полу, попутно снимая рубашку. Плитка обдает ноги прохладой, однако пожар лишь возгорается, ведь перед лицом предстает выпирающая ткань полотенца — я вижу ее лишь на миг, ведь Флойд скидывает лишнее, открывая нужное...

Черт возьми.

Все происходит слишком стремительно, и я не могу адаптироваться к этапам: он обхватывает себя со стоном, поглощенно осматривает меня вновь, детальнее, а следом кладет вторую ладонь на затылок, дабы пригласить, — или, признаться, приказать, — открыть губы. Я слушаюсь мгновенно и едва ли успеваю вобрать кислород, как меня затыкают донельзя глубоким образом, что ошарашивает до спазмов. Но

это стоит того, чтобы проследить, как голова мужчины запрокинулась с пораженным стоном. Все его тело окутывается волной дрожи, а дыхание превращается в хаотичное, пока он зарывает себя до моего горла, наслаждаясь жарким и влажным местом. Член давит на стенку, вынуждая глотать вокруг него — не очень вежливо для второго в жизни минета, но я сама попросила мужчину выключить сдержанность.

Так что он выключает.

— Постучи по мне, если все же слишком, — в последний раз предупреждает пьяным тоном, опуская руку и находя мою, прикладывая ее вплотную к своей ноге, — Больше уточнять не буду. Хотела меня такого — ты меня такого получишь.

И в следующий момент он отводит бедра назад, фиксируя мое лицо в своих руках, чтобы начать трахать рот в том темпе, от которого слезятся глаза. Нет никакой разминки, нет ничего разогревающего — он просто берет скоординированный темп, вырываясь и врываясь обратно дважды за взмах ресниц.

По ванной расстилаются только два звука: пошлые хлюпающие мелодии того, как я давлюсь, и необузданные, низкие стоны Флойда. Каждый толчок глубокий, жесткий, почти до самого основания, без малейшей жалости. Его пальцы крепко держат меня за голову, не давая отстраниться ни на сантиметр, пока толстая головка упирается в горло и проталкивается дальше.

Мне кажется, я умру.

Нет, не от нехватки кислорода. Не от боли в гортани. Я умру от дикого возбуждения, капающего на чертов кафель, прямо меж моих ног.

Позор, но каждое его проникновение в рот отдается новой пульсацией внизу, и я ничего не могу изменить. Тело предает разум, делая щеки еще краснее. Флойд замечает. Конечно, он замечает. Его дыхание сбивается сильнее, а в груди рождается довольный рык. Это стыдит меня хлеще прежнего, вровень слюням, которые тихонько стекают по подбородку и капают на грудь, смешиваясь со слезами, что давно неконтролируемо катятся из-под сырых ресниц.

Глаза щиплет, горло спазмирует, но Флойд только гудит отчаяннее, вгоняя себя еще глубже. Его бедра изредка соприкасаются с моим лицом, а мышцы живота напрягаются каждый раз, когда он входит чуть ли не до упора.

— Вот так, черт возьми... — хрипло выдыхает он сквозь зубы, не сбавляя темпа, — Глотай меня всего, Френсис. Ты же сама просила.

Его хватка становится жестче, пальцы зарываются в волосы, а движения переходят в рваные от степени кайфа, за счет чего кайфую и я. Мужчина неотрывно смотрит вниз — глаза полыхают темным огнем любви, челюсть сжата, на шее бьется вена. Каждый раз, когда я начинаю совсем задыхаться, Флойд держит меня на месте еще чуток, наслаждаясь греховным зрелищем, и только потом отпускает на пару санти-

метров, позволяя вдохнуть. Но ненадолго. Слишком ненадолго.

И это ужасно странно, но рядом с ним у меня нет чувства какой-то угрозы. Несмотря на грубость в поведении, я уверена: стоит мне проявить хоть процент настоящих колебаний, и Флойд остановится. Доверие укреплено в груди основательно — он сам его туда посадил. Плодотворно работал над почвой, аккуратно укладывая семечко еще с первой встречи в амбаре. Заботился, убеждал и доказывал, тем самым приведя нас к тому, где мы находимся сейчас.

Я знаю, что он может пометить меня синяками, но это нисколько не похоже на прошлый опыт — с ним они исключительно приятные. Потому что согласованы. Потому что с мужчиной при любом раскладе безопасно — он никогда мне не навредит, и без разницы, как громко злится.

Однако, важно признать: я ожидала чего-то помягче. Не из-за того, что происходящее — тяжело. А из-за того, что я в целом не представляла подобное. Просила удивить и удивилась. Спасибо.

Наверное, любой нормальный человек выбрал бы более безопасный способ почувствовать вкус риска — что-нибудь вроде экстремального спорта или высоты. Но я уже давно не ищу легких и правильных решений. Меня тянет к опасной игре с тем, что скрывается внутри мужчины с фамилией Маккастер. Я и сама эту фамилию хочу. Сумасшедшая.

Он совершает еще пару толчков и внезапно выскальзыва-

ет изо рта — резкая возможность дышать режет легкие. Я кашляю от свалившегося чувства свободы, а потом затихаю вообще, ведь меня тянут вверх, сажают на черный мрамор и раскидывают ноги пошире. Я впиваюсь руками в стойку, пытаясь удержаться, но Флойд действительно не облегчает задачу, когда опускается на колени, туда, где стояла я, обхватывает бедра и резко тянет их к своему рту, нападая на голое тепло и жадно атакуя нервы с самым развратным стоном блаженства.

Я попросила трахнуть меня, а не убить, Флойд. Я не попросила, блять, доводить до потери сознания.

Полагаю, он не видит разницы.

Или, может, мне не следовало обзывать его чепухой. Наверное, в этом все дело.

Моя челюсть отпадает, а глаза выкатываются. Парень ведет зрачки выше, создавая зрительный контакт, и принимается щелкать языком в привычной искусной манере, после которой не умею соображать. Смена положений и обстоятельств взрывает мозг, а винты внизу живота скрипят на грани взрыва по вине абсурдного возбуждения. Я хныкаю и жалко киваю — правда, это все. Наслаждаюсь заветными касаниями, почти плача от ладоней, который нежно поглаживают ноги — выделенная порция заботы ощущается остро необходимо и крушит последнюю здравость.

Он выглядит как тот, кто смакует долгожданное лакомство, поражаясь тому, что оно стало еще вкуснее. Ласкает

кругами, с нажимом, удовлетворенно вбирая влагу, которая обновляется каждую чертову миллисекунду.

Я вытираю блеск слюны с подбородка и наблюдаю, как горячий настойчивый язык работает с точностью, от которой начинают бешено дрожать колени. Он проводит им снизу вверх, внимательно и широко, затем сосредотачивается на самом чувствительном месте, втягивая его и посасывая. По позвоночнику проносится электрический разряд, и я выгибаюсь дугой, кое-как поддерживая себя на слабых руках, выплакивая умоляющее:

— Флойд... Флойд, прошу...

От хриплого разбитого тона он стонет в ответ, и вибрация голоса отдается по мне новым залпом жара. Его ладони раздвигают бедра шире, не позволяя сомкнуть ноги даже на мгновение. Пальцы впиваются в мягкую плоть, оставляя красные следы, пока рот продолжает свое сладкое, мучительное занятие. Я уже не хныкаю — я открыто ною, громко, совершенно не узнавая свой голос. И понимаю, что близка к разрядке, но...

Но он отрывается с тяжелым мычанием, снова хватает талию, снимает с мокрой поверхности и ставит на пол, прежде чем подпереть к стойке. Я озираюсь и путаюсь, когда Флойд берет мою ногу и поднимает ее так, чтобы колено легло на мрамор рядом с раковиной. Сенсоры чувств искрят, а горло разбухает — от представшей картины. Потому что я стою перед зеркалом. Он стоит позади, вплотную. Жестко давит

на позвоночник, прогибая ниже, и фиксирует эту позицию. Одна моя ступня стоит на полу фактически на носке, потому я еле выдерживаю мгновение, в которое мужчина берет член, дабы направить его туда, где все о том просит. Флойд размещает себя и входит не поступательно, а сразу, до конца, одним мощным движением. Это рассыпает на части безвозвратно вместе с громогласной бранью:

— Френсис, блять, блять, блять!

Его голова рушится к плечу, рот надрывно скулит, в то время как я колочусь напропалую и безрассудно выплакиваю истошные всхлипы, ощущая себя переполненной до краев. Член окутывается стенками, которые панически пытаются приспособиться к вторжению. Я держусь за раковину до побелевших костяшек, находясь в путанице, а следом алею фактически до смерти, ведь Флойд выпрямляется, стыкует меня к себе вплотную, чуть наваливаясь сверху, и обвивает одной рукой шею, не разрешая отвести взгляд от отражающей поверхности напротив.

Святое дерьмо, наверное, так и выглядит самый большой желанный грех — я бы повелась на него снова и снова, добровольно отказываясь от рая.

В зеркале открывается грязная обжигающая картина. Мы смотримся как две противоположности, сплетенные в едином порыве. Я — напрочь растерянная, мягкая, трепещущая, полностью отданная на его милость. Похожая на травоядную зверушку, угодившую к монстру. Грудь налита крас-

кой, розовые соски мучительно набухли от перевозбуждения. Глаза мутные и стеклянные. На шее виднеется россыпь темно-фиолетовых засосов, которые не сойдут еще недели полторы. Плечи ходуном. Губы подрагивают. И он... Он, твердый, неумолимый, полностью владеющий мной и уверенный в том, что сотворит дальше, отчего завораживающий страх загибает пальцы ног.

Мне серьезно нужно будет наблюдать за процессом?

— Если ты хотя бы на секунду отведешь взгляд, Френсис, — тяжело шепчет он на ухо, смотря в мои глаза через отражение, — Я забуду про то, что твой оргазм есть. Все ясно?

Не говори этого, прикуси язык, не огрызайся, заткнись, заткнись, заткнись...

— Забудь, и тогда я забуду, что вообще встречала твой член.

Дура. Хотя... это было неплохо. Минус в том, что считаю я так совсем чуть-чуть — брови мужчины приподнимаются, большой палец прекращает выводить линии на челюсти, и моя наглость испаряется по щелчку.

Ой...

— Ты добавила себе проблему, любимая, — недовольно рыкает он, отводя глаза к месту наших соединений, — Раньше я ставил цель отвлечься. Теперь у меня появилась вторая — не дать тебе выкинуть это из памяти. Надеюсь, справишься.

Слова фактически звучали как пожелание удачи, однако

она не помогает, когда мужчина отводит бедра и задает сумасшедше грубый темп, окуная нас в беспощадное блаженство. Тогда происходит именно то, в чем и состояла идея — он выплескивает из нутра всю скопившуюся агрессию и боль, превращая их в лихорадочные самозабвенные толчки.

Мое тело кричит от запредельного уровня кайфа и страдает одновременно — это сложно описать, тем более из уст ненадежного рассказчика, а я сейчас по-настоящему ненадежная, что нетрудно заметить. Но если бы кто-то вошел в комнату и попытался остановиться мужчину, он бы, наверное, слег трупом — и стрелял бы не Флойд. Я не хочу, чтобы все закончилось, даже если не способна дышать. Даже если все мои стоны обрываются в горле, не успев выйти на волю. Пусть парень будет во мне всегда, спасать не нужно.

Он утыкается в мое плечо лицом, морщась там и скуля, увеличивая скорость, наконец избавляясь от подкожного раздражения. И, несмотря на бесчеловечность движений, все равно нежно поглаживает пальцем по щеке, бессознательно даже, иначе не может. Мой бедный низ отвечает ему, сжимаясь вокруг длины тисками, словно пытается удержать, вобрать в себя все до последней капли ярости и желания, отчего Флойд дрожит. Я чувствую это спиной, кожей, каждой клеткой. Его дыхание обжигает шею, зубы слегка касаются области выше лопатки, но не кусают — просто аккуратно держат, словно ему нужно за что-то зацепиться, лишь бы не потерять остатки контроля. А пальцы на моей щеке продол-

жают свою невесомую ласку — разительное противоречие с тем, как мощно и безжалостно вколачивается член.

— Френсис... — почти обреченно скулит, пыхтя, горько молотя бедрами, голос надломленный и бредовый, — Френсис, что ты со мной делаешь...

Зеркало услужливо показывает, насколько я раскрошена. Грудь бесконечно подпрыгивает, эмоции фатально жалкие, волосы спутаны. Мне кажется, я никогда не повторяла его имя столько раз подряд безрезультатно — стараюсь произнести и не выходит, буквы не вяжутся. Когда принимаю очередную попытку, Флойд кромсает ее без стыда — убирает руку с челюсти, дабы запустить пальцы в локоны на затылке и оттянуть голову, направив к поцелую. Его губы обрушиваются на мои, такие горячие, требовательные, с привкусом злости и чего-то гораздо более трогательного, живого. Язык вторгается без разрешения, завладевая полностью, заглушая все хрипы и стоны. Я только всхлипываю ему в рот, дрожа всем телом от нескончаемой серии мощных толчков сзади.

В этот момент мужчина уже не просто трахается — хотя, впрочем, со мной он никогда и не занимался подобным. Флойд отдает всего себя — всю скопившуюся бурю, все желание, которое разворошила, и всю... благодарность. Потому что я не оставила его, и без разницы, каким неоднозначным способом. Потому что я предложила ему быть вместе. Потому что он мне доверился: не послал куда подальше, огородив от «опасности», не закрылся, решил разделить. И я прини-

маю. Душой, сердцем, каждым всхлипом, каждым судорожным сжатием внутри.

Это человек контрастов — так его можно описать. Он разрывает поцелуй и пристраивается к нетронутой стороне шеи, втягивает кожу, жгуче «целуя», и толкается резче, по вине чего мое колено начинает биться об раковину. Флойд слышит стук, прослеживает его причину, и накрывает ту область ноги ладонью, дабы предотвратить удары, хотя засосы новые оставлять продолжает. Я никогда не пойму, но никогда не пожалуюсь. Всегда заботливый и всегда неадекватный. Просто... мой.

Он смещается членом так, чтобы уничтожать любую невозможность кончить, и обвивает меня крепче, как только впадаю в пущую тряску. Водит ладонью по ребрам, ласково сжимает то одну, то вторую грудь, будто ее ни при каких обстоятельствах грубо не посмеет коснуться, и упивается общей эйфорией. Его дыхание становится абсолютно прерывистым, что ошпаривает подаренные синяки. Парень прекращает терзать травмированную кожу, кажется, пометив меня со всех сторон, и, словно извиняясь, принимается целовать раненые участки легче, залечивает их языком. Длина стучит по тем точкам, которые приведут к скорому экстазу, и из меня хлещутся тонкие истошные звуки, которые Флойд тут же ловит губами, целуя рот, уголок челюсти, висок, затылок — куда только может дотянуться. Пальцы на груди сохраняются благоговейными, в то время как бедра бьют с нарастающей

силой, загоняя обоих впритык к пропасти.

— Моя, — шепчет хрипло и беспорядочно, уткнувшись лицом в волосы, — Только моя. Не надо говорить, что забудешь.

Хорошо, теперь мы разобрались — гнев в нем почти исчерпан. Первая цель выполнена. А за второй и не следует гнаться — она выдуманная, нереальная. И я серьезно скоро умру без шанса на передышку, потому отыскиваю любимые зрачки в греховном отражении зеркала, и это не занимает времени — Флойд ловит настроение молниеносно, вынимая член с горестным звуком нехватки. Я панически расширяю глаза, считая, что неверно донесла мысль, но он уже вертит меня, берет на руки, целует в губы и уносит куда-то. Не поспеваю ни за одним скорым действием, но до возмущений так и не добираюсь — чувствую, что спина укладывается на что-то мягкое, и распахиваю ресницы, замечая спальню. Флойд помещает меня поперек кровати. Сам устраивается сверху, меж ног, и входит снова, так же глубоко и так же... Господи, так же, черт возьми, потрясающе хорошо.

Я разваливаюсь под ним, мышцы обмякают, вялые руки обвивают шею, а дрожащие губы не устают принимать поцелуй, в котором звучат единые отчаянные стоны. Они изнуренные, вымученные, вязкие и плаксивые, ужасно тремор-ные, будто силы кричать покинули нас синхронно. Его ладонь опускается к заду, сжимая и фиксируя мой низ, чтобы не ерзала. Движения бедер неизменно интенсивные и сокру-

шающие, каждое проникновение — сродни стремлению запечатлеть отпечаток в самой глубине моего существа. Длина заполняет целиком, настойчиво и неумолимо. Флойд просто стирает любые границы между нами, тело становится податливым и невесомым. Руки, едва способные держаться, скользят по влажным горячим плечам, ногти бессильно царапают кожу, оставляя тонкие следы.

— Пожалуйста, — изнеможенно хныкаю, преданно смотря в его глаза, — Пожалуйста, закончи со мной. Я тебя люблю.

Он прикладывает лоб ко лбу, и я наконец вижу того Флойда, которого знаю — нежного, хрупкого, родного. В нем сквозит тонна обожания и раскаяния, будто тот кровожадный пожар наконец выдохся, оставив после себя лишь обнаженную, трепещущую нежность.

— Я тоже тебя люблю, — бескрайне чувственно хрипит он, и целует меня так, словно боится, что я могу исчезнуть, — Я тебя невероятно люблю, Френсис.

Его язык переплетается с моим, выписывая слово «спасибо» всеми алфавитами мира. Движения бедер постепенно меняются, заставляя скулить, но в ответ я получаю плавное покачивание головы, умоляющее не протестовать. Толчки остаются глубокими, однако теряют прежнюю ярость — теперь каждый превращается в тягучий и осознанный, как если бы Флойд заново запоминал меня изнутри. Одна его рука нежно обхватывает мое лицо, большой палец ласково

гладит щеку, стирая следы слез, вторая поддерживает за талию, прижимая ближе и испаряя между нами миллиметры пустоты.

— Я дам нам кончить, тебе в первую очередь, всегда, все как всегда, — дрожащим шепотом уверяет он, ведь уже подумала об обратном, — Просто... просто вот так. Давай сделаем это вот так, медленнее.

У нас не было подобного — когда близится к концу, Флойд всегда ускоряется. А теперь, наоборот, сделал все нежным. И это только хуже — в прекрасном плане хуже. Я едва ли функционирую. В голове каша, все плывет. Но ничего лучшего не происходило. С ним постоянно и исключительно один вариант — полностью потерять себя, раствориться без остатка, а потом нуждаться в этом опять, опять и опять.

Я могу лишь разбито кивнуть. Обвиваю его бедра ногами, руки крепче смыкаю на шее, зарываю пальцы в влажные волосы на затылке. Каждый его вздох, каждый тихий стон отдается в груди разрядом тепла. Флойд отрывается от губ лишь для того, чтобы снова прижаться лбом ко лбу, глядя прямо в глаза. Зрачки теперь чистые, без остатков гнева — сплошная пронзительная любовь и легкая усталость.

— Никогда больше не говори мне такое, — шепчет искренне, не переставая двигаться ни на миг, — Не говори «просто трахни». Потому что я не могу просто, как мы узнали. Никогда не смогу с тобой.

Я бы хотела ответить, однако серьезно не в состоянии — он опускает пальцы с последним словом, дотрагиваясь моего тепла, и забирает отчаянный стон увесистым поцелуем. Узлы внизу живота вопят вновь, куда громче предыдущего, и перекручиваются в одну спираль, готовую вот-вот разорваться. Ноги колотятся, колени мелко стукаются об сильное тело. Я чувствую, что не дождусь разрешения и не предупрежу — неважно, что из этого нужно, а, может, не нужно ничего. Я просто не соберу себя для слов. Тем не менее и не требуется. Флойд наслаждается теснотой и хныканьем, разрываясь ответным задыханием в поцелуй. Кружит внимательным пальцем чуть быстрее и перестраивает рот к уху, говоря туда донельзя умоляющее, трескающееся:

— Кончай со мной. Пожалуйста, любимая. Пожалуйста, я очень близко, я уже здесь, больше не могу.

Эта просьба служит спичкой, брошенной в сухую траву.

Все внутри меня вспыхивает разом. Экстаз набирает обороты, натягивает мышцы до боли, до сладкого, невыносимого напряжения, а потом резко врезается в живот, как гоночный болид.

— Флойд! Блять, черт, черт, Флойд, Флойд! — безрассудно кричу, хотя сама себя не слышу, и перестают ориентироваться в пространстве, — Флойд! Да, Флойд, Флойд, я, я тебя, я тебя люблю, Флойд!

В голове — белый звенящий вакуум. Нет мыслей. Только ощущение, будто меня разрывают на тысячи светящих-

ся осколков и собирают заново. Вихрь не приходит поступательно, он пришибает раскаленной кувалдой и выбивает воздух из легких. Я выгибаюсь под мужчиной дугой, впиваясь пальцами в плечи так сильно, что наверняка оставляю следы — такие, какие до сих пор не приносила. Тело сотрясается в умерщвляющих, глубоких конвульсиях, и низ пульсирует вокруг члена хаотичными рывками, жадными спазмами, словно пытаясь втянуть его до основания.

Мои дикие всхлипы ловят губами — их вроде бы ловят. Я чувствую, что он прослеживает эмоции дотошно, вбирает их в душу, не упуская ни грамма. Обвивает дрожащее тело, наваливаясь на него сверху плотнее, когда судорожно мычит, ускоряется на чуть-чуть и затихает, прежде чем закричать что-то похожее на мой предыдущий крик, дергаясь и конвульсируя каждой мышцей. Я ощущаю пульсацию внутри, ощущаю горячую жидкость, выстреливающую в ненормальном объеме, и никак не приду в здравость, слушая мужские стоны облегчения и эйфории.

Будто весь наш прошлый секс испарился под гнетом сегодняшнего, и мы оба не способны справиться с этим шквалом. Комната плывет перед затуманенными глазами — остается только температура кожи, сбивчивый ритм тел и безумное чувство, будто мир снаружи больше не существует.

Некоторое время мы просто лежим молча, тяжело дыша, сплетенные друг с другом. Он целует мои закрытые веки, висок, переносицу — мелкими, трепетными поцелуями, се-

рьезно извиняясь за всю ту бурю, которую приняла. Что-то шепчет. Ворчит о синяках. Ругает себя ненавистно, глухо. И я думаю, что отвечу. Через мгновение или парочку. Через пять или семь минут.

Но сон забирает вымотанное тело без пререканий.

Глава 11. Мазь, обезьяны и Дом Братства

Флойд

— Так кого ты убил первым? — невинно спрашивает девушка, лежа на животе.

Я поджимаю губы, ведь уже не думаю, что та история — хорошая идея. По крайней мере не сейчас. Френсис проснулась днем, когда я уже успел съездить на работу, предварительно приставив к двери Майлза. Сейчас близится к вечеру. И кошечка... она до сих пор не может ходить.

Мне стыдно.

Невероятно, ужасно, паршиво и погано ненавистно с самого себя. Смотреть на нее не способен — засосы на шее яркие заставляют пойти копать себе могилу. И не смотреть не получается — красивая же, любимая, скучаю, если вне поля зрения держу. В общем... блять, зачем такое животное в принципе родилось и зачем оно ей досталось?

Знаю, что ей было хорошо. Знаю, что того и хотела. Но мне все равно совестно. Девушка отключилась быстро, а я мучился. Укрывал ее по сто раз, хотя она не скидывала одеяло. Просто поправлял ткань и так и эдак, лишь бы точно не замерзла. Заказал мазь заживляющую посреди ночи и аккуратно нанес на синяки с двух сторон. Только спать лег, вроде

бы успокоился немного, как Френсис вдруг перевернулась на бок с глухим болезненным стоном, нахмурив брови. Беспокойство удушающего вида вновь охватило тело. Я использовал то же лекарство снова, обновил его трепетно — прошлая порция частично стерлась об подушку. Опять поправил одеяло, вновь перепроверил лоб, словно у девушки серьезно от жесткого секса могла подскочить температура...

Подытоживая: спал два часа. И до сих пор в тревоге верчусь, потому что кошечка правда еле ногами перебирает и мнется от неприятных ощущений. При том умудряется называть это любовью! Говорит, что все в порядке, и смеется с того, что я себя корю, на руках везде ношу. Дразнится, что повторить хочет. Ненормальная. А я просто последний мудак.

— Флойд? — бормочет, щуря глаза, — Ты меня слышишь?

Я протираю глаза, издавая ничего не означающее: «Мм». Вдруг она меня совсем разлюбит? Может, уже думает, чтобы уйти, а история про убийства подольет масло в огонь? Нет, нам нужно перенести это. И без того виноватый сегодня. Разве Френсис не понимает?

К тому же занят другим: сижу на полу, недалеко от дивана, и достаю пыльные книги из коробок. Притащил сектантскую библиотеку с багажника машины, семь раз спускался и поднимался. Весь пол теперь завален этим дерьмом: старые твердые обложки белого, красного и черного цвета, скрыва-

ющие под собой толщи пожелтевших страниц. Нужно изучить хотя бы парочку за сегодня. Возможно, найти, чего ожидать. Я еще думаю о предстоящих шагах и действиях — они должны быть точны, аккуратны и безошибочны.

— Хорошо, — хмыкает Френсис и переворачивается на спину, вытягивая руки с телефоном перед лицом, — Тогда... Что ты выберешь: три раза изменить мне или чтобы я один раз изменила тебе?

А?

Я хлопаю ресницами и поворачиваю голову, натыкаясь на сосредоточенный вид. Френсис отводит серьезный взгляд от телефона и направляет его прямиком ко мне. Молчаливо... ждет ответ?

— Три раза изменить мне или один я тебе? — непреклонно повторяет глаза в глаза, — Что ты предпочтешь?

— Ничего из этого, — недовольно свожу брови, — Ничего. Я не буду тебе изменять. И ты мне не будешь...

— Надо выбрать, — жмет плечом, словно вопрос не обсуждается, — Либо-либо.

Да что за идиотизм?!

— Не надо выбирать, — доказываю жестче, ставя точку, — Я не изменю тебе ни при каких обстоятельствах. Все. Закрыта тема. Смотри косметику дальше.

Я положил ее сюда заниматься именно этим: болтать красивыми ножками, складывать в онлайн-корзинку все, что приглянется, и нажать оплатить с привязанной карты! Зада-

ча легкая — в ней всего-навсего нужно стать хорошей девочкой, любящей тратить деньги своего мужа. При чем тут измены?...

— Что ты выберешь: думать о бывшей каждый раз, когда трахаешь меня, или навсегда потерять член и не иметь возможность трахать меня вообще?

Я чувствую звон в ушах.

Я чувствую, блять, словно стою на канате, когда под ногами пропасть, хотя и то было бы лучше.

Это месть за неспособность ходить? Или что происходит?

— Флойд, — настаивает девушка, таращась на то, как я замер и боюсь даже моргать, — Флойд, я тебя вижу, если ты не шевелишься, ты не исчезаешь.

Святое дерьмо, а ведь я так надеялся...

— Любимая, хочешь роллы? — прочищаю горло, пытаясь вернуть себе спокойное лицо, — Сладкое? Косметику уже заказала и стало чуток скучно, да?...

— То есть ты серьезно не можешь ответить?! — ахает она, выкатывая глаза, — Ты выберешь думать о бывшей? Реально?

— Да у меня нет бывшей, мне не о ком думать! — защищаюсь, вставая с пола и шуруя на кухню ебануто спешными шагами, — Я ни с кем не встречался!

Мне нужно попить воды и сбежать из дома. Мне очень нужно.

— У тебя были бывшие девушки, ты с ними спал, — раз-

махивает указательным пальцем в воздухе, — Это простой вопрос. Ну же? Потерять член или думать не обо мне во время секса?

Простой вопрос? А какие тогда, сука, сложные?! Я не хочу знать. Я правда не хочу.

Ладно. Хорошо. Ладно. Выход же есть. Он должен быть. Надо включить мозги.

Я не смогу жить без члена, потому что слишком люблю быть внутри любимой женщины, пусть она порой и чудит, черт возьми. Но я физически не смогу думать о другой во время нашей близости — это неприятно. Значит...

— Я расстанусь с тобой, чтобы ты была моей бывшей, сойдусь через минуту и все так же буду думать только о тебе, — нервно отстукиваю, чешу затылок, — Вот так. Да. Все?

Френсис прослеживает шевеление моих губ и прикладывает два пальца к подбородку, уставляясь в потолок. Размышляет. Но я же справился? Молодец? Прошел проверку? И где она вообще это берет? На сайте «уничтожьте мужчину всего двумя вопросами»?

Я задушу голыми руками того, кто сочинил этот бред.

Мне двадцать шесть лет, а давление подскочило, голова закружилась. Вот, что означает влюбиться для мужчины — она такая маленькая, вроде бы безобидная, но прикончит тебя без труда двумя словами, в то время как у других не получится и с помощью пистолета.

— Допустим, — тихо протягивает, когда иду обратно к

коробкам и размещаюсь на полу.

Я выдыхаю и тру разгоревшиеся щеки. Собираю мысли в кучу, дабы продолжить сортировать сектантскую литературу по году написания, указанному на первой странице...

— Но, слушай. Переспишь ли ты с незнакомой девушкой, чтобы спасти мою жизнь, или оставишь меня умирать?...

Я ее сейчас вылюблю. Довела.

Потому, как только встаю и за считанные секунды размещаюсь сверху, меж ног, цепляю подбородок пальцами, Френсис пищит от неожиданности. Звук заглушается поцелуем. Жарким и настойчивым. Сминаю губы и отбираю телефон, вслепую кидаю его куда-то в сторону. Кошечка совсем не против — касается моего лица, дышит сбивчиво, отвечает нежно, попутно... улыбаясь?

Я отдаляюсь с пустым выражением, когда улавливаю веселье, и получаю хихиканье. Красивое, конечно — девушка аж светится. Глядит на меня, как на главного дурака в мире. Смех переливается в ее глазах мягким золотистым сиянием. Щеки едва заметно розовеют, губы дрожат от попытки сохранить невозмутимость, но это бесполезно — радость буквально переполняет все тело.

Так прекрасно и совершенно.

Былое раздражение оказывается кошмарно слабым против того, как она выглядит сейчас. Так что у меня банально не остается сил «ругать». Лишь соглашаться, мотать головой, когда она лепечет:

— Ты бы видел себя, почти поседел, черт, правда, я вот-вот бы заметила, как твои локоны становятся серебристыми!

— Мм, — киваю, опуская веки.

Если цена ее счастья — мои нервы, — то пусть мотает их сутки напролет. Я не против. На все согласен. Потому и выдыхаю, пристраиваясь чуть плотнее. Укладываюсь щекой на родном плече. Она продолжает посмеиваться. Щебечет что-то забавное. Мягко запускает пальцы мне в волосы. И, может, виной всему недосып, но я серьезно готов вырубиться — Френсис умеет мгновенно разнежить. И здесь так уютно... здесь спокойно, тепло и безопасно. Я люблю это. Я люблю ее.

— Не спи, пожалуйста, я еще не рассказала тебе, чем хочу заняться ночью, — шепчет в макушку, трется там, целует, что контрастирует с просьбой не отключаться.

Как мне, черт возьми, устоять, когда она такая нежная? Веки все тяжелее и тяжелее.

— И чем ты хочешь заняться? — уточняю, не узнавая собственный голос, который превратился в смесь мурчания и сонного бормотания.

Она кладет ладонь на мою щеку и зовет приподнять голову. Я лениво отзываюсь, получаю поцелуй в нос, улыбаюсь, подобно идиоту, и слышу невинное:

— Хочу поехать в большой ночной супермаркет, взять огромную тележку на колесиках и сложить в нее много-много того, что душа пожелает.

«Большой», «огромную», «много-много».

Влепите мне пощечину, дабы перестал плыть даже от ряда таких элементарных слов, забавно сказанных любимым голосом.

Эти разговоры нравятся сердцу куда больше, чем террор про измены и бывших. Я просто надеюсь, что она забудет ссылку на сайт, его название, и страничка закроется. Второго раунда не выдержу.

— А тебе не будет очень-очень страшно? — предательски сладко воркую, тихонько притираясь к щеке, — Вдруг там будет гигантский макаронный монстр?

Флойд, соберись... хотя, знаешь, забей, тебя уже давно не спасти, ты сам откажешься.

Если бы эту картину увидели мои сотрудники, они бы, мягко сказать, лишились дара речи. Весь такой суровый был еще утром, отчеты принимал, наставлял, руководил, слова умные использовал. А тут, впритык к ней, несу чушь про чудовищ из отдела бакалеи в попытке заслужить еще пару минут объятий.

Наверное, это даже оскорбительно для моей репутации. Для должности. Для всех тех часов, которые я потратил, выстраивая вокруг себя образ собранного и рационального человека. Того самого, к которому приходят за решениями, кого боятся и уважают.

Впрочем, вряд ли кто-то поверил бы, что существует девушка, способная превратить меня в это размякшее создание. Я и сам когда-то пальцем бы у виска покрутил. Но вот

она: лежит на спине, принимает мой вес сбоку, лелеет и продолжает невесомо целовать. Держит ладонь на щеке так, будто это самое естественное место для руки. Гребаный рай, в который попал по прекрасной ошибке, ведь всем известно, где мне суждено гореть.

— Кто такой макаронный монстр? — чуть хмурится она.

Это я, если дело коснется того, чтобы положить спагетти меж твоих ног, хотя стараюсь не есть быстрые углеводы.

— Когда-то в школах хотели ввести креационизм — теорию о возникновении людей от Бога. Его собирались преподавать наравне с теорией эволюции, — негромко поясняю в ее мягкую кожу, — Один мужчина узнал об этом и отправил в совет по образованию письмо, где потребовал, чтобы, в таком случае, преподавали и его веру — что Вселенную создал Летающий Макаронный Монстр. Как бы... высмеял абсурдность идеи «научности» религии. Создал пародийное божество и вынес его на рассмотрение.

Кошечка затихает, осмысляя слова, и явно колеблется спрашивать. Я разлепляю сонные глаза и мягко уверяю:

— Спрашивай все что угодно, всегда. Это не глупо. Не волнуйся.

Ее плечи чуть расслабляются, а голова поворачивается, притираясь к моей, находящейся ниже. В груди снова скребет то, как секундно она поморщилась от боли — кожа шеи зудит. Ничем это не поправить: забочусь сильнее обычного, но совесть не прекращает жрать. Потому виновато тянусь с

целью переплести наши пальцы, спрятать ее руку в моей ладони. Мы без этого жеста где-то час жили — настоящее преступление.

— И кто в итоге создал людей? Как мы здесь появились? — тихо выведывает.

Моя ты хорошая кошечка.

Я так искренне люблю, когда она спрашивает что-то. Без разницы на какую тему. Важно — у меня, а не в интернете. Это как-то... доверительно. Будто из всей информации на свете ей нужен именно мой ответ. Вот, о чем и велась речь — приставучесть. Френсис ни разу не жаловалась открыто, но, думаю, мы успеем к тому прийти. Ей не повезло с женихом. Он вечно голодный в плане контакта и внимания — она может гладить меня по голове часами, а я все равно окажусь тоскливым. Ненавижу данную слабость характера, но ее ничем не исправить.

— Людей не создавали. Мы появились в результате эволюции — естественного процесса, который длился миллиарды лет. Современный человек возник примерно триста тысяч лет назад в Африке. Наши далекие предки — обезьяноподобные приматы, а еще раньше — простейшие микроорганизмы. Это доказано генетикой, анатомией и множеством ископаемых находок.

Френсис закусывает губу, позволяя приглушенному объяснению впитаться. А потом... щурится. Косится на меня и снова хочет засмеяться. Я вскидываю брови, негодующе

уточняя:

— Что?

Она жмет плечом и смотрит в потолок, прежде чем выдвинуть хихикающий итог.

— Ну, получается, не такой уж ты и аристократ, — ее скомканный голос, подавляемый смехом, тормозит на миг, после чего сосредоточенно добавляет, — Обычная обезьяна.

Простите.... Френсис назвала меня макакой?

Я оскорбленно вскидываю брови. Не то чтобы меня действительно задело обвинение в принадлежности к животным — я сам себя животным называю. Скорее восхищает скорость, с которой девушка сумела превратить разговор о происхождении человечества в личное оскорбление.

И я не уверен, понимает ли она, какой подвиг совершает изо дня в день. Двадцать лет ее учили молчать. В наши первые встречи кошечка стеснялась писать ответы в альбоме. А сейчас... да, сейчас я примат. Никогда бы не поверил, если бы кто-то рассказал, как все у нас будет.

— Не обезьяна, — фыркаю, — Предки людей — они обязаны. Я человек, и высокородный, между прочим...

Но меня перебивают милым тоном:

— Ой, простите, ваше НЕобезьянье сиятельство.

Я приоткрываю рот, изучая бесстыдное хамство, и чувствую себя каким-то конченым идиотом, ведь наполняюсь пущей любовью, что казалось невозможным. Вечернее солнце лежит на ее хрупком лице, полном счастья. Вокруг так ти-

хо. Не существует ничего, кроме наших бессмысленных разговоров и смеха, которые, на самом деле, ощущаются более чем важными. Френсис даже собирается изобразить поклон, привстает на локте, но тут же морщится и хватается за шею.

Тогда улыбка моментально сползает с моего лица.

Я ни за что в жизни не поведу себя схожим образом вновь: да, трахать буду грубо от случая к случаю, ей понравилось, однако на засосах стоит строгий запрет, и плевать мне, что и они кошечку возбуждали не меньше.

Вам просто не может быть приятно от страдания любимой женщины, если вы вменяемый мужчина. Это мучает и душит.

— Не дергайся, — безвредно ворчу и встаю, перешагивая стопки старых книг.

Исчезаю в спальне на несколько секунд и возвращаюсь с кремом, предварительно Мяу укрыв — рыжуля развалилась на матрасе животом к верху, спит под кондиционером. Френсис видит тюбик в руках и вредно ноет:

— Да не больно, не надо, Флойд.

Ей не нравится, как средство пахнет — вот, в чем причина протестов. Это выяснилось после второго применения вне сна. Я выслушиваю такого рода возмущения уже несколько часов и не устаю толковать одно и то же. Даже сейчас, как мантру:

— Неприятный запах нужно потерпеть пять минут, это поможет синякам сойти быстрее.

Чем ближе я подхожу, тем плотнее она прибивается боком к спинке дивана, ворочаясь по обивке, как гусеница. Красивая гусеница, разумеется. Френсис сегодня уже о том спрашивала — встречался бы я с ней, если бы она была червяком. Решила устроить психологический хоррор от «а» до «я» в лучших традициях.

— Ты говоришь так, будто мне пять лет, — цокает, когда все же сажусь рядом.

— Если бы тебе было пять, я бы уже намазал и не спрашивал, — ворчу в ответ.

— Тирания, — поджимает губы она.

— Забота, — настаиваю на очевидном.

Девушка завершает недовольным:

— Очень похожи.

Я фыркаю. Френсис тоже. Правда, ее бубнеж быстро превращается в печальную гримасу, когда отвинчиваю металлическую крышку.

Девушка не успела ничего унюхать, но уже заранее морщит нос. Невыносимая женщина.

Абсолютно невозможная. Моя.

— Флойд, — бурчит тише, пока выдавливаю мазь на подушечки.

Я не сомневаюсь в последующем, но все равно втягиваюсь.

— М?

— Пахнет ужасно, — грустно и капризно выдает заучен-

ные два слова.

Френсис...

— Пахнет лекарством, — глухо талдычу, скрипя челюстью.

— Вот именно, — с укором отзывается кошечка, вертя носом.

Я закатываю глаза. Каждый раз одинаковый диалог заканчивается одинаковым результатом — она все равно позволяет сделать то, что требуется. И потом еще пять минут рассказывает, насколько я невыносим.

Поразительная стабильность.

Семейная жизнь — это не только трахаться и ходить на свидания. Это еще и бесконечно спорить из-за вещей, которые объективно не стоят спора.

Я смотрю на девушку исподлобья, а Френсис демонстративно отворачивается, словно происходящее глубоко оскорбляет ее человеческое достоинство. Вздыхаю и осторожно подцепляю пальцами светлые волосы, убираю их с шеи. Она закусывает губу и, к счастью, не ерзает — боится, что мазь попадет не на ту область, запаха образуется больше. Но считает должным снова поупрямиться — ей, вероятно, сегодня без разницы, от чего конкретно. Такое настроение. И я, как бы ни сетовал в ответ, люблю это всем сердцем.

— Флойд, — ежится, как только аккуратно наношу средство.

Ну давай, удиви меня.

— Что?

Кошечка упрямо тупится в потолок и отрезает короткое:

— Холодно.

Френсис... пожалуйста, не меняйся никогда.

— Потому что крем, — сжато доказываю в двадцатый раз.

Она беззвучно передразнивает слова, шевеля немым ртом, и я только закатываю глаза снова. А потом хочу убиться об стену от очередного стойкого, подчеркивающего:

— Вот именно.

Господи.

Мы застряли в одном и том же наборе реплик и, кажется, оба совершенно не против. По крайней мере я не вижу смысла лишать себя такого удовольствия, пусть и сомнительного. Когда-то этот дом был пуст. Стены и я. Я и стены. Двадцать четыре на семь. А теперь тут они. Мои кошечки, любимые девочки с характером. Так что пусть одна продолжает пиздить меня лапой по лицу, а другая издеваться морально — мне, обезьяне, это в радость, сродни самому спелому банану.

Я осторожно распределяю мазь по пострадавшей коже с другой стороны. Краснота уже заметно меньше — отмечаю автоматически, как отмечал час за часом с ночи. Закрываю крем и растираю остатки по рукам — он, к слову, пахнет нейтрально, и я уверен, что Френсис в курсе. Она бы признала, но это бы обозначало автоматически проиграть в нашей «войне». Так что я принимаю поражение осознанно из раза в раз. Раньше мне нравилось быть правым. Я считал обяза-

тельным отстаивать свою позицию до последнего. Сейчас же, глядя на аккуратное лицо, понимаю, что готов уступить кошечке практически во всем. Одно из исключений — спор о том, что она не будет моей женой. Такого разговора не случалось всерьез, но если бы он начался, то Френсис бы пришлось капитулировать. Я настойчивый.

Наклоняю голову и целую надутые губы — она сбавляет наигранную обиду сразу. Касается предплечья и приоткрывает рот, отдавая не меньшую ласку. Медленно, плавно — так мой язык скользит по небу. Без жадности.

Просто мягкое, теплое прикосновение, которое почему-то задерживается дольше, чем собиралось изначально. Френсис тихо выдыхает и проводит пальцами выше по руке, цепляясь за ткань футболки. Нежится подо мной, размякает и умиротворено принимает внимание, отвечая таким же. Мои губы обхватывают ее нижнюю, и это заставляет нас обоих блаженно поморщится — от общего пульса любви, который стучит в ушах. Я кладу ладонь на щеку, согретую лучами, проникающими с окна, и позволяю себе аккуратно поглаживать кожу. Отдаляюсь на сантиметр, чтобы наши блестящие глаза пересеклись. Ненадолго. Потому что девушка приподнимает голову и дотрагивается губ снова — коротко, едва ощутимо. А потом это делаю я, когда она ложится обратно. И еще раз. Будто никто из нас не может решить, достаточно уже или нет.

Конечно нет.

Никогда нет.

Она перебирает мои волосы, пока наши скромные выдохи соединяются. Рты зависают друг напротив друга. Я, вроде как, должен был разгребать библиотеку, приступить к чтению. Нужно было кому-то там позвонить, что-то «срочное» обсудить. Но уже плевать. Хочется вот так пробыть — не только сегодня, а до отведенных конца дней.

— О чем ты думаешь?— шепчет безмерно чисто.

Я любуюсь невероятной красотой и слабо мотаю головой, щекоча ее нос своим. Звучу почти хрупко, очень глухо:

— О том, что мне сейчас очень хорошо.

Слишком честно. И лучше не сформулировать. Однако кошечка немного сужает глаза, вкатывает губы в рот и оглядывает меня детальнее, прежде чем выдать совершенно убийственное:

— Это очень примитивный ответ для высокородной обезьяны.

...

Знаете что... а пойду-ка я читать книги. Все. Хватит.

— Флойд! — хихикает девушка, цепляясь за мой локоть, когда отстраняюсь, — Флойд, не обижайся! Я же шучу!

Я не смотрю на нее и аккуратно убираю тонкие пальцы с предплечья, дабы встать и шагнуть к дальней коробке — там и сажусь на пол под пронзительный звук смеха. Мне не досадно. Я мужчина, дуться не положено да и желание нет. Просто пусть подумает над своим поведением. Так ведь легко и без оргазмов остаться на неделю... Хотя кого я обманы-

ваю, сам без ее удовольствия ни в жизнь не смогу.

Она ерзает по дивану и перекладывается на бок, теперь смотря на меня неотрывно. Прослеживает, как достаю очередную стопку и открываю первую страницу, нахожу дату. Следовало подойти к этому ответственнее еще в катакомбах — не скидывать книги без разбора в найденные коробки, а сложить в том же порядке, в котором и стояли. Но я торопился вернуться к девушке. Теперь расплачиваюсь за ошибку личным временем.

Любая информация пригодится. Здесь должно быть что-то полезное. Мы не знаем, что ищем, но, я уверен, найдем. Не зря же они много лет вели свои своды. В книгах не могут быть только молитвы и рецепты каши из лопухов. Они ебанутые, но не тупые. К сожалению.

— Я, если что, не считаю тебя обезьяной, — теперь робко говорит Френсис, отчего обращаю к ней снисходительный взгляд, — Совсем. Шутила...

— Мне нравится, что ты шутишь, и нравятся твои шутки, — спокойно клянусь, — Просто если еще полежу с тобой три минуты, точно вырублюсь. В таком темпе не разгребем это дерьмо и за два дня.

Френсис, наконец, выдыхает. Подпирает голову рукой, вновь пробегаясь глазами по завалу. Предлагала свою помощь, и я отказал, разумеется. Зачем тяжелое таскать? Пусть лежит. Сошлись на том, что, раз ей критически важно поучаствовать, читать будет вслух, если на путное наткнемся.

С этих нежных уст и подробное описание каннибализма будет восприниматься сладкой сказкой на ночь. Ну... я бы послушал.

— Хорошо. Начнем вон с тех, — она кивает в сторону двух тетрадей, которые даже не смотрел, — Пора уже хоть что-то открыть. Но сначала расскажи про то, о чем обещал рассказать. Мне важно знать.

Я прикрываю веки и прикладываю ладонь к лицу. Сам не определю, почему так и не поделился. Возможно, из опасений, что Френсис все же не поймет. Не потому, что глупая — она умная, замечательная девушка. А потому, что все это для нее совершенно чужое. Некоторые вещи невозможно объяснить до конца человеку, который никогда не стоял по ту сторону — и слава Богу.

Я давно заметил, что люди представляют убийство неправильно. Им кажется, будто существует какая-то четкая граница: вот ты обычный человек, а вот — убийца. Будто между этими состояниями лежит пропасть, через которую невозможно переступить случайно. На деле все гораздо проще и оттого страшнее. Я не проснулся утром новым человеком. Я не чувствовал, как внутри что-то ломается с громким треском. Просто однажды обстоятельства подвели меня к черте, а потом оказалось, что никакой черты никогда и не было.

Наверное, именно поэтому мне трудно об этом говорить. Не потому, что больно вспоминать, и не потому, что стыдно, — точно не первое и почти не второе. Скорее потому, что

я слишком хорошо помню то открытие, которое сделал уже после.

В тот момент я вообще не думал о себе. Не размышлял, каким человеком стану на утро и стану ли другим вообще. Были только обстоятельства, решение и его последствия. На философию времени как-то не оставалось. Осознание пришло позже. Не сразу. Через дни, может быть недели. Я вдруг понял, что живу дальше. Сплю. Ем. Разговариваю с людьми. Смеюсь над шутками. Строю планы. Думаю о будущем. И вместе с этим понимаю, что не жалею о сделанном.

Наверное, именно потому я и беспокоюсь, что Френсис не будет в силах вникнуть в это. И, вероятно, даже хорошо, если бы она не смогла. В любом случае, пути назад нет.

— Мне было девятнадцать, — коротко повторяю уже известное, доставая из кармана электронную сигарету, что часто стал брать в последнее время, — Я учился в университете и постоянно зависал в компании знакомых. С одной девушкой мы провели время несколько раз. В основном это был дом братства — что-то вроде него, только извращенная версия. Я, Морис и еще семеро парней с университета снимали коттедж не посуточно, а долгосрочной арендой. Не знаю, интересно ли тебе такое, или сразу к сути...

— Мне все интересно, все-все, очень, — тихонько перебивает, — Рассказывай без сокращений, пожалуйста, если можешь.

Я вбираю гранатовый дым в рот и киваю, неуютно вспо-

миная дни, которые прежде почему-то казались веселыми. Только сейчас анализирую адекватно, насколько же мне там было херово. Если бы мы с Френсис не познакомились, так бы и продолжал считать, что та пустота — норма.

— У меня не было своих денег, разумеется — я тогда не работал, только учился и вел разгульный образ жизни. Но была карта — ее пополнял Гектор, — кожу аж покалывает от отвращения, потому туплюсь в пол, — Не знаю, сколько он туда закидывал, но у меня ни разу не было ситуации, когда не хватало. И, как только я поступил в университет, сразу поставил цель съехать. Я, два моих однокурсника, три однокурсника Мориса и еще двое парней с другой группы объединились, чтобы снимать огромный дом. Никто не был обделен финансами. Заведение, в котором мы учились, действительно дорогое, одно из лучших в стране. Так что вопрос денег никогда не волновал кого-либо, каждый из нас мог позволить себе то, что хочет. Поэтому мы подписали аренду хорошего особняка на год, а потом на еще полгода. У всех была своя комната и еще три гостевых. Мы не жили там спокойно, конечно. Да, учились все, хотели получить высшее образование, иногда соревновались в оценках за курсовые, днем писали работы недалеко друг от друга, советуясь. Но в основном проводили время за алкоголем, травой и чем-то пошлым. Где-то пять ночей в неделю мы устраивали тусовки. На нас постоянно вызывали наряды полиции, но мы откупались, так что никаких проблем не возникало. Я не всегда ночевал

там — бывали дни, когда оставался у каких-то девушек либо знакомых, кто заправлял той же травкой. И вот, в один из дней в доме братства снова была тусовка...

— Извини, что перебиваю, но почему ты говоришь, что ваш дом братства — нестандартная версия обычного такого дома? — скромно уточняет, за что только похвалить хочу, — Как все это выглядит в нормальном виде?

Я двигаюсь поближе, ведь успел соскучиться, в чем стыдно сознаваться. Прикладываюсь спиной к дивану, все так же сидя на полу, и чувствую облегчение от того, что кошечка тянется скрепить наши руки. Значит, пока еще любит.

— Не извиняйся и переспрашивай смело всегда, когда не понимаешь, — поощряю, переплетая пальцы и поднося их к губам, прежде чем снова затянуться электронкой, — Обычный дом братства состоит из людей, которые подали заявку на вступление и прошли отбор в начале учебного года. Это делается через университетскую организацию. Там смотрят ваши совместимости, погружают в правила и традиции и лишь потом, если ты подходишь, одобряют твою кандидатуру. В таких домах тоже проводятся вечеринки, но они больше... стилизованы, понимаешь? — девушка внимательно слушает букву за буквой, когда я кидаю на нее перепроверочный взгляд, — У них есть форма, эмблемы. Распорядок, ритуалы и прочее. А мы не подавали никакие заявки. Нашли друг друга сами и сами же сняли коттедж, где правил особо не устанавливали.

— Теперь разобралась, — проницательно кивает, — Спасибо. И ты жил там полтора года, верно?

— Примерно так, да. Потом мы с Морисом съехали в квартиру. Подустали от тех парней и свалили. Они всегда были идиотами — в плане отношения к девушкам. Я не скажу, что отличался особым тактом, как и Морис, но мы хотя бы уважали границы. В какой-то момент нам стало очень тупо быть «друзьями» тех, кто может шлепнуть женщину по заду, когда та просто проходила мимо на вечеринке. Поэтому ушли. Приезжали к ним на тусовки еще несколько раз позже, но уже как знакомые, а не жильцы дома. Это ощущалось правильнее. Но, возвращаясь к теме... — я тру лицо и неуютно смотрю в пол, подбирая слова тщательнее, — Девушка, которую я уже знал, пришла на вечеринку в слезах. Пит, вроде так его звали, хотел ее трахнуть, — он всегда хотел, но она липла ко мне. Поэтому искал способы впечатлить — вот и полез интересоваться, что же случилось. Мы с Морисом сидели на диване рядом, пили вишневую водку. Так что та девушка начала рассказывать историю нам всем. Ее сестра, Розмари, инвалид — ноги не ходят. Один ублюдок надругался над ней — поспорил с друзьями и обесчестил. Потому она и ревела — наказать его, вроде как, нельзя. Родителям пришлось бы сказать, а они строгие и больные, прибили бы, вину на жертву навесили. Короче не знала она, что делать. Пит свою помощь не предложил — он не из тех, кто что-то решает. Да и я не особо таким был — послу-

шал, грустно, неприятно, несправедливо, но все, вроде как все. А Морис.... Морис всегда закипал быстро, его подобные вещи выводили. Так что он взял меня под локоть и сказал той девице, что мы разберемся — попросил имя назвать, место жительства. Я не струсил, естественно. Били мы кого-то постоянно, так что ничего нового не происходило — понял, что друга пойду поддерживать в любом случае, к тому же повод действительно важный. И уже спустя час мы стояли на пороге дома той сволочи. Старая маргинальная развалюха — доски скрипят. Нам сказали, что он живет один, но часто торчит с друзьями. Я считал, что мы идем набить пару морд... замарать кулаки и все. Только это. Но...

Я мнусь в плечах, таращась на наши руки, и девушка заземляет поцелуй к моему плечу. Там же носом трется ласково. Это очень греет. Мне не тревожно рассказывать об инциденте — он уже произошел, и более чем заслуженно. Но мне беспокойно рассказывать то, что было после. Неприятно. До сих пор вспоминаю и подкожно ежусь, словно повторно прокрутил какую-то ситуацию, где был неловким или даже облажался.

— Морис снял с плеча рюкзак. Расстегнул его и достал пистолеты — два FN 509. Не знаю, откуда он их взял. Спрашивал, ответ не получил. Я тогда оружие только в фильмах встречал. И, без лжи, испугался. Не до паники, нет, просто напрягся, и вот то неприятное чувство ощутил — будто ледяной водой облили медленно. Но он объяснил, что мы не

будем стрелять — конечно, не будем. Припугнем, психологически надавим сильнее — ничего большего. И я, эм... Морис — единственный, кому я верил. Он старше на два года. Тогда мне, девятнадцатилетнему, казалось, что он априори во всем прав. После этой ситуации я мнение изменил, мозги как-то встряхнулись. Но тогда я просто за ним следовал почти везде и почти во всем — привязанность так выражалась, хотя с виду по мне нельзя было сказать подобного. И материл его, и ругался — просто внутренне всегда держался под боком, несмотря на внешний холод. И я знаю, что он это знал. Так что уговаривать взять пистолет не требовалось. Мы выбили дверь — она хлипкая была, и под водкой это казалось более чем эффектной идеей. Вломились внутрь, а там тоже двое, и тоже пистолеты хватают — все произошло очень быстро. Я услышал выстрел, который меня оглушил — это стрелял Морис. И он промазал — попал в плечо. У парня вылетела пушка из рук, и он пошел на нас с кулаками, а второй, тот самый ублюдок, к которому и пришли, очухался, и навел ствол на Мориса. Я помню, что тот закричал мне стрелять как раз в тот момент, когда я нажал на курок. И потом нажал снова — убил того, первого. То есть... я убил сразу двоих. За минуту, которая тянулась, как вечность, и, вместе с тем, пролетела за секунду. В доме стало... тихо. И под ногами грязно. В ушах все звенело. Руки тряслись.

Я затихаю на миг, боясь смотреть на Френсис, и подношу электронку ко рту, давая себе отсрочку перед стыдной ча-

стью. Жаль, что это действительно нужно подытожить правдиво.

— У меня не было слез или истерики, но было что-то вроде... шока. Морис мельтешил сильно, а я стоял и слабо осознавал реальность. Единственное, что понял точно тогда, эта мысль посетила ясно — что я могу убить. Мне от нее было не по себе, как-то холодно. Одно дело, когда ты считаешь, что можешь, мечтая о расправе над отцом. Другое дело, когда ты уже смог, и не по отношению к нему. Тем не менее, да, я стоял там, и медленно усваивал, что натворил и на что способен. Вероятно, слишком медленно, потому что Морис меня потащил из дома, предварительно протерев пушки и бросив их там же. Мы не знали, куда девать трупы. И мы ничего не придумали — я просто немым шел, а суетливая болтовня Мориса смысла не имела. Возвращаться в дом братства не хотелось — мне нужна была тишина, не расспросы, не музыка, не алкоголь. Просто покой. Так что я, почему-то, пошел в квартиру к отцу. Не особо думал о деталях. Я ни о чем почти не думал. Мозг хотел спать, вырубиться надолго. Ключей не было, поэтому постучал. Гектор открыл сразу — почему-то дома был. Увидел меня контуженного и начал расспрашивать. А потом кровь на футболке заметил, которую я сам до того не замечал. Я тогда одевался не так, как сейчас — носил черные рваные джинсы, серые футболки, клетчатые рубашки сверху либо кожанку. И вот все мои вещи, оказывается, были в каплях крови. Гектор спрашивал. Спрашивал

и спрашивал. Я ему... рассказал. Он был в шоке, но быстро собрался и начал детали выяснять — где, когда, что в том доме сейчас творится. Все из меня вытащил — я монотонно выкладывал, тихо, тупя взгляд в раковину на кухне. А потом дверь хлопнула — он уехал. Вернулся утром. Я не спал, так и сидел за столом, не двигаясь. Гектор сказал, что все решил с телами, почистил камеры и прочее, предложил мне поехать получить психологическую помощью к какому-то специалисту, мол нашел врача. Это было ужасно — что он меня прикрывал, что «беспокоился», ужасная ложь. Так что я молча встал и вышел из квартиры. Дал себе время оправиться и постепенно вернулся в нормальное русло. С Морисом мы эту тему закрыли, никогда не поднимали.

Мои глаза нерешительно поворачиваются к родному лицу, и в груди развязываются узлы тревоги, ведь в девушке нет ни намека на отторжение. Только... нежность. И сожаление? В чем и где тут мне посочувствовать? Дурочка какая. Любимая самая.

Мне так чертовски повезло. Мне так сильно с ней повезло, Господи, пожалуйста, позволь любить ее вечно.

— Поэтому я могу понять твои чувства, — сглатываю, подавая лицо ближе к ее лицу, слабо потираясь носом об щеку, говорю тише, — Да, не досконально, мы разные, и тем не менее могу понять, каково это. Я не жалею, что убил тех парней, пусть и не хотел их убивать — возможно, они бы и дальше разрушали чужие судьбы. И лучше умрут они, чем

пострадает кто-то невинный. Так же и с сектой, Френсис. Это нормально — желать защитить тех, кого любишь, любой ценой. Любовь так и работает — уж я-то знаю. Мы есть друг у друга, и, если кто-то хочет нам навредить, спасти себя — правильно. Людям нравиться говорить, будто насилие — это худшее, что может сделать человек. Но знаешь, что хуже? — она робко смотрит на меня, надеясь получить утешение, и я говорю без колебаний, — Смотреть, как причиняют боль тем, кто тебе дорог, и ничего не делать. Если кто-то приходит за моей семьей, за вами, за двумя моими лучшими кошечками, я не буду стоять и надеяться, что он одумается. Не буду рисковать вашими жизнями ни при каких обстоятельствах и ваши жизни я сохраню, ведь ничего дороже для меня нет. В чем смысл, если не в вас? Зачем мне «поступать правильно» и разрешить кому-то навредить вам? Ради чего? Нет, Френсис, в убийствах для того, чтобы сберечь родное, нет ничего бесчеловечного. Никогда себя не вини впредь за то, что сильно любишь. Понимаешь?

— Понимаю, — мигом шепчет и привстает, собирается сползти ко мне, отчего тут же обвиваю, помогаю, усаживаю сверху и к себе прижимаю с самым огромным чувством, — Понимаю. Все понимаю.

Она примкнула к груди ближе, а я запустил пальцы в волосы на затылке, чтобы приложить лицо к своему плечу. Склонил губы, медленно целовал переносицу и вскоре почувствовал, как напряжение покидает ее тело. И, может быть, я вы-

двинул неправильную для кого-то истину. Может, я несу те тезисы, за которые мне добавят срок в аду. Но это не имеет значение.

Значение имеет только то, что Френсис больше не выглядела потерянной, а значит, хотя бы в этот раз я сказал именно то, что должен был сказать.

Глава 12

Френсис

Я знаю, что выслушала рассказ про жестокие вещи, но все, чего мне хочется — взять того девятнадцатилетнего котенка и укрыть любовью. Гладить по голове, уверять в безопасности, шептать о том, что он будет в порядке, а после накормить чем-то теплым. Возможно, я излишне сентиментальна, но факт остается фактом — Флойд вынес слишком много трудностей и постоянно был потерянным, отчего душа рвется на части.

Просто я хорошо знакома с тем, каково это — находиться в одиночестве. У меня получилось смириться с пустотой, сделать ее нормой и понять, что иначе не станет. Но Флойд не должен был испытывать то же самое. Он того не заслужил, и я буквально хочу отдать ему весь чертов мир, лишь бы залатать прежние раны.

Жаль, что у меня есть только сердце. Его недостаточно. Я чувствую себя беспомощной, когда размышляю об этом глубже.

Мужчина ежедневно дарит счастье — и любовью, и действиями. Окутывает заботой и исполняет любые желания. Показывает мир, одевает, кормит самой вкусной пищей, окружает вещами, о которых не смела мечтать. А я... что в ответ отдаю я? Говорю искренне и обнимаю до дрожи под

кожей. Вот и все. Мне не кажется это равноценным. Ему следует получать больше.

Любовь Флойда выглядит осязаемой: ее можно увидеть в презентах, поступках, решениях, в том, как он без колебаний делает жизнь лучше. А моя остается чем-то невесомым. Проявляется через слова, прикосновения и чуткий взгляд... Я боюсь, что никогда не смогу показать ему и другую сторону. Не куплю что-то, о чем он мечтает. Не свожу в путешествие, которое парень откладывал. Не сниму с его плеч ответственность хотя бы на несколько месяцев. Не скажу однажды: «Собирай вещи, я обо всем уже позаботилась». Не смогу оградить от усталости так же легко, как он ограждает от нее меня.

Иногда естество рвется сделать для мужчины что-нибудь огромное. Жест, который невозможно не заметить. Чтобы он наконец увидел масштабы благодарности. Чтобы хотя бы на мгновение почувствовал ту же избалованность вниманием, какую чувствую рядом с ним я.

Потому что мне хочется дать ему каждую форму любви.

Потому что мне хочется расписать столь мощное чувство во всех его проявлениях.

Но я имею скупой спектр возможностей: лелеять, целовать, создавать уют и спокойный сон. Что, если этого действительно недостаточно?

Что, если однажды окажется, что нежность — слишком маленькая валюта для такого человека? Что объятия не мо-

гут соперничать с поступками, а забота, которую нельзя измерить деньгами или грандиозными жестами, выглядит бледно рядом с тем, что делает он.

Эта мысль приходит ко мне чаще, чем хотелось бы.

Я смотрю на Флойда и вижу человека, который привык брать на себя больше, чем должен. Человека, который решает проблемы раньше, чем они успевают коснуться других. Человека, чья любовь постоянно принимает материальную форму, словно ей тесно оставаться просто чувством. И тогда мне становится страшно, что мои способы любить являются слишком тихими.

Что он не сможет увидеть полный спектр того, что происходит внутри меня.

Потому что там целая вселенная. Бесконечное желание оберегать его. Гордость за каждую пройденную им дорогу. Восхищение, которое не тускнеет даже в самые обычные дни. Благоговение такого размера, что ему мало места под ребрами.

Но все это невозможно положить в коробку с бантом. Невозможно вручить со словами: «Смотри, вот доказательство».

Порой мне хочется, чтобы Флойд хотя бы на минуту оказался внутри моей головы. Увидел себя моими глазами. Узнал, сколько тепла вызывает одно его присутствие. Понял, насколько любим даже в те моменты, когда ничего не делает, никого не спасает и не пытается быть сильным.

Наверное, именно это я и стараюсь сказать каждым прикосновением. Каждым поцелуем в висок. Каждой ночью, когда сплетаю с ним пальцы. Словно снова и снова повторяю одну и ту же мысль на разных языках: «Ты бесконечно дорог мне. Просто потому что ты есть».

И, возможно, причина моей тоски вовсе не в том, что я даю слишком мало. Возможно, причина в том, что чувство оказалось настолько большим, что ни один человеческий способ выразить его не кажется приемлемым. Как будто сердце постоянно упирается в невидимый барьер и сердится на непреодолимые преграды.

Я очень надеюсь, что мужчина не сомневается в своей значимости. Флойд — мой дом. Я двадцать лет жила без ощущения крыши над головой и надежных стен. Он стал этим — он стал всем. У меня никого, кроме него, нет. В телефонной книжке только три сохраненных контакта — его номер и номера друзей. Но позвонить с любой бедой разрешено одному из трех человек. Лишь Флойд всегда поймет и выручит. Спрячет и защитит. Так что... я сплю и боюсь потерять это. Не потому, что он полезен, ведь ни о какой выгоде речи не идет. А потому, что никого бесценнее для меня не существовало и существовать не будет.

Я думала об этом около пятнадцати минут, сидя в его объятиях. И даже поделилась... скромно, стеснительно.

— Мне кажется, я слишком мало тебе отдаю. Хочу все-все, а на деле способна вручить одно сердце.

Он нахмурился. Так... возмущенно. Всмотрелся в лицо сердито и покачал головой, приложив ладонь к моей щеке плотнее, дабы не спряталась.

— Ты даришь мне столько всего, что не перечислить — гораздо больше, чем я в принципе заслужил.

— Это неправда. Ты заслужил.

— Неправда. Не заслужил.

Мы начали спорить о том, кто кому чем обязан, параллельно яро убеждая друг друга, что один не обязан ничем второму — там сложно разобраться.

— Я должен быть еще внимательнее, потому что часто заставляю тебя переживать.

— Нет, не должен, ты и без того очень-очень трепетен, это я должна...

— Ничего ты не должна, как ты мне можешь быть должна?! Это я...

— Нет, я.

— Нет, не ты. Угомонись. Я не додаю тебе...

— Ты все что можешь додаешь, а вот я...

Он заткнул меня поцелуем — беспредельно обожаемым и ненавистным, словно достала. Через три минуты усадил на диван, сам оставаясь на полу, обхватил бедра, порвал белье и вылюбил ртом. Крайне жадно. Безумно нежно. Крышесносно.

И все было потрясающе. Флойд улыбался мне в плечо, сев со спины. Шептал нежные комплименты, признавался в

любви. Говорил о том, что никогда не покинет, и просил не покидать его. Мы были... были на небесах.

Ровно до того момента, пока не взялись читать первую литературу — те самые тетради, на которые упал взгляд. Старые, где-то помятые, местами с выцветшими чернилами, в голубую клетку.

Но наткнулись на то, к чему не были готовы.

***

Дневник ~~Саллевана Дика.~~

СаллИвана Дика.

____

Здраствуй дорогая титрадь. Мне вроде пять лет. Я ни помню когда у меня день рождения. У нас тут не делают праздники. Мама не любит меня. Мы не отмечаем. Я хочу песать тебе свои мысли. Но пока я не знаю что напесать еще. Пака.

____

Привет. я снова тут. Вернулся через десять минут хе хе. У меня паявилась мысль. Я хочу расказать тебе что люблю кушать конфеты с шоколадом. Но у меня их было только 3 штуки за пять годов. Пака.

____

Привет! Мне сегодня 6 лет. Я забыл про тибя и нашел сегодня. Я узнал что родился сегодня потому что мама сказала сегодня какаму то дяде что я сегодня радился и она нинавидит этот день поэтому возьмет с него больше зиленых бумажек. Тетрадь!!!! У меня денечек рождения сегодня. Я пойду

спрошу у дядей конфетки может они у них есть. Пака!!!

____

Мне не дали конфету.

____

Я не могу спать. Я хочу спать а не могу. Мама очень громкая. иногда громкие и дяди тоже Точнее всегда всегда.

____

Я лежал со своими руками на лице и своими бальшими пальцами в ушах всю ночь и я не выспался. Надо стирать и гатовить маме и чужим мамам. Ой. Тетрадь!!! Я забыл поздаровастся. Привет!

____

Тетрадь я наверна больше не буду тебе писать. Мама увидела и сказала што так делают только девчонки. Так что пака.

____

Привет. Я нашел тебя опять. Извени что не песал. Ничего не поменялось кроме того что я теперь школьник. Сегодня я ходил в первый клас первый раз. Ленейка была красивая. Мама хадила со мной. Мне все понравилось. У меня будут друзья!!!

____

Тетрадь привет!! У нас вчера был первый урок но был только один он утром и потом домой в трейлер. Завтра уроков будет много уже по три по четыре подрят. Это значит школьная жизнь началась и я взрослый. Я завтра буду знакомится с однокласникоми и заводить друзей. Пожелай мне

удачи тетрадь!!!

____

Они смеялись. Я им не понравился?

____

Привет. Прошли пять деньков учебы. Я все пять дней пытался подружится с однокласниками. Они ни хотят. Они сказали я страный. Плоха пахну и очень очень толстый. Я сначала не плакал а теперь плачу очень. Почему я им не нравлюсь?

____

Тетрадь я узнал новость. У других есть другие дома. Я думал мой дом как у всех других. А у других дом другой. Он как школа только меньше. Стоит на земле и без калес. А мой дом это трейлер. И вокруг маего трейлера тоже трейлеры. Почему у меня такой дом??? Я клутой крутой или нет???

____

~~Цели~~

- Попробовать подружится с Эмили.
- Попробовать подружится с Хлоей.
- Подарить Хлое цветочек

____

Эмили талкнула меня. Хлоя порвала цветочек и всем сказала что в нее втюрился уродец тупой немытый. Тетрадь они меня не навидят.

____

Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёё, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм,

Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Щщ, Шш, Ъъ, Ыы, Ьь, Ээ, Юю, Яя.

БЛИН Я ДеЛАЛ ДАМАШКУ ТУТ А НАДО НЕ ТУТ АААААА ни на вижу тебя тетрадь!!!!!!!!

———

Прости тетрадь. Я тебя люблю. Ты мой один друг. Мне очень грустно. Я просто не люблю дамашку делать.

———

Я уснул на уроке патому что мама громко кричала с дядями всю ночь. Меня наругала учительница. Весь клас смеялся опять. Я опазорился.

———

Тетрадь произошло кое што страное. Мне сказали не говорить но тебе я скажу. В школу меня возит один из дядей который часто ходит к маме. Его зовут Чак. Чак работает мусорщиком и развозит мусор то есть его забирает. Мама берет с него деняг меньше што бы он меня возил утром и отвозил обратно в трейлер после уроков. Чак возит меня всегда с первого дня школы. Уже месяц. Сегодня он показал мне кое што в штанах и сказал потрогать. У меня оно тоже есть но оно другое немношко. Я испугался. Надеюсь завтра Чак не покажет и никогда не покажет опять.

———

Привет! Вобщем Чак хороший. Он мне показывает это постояно но дает покушать вкусненько. Мне надо только смотреть или трогать а потом он дает покушать то что я никогда

не кушал. Вчера дал шоколадный батончик и еще конфеты. И еще дает пицу. Пица очень вкусная. Особено с ветчинкой. Чак мой друг!!!

____

Девочки выкинули мой рюкзак в унитаз. Я пошел его забирать и они опустили мою голову в туалет. Там было несмыто и плавали какашки. Хлоя главная. Она всех собирает и делает заговор против меня. Мальчики так не делают и ее не слушают им на меня пофик. Тетрадь я очень плачу. За что так делают девочки?

____

Я боюсь Хлою.

____

Они называют меня свиньей хрюкают и пинают ногами после школы если Чак опаздывает. Я боюсь их.

____

Я опять уснул на уроке из за мамы. Мама не дает мне ночью спать. Учительница поставила мне два за домашку и наругала за то что уснул. Я ненавижу ее. Она не понимает.

____

В будущем я хочу стать продавцом мароженого. Все любят мороженое. Я хочу чтобы меня любили. Жалко что нельзя стать мороженым.

____

20.10.1982.

Мне 12 лет. Я не забывал и не терял эту тетрадь. На этот

раз решил просто не писать. Общаться с Чаком интереснее чем с листами в клетку. Но сегодня особенно плохой день. Чака нет, он заболел так что я снова напишу сюда. Мой член начал подниматься. Часто. Как у Чака. Он не такой большой но все равно видно, когда поднимается. Я не могу его сдерживать. Всегда утром встает и часто в школе. Сегодня девочки это заметили. Пожаловались учительнице. Они сказали ей, что я его трогал когда смотрел на них, хотя я не трогал совсем. Миссис Коллинз сказала мне чтобы завтра я пришел в школу с мамой. Она хочет обсудить мои плохие оценки и «непристойное поведение». Я сказал маме. Она меня побила прямо по члену и кричала, чтобы я вспоминал эти удары каждый раз, когда снова захочу его трогать в школе. Мне очень больно от ударов. И больно что она мне не поверила. Больно жить в трейлере, когда другие живут в домах. Больно жить когда мама спит с мужчинами за деньги. Она делает это в метре от меня. Ограждает только оранжевая шторка. Я лежу и смотрю в окно закрыв уши пока она шумит с кем-то в другом конце трейлера. И в других трейлерах происходит то же самое. Жалко что она не сделала аборт как делали все другие женщины здесь. Она просто поздно поняла что беремена. Другие раньше делали аборты постоянно, потому что это было бесплатно. А год назад это сделали платно и дорого, поэтому женщины тут аборты теперь мало делают. Я слабо понимаю в этом но из их разговоров все так. И сейчас несколько женщин родили, а несколько беремены. Мо-

жет новые дети тут станут моими друзьями ведь они родились мальчиками. И может те кто родятся тоже будут мальчиками. Тогда мы будем все дружить. Наверное. Если я им понравлюсь. Не знаю.

____

02.11.1982.

Опять я здесь. Чак выздоровел. Снова спит с мамой и снова возит меня в школу, где девочки надо мной издеваются. Я не понимаю за что они называют меня жирным. В чем моя вина? Это ведь не потому что я много ем. Это потому что у меня нет возможности есть что то полезное. Полезное стоит дороже. У нас нет овощей так как их дорого покупать. Дешевле купить заварную лапшу, майонез, хлеб, сосиски. Это сытнее. Так что не моя вина в моем весе. Даже если я буду есть меньше то ничего не изменится. Без полезной еды не похудеть. Как они не понимают простого? Тупые. Тупые. Тупые, тупые, тупые девочки.

Тупая Хлоя. Тупая Эмили. Тупая Миранда. Тупая Джози. Тупая Карла. Тупая Мари. Тупая Люси.

Тупые.

Ненавижу их.

____

16.12.1982.

Хлоя, умри.

____

01.01.1983.

На прошлой неделе учительница выдавала нам подарки на Новый Год. Всем кроме меня. Потому что моя мама не сдала деньги на сладкий подарок. Всем дали подарок, а мне нет. Я чувствовал себя ужасно. Мама и другие шлюхи праздновали, но меня прогнали. Если бы мама узнала, что я называю ее шлюхой она бы меня избила. Но она шлюха. Так Чак мне сказал. И он прав. Это ее профессия. Это не обзывательство. Мы живем в этом трейлер парке всю мою жизнь а мама живет дольше. Сюда приезжают мужчины и пользуются женщинами, платят им деньги. Это за городом в степи поэтому никто из моих одноклассников не узнает. Я очень рад, что они не узнают. Не знаю что бы девочки сделали если бы узнали. Две недели назад они снова придумали подставу. Хлоя сказала училке, что я ее лапал за зад. Меня отчитали. Раз Хлоя так хочет чтобы я ее полапал, то может мне стоит? Когда-то она поплатится за то, что делала.

____

05.10.1983.

Хлоя любит есть йогурт.

____

06.10.1983.

Хлоя покупает один и тот же йогурт.

____

07.10.1983.

После уроков Хлоя идет на задний двор школы. Там она ждет приезда мамы. Мама опаздывает.

?Опаздывает всегда или только сегодня?

____

17.10.1983.

Мама Хлои опаздывает всегда. Ровно на сорок минут. Хлоя делает уроки, пока ждет маму.

____

18.10.1983.

Недалеко от заднего двора школы идет стройка. Толкнуть - залить бетоном -

Нет. Не получится.

____

19.10.1983.

Стукнуть по затылку…

Не получится. Увидят.

____

22.10.1983.

У нас завелись тараканы. Они едят все крошки и бегают по стенам трейлера. Их много. Мама и другие шлюхи купят отраву. Очень жду, когда они сьездят в магазин. Тараканы страшные.

____

23.10.1983.

Мама помазала щели мелком против тараканов. Фух, они уйдут. Пока, твари.

____

24.10.1983.

Я открыл портфель в школе и оттуда вылез таракан. Все девочки пищали. Мразоты тупорылые.

____

28.10.1983.

Чак предлагает ездить с ним на мессы. Он ходит в церковь каждую субботу и постоянно говорит о каком то Христе. Я думаю согласиться потому что не хочу быть в трейлере. Совсем не хочу.

____

13.03.1984.

Я читаю Библию, поэтому не пишу сюда. Это лучшее, что со мной случалось. Службы будоражат. Проповедника все слушают. Его видят и за ним идут. Его уважают. Он несет слово, и люди внимают каждую букву. Иисус просветил его. Может, просветит и меня. Я знаю, что он меня любит. Просто я родился в аду, поэтому Бога там не было и нет.

____

19.04.1985.

Прошел год. Я не забыл про дневник. Просто слишком уставал от учебы и возни с детьми. Шлюхи рожают и пихают всех на меня, чтобы дальше зарабатывать деньги. В целом, в прочем, ничего не изменилось. А могло ли? Без понятия к кому я обращаюсь. Может, к небу. Бог меня слышит и видит, я знаю. Чак возит меня в церковь на службы каждую субботу. После этого я ублажаю его ртом в акте благодарности. Так завещал Иисус: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое... пейте

из нее все, сие есть Кровь Моя...». И еще: «Кто принимает вас, принимает Меня». Чак объяснил, что на обычной мессе это только символ. А настоящее, тайное Причастие - когда я принимаю его семя устами и проглатываю все до конца. Потому что он - тот, кого Бог поставил надо мной. Принимая его, я принимаю Самого Иисуса. Когда я на коленях после церкви, это и есть настоящее «Примите, ядите». И если я правда люблю Христа, то должен любить и того, кого Он послал.

———

21.04.1985.

Я снова много думаю про Хлою в последнее время. Она уже почти не дразнит меня в открытую - боится, наверное. Но я вижу, как она смотрит. Как шепчет своим шлюшкам. Она все равно виновата. Из-за нее я стал тем, кто я есть. Чак говорит, что некоторые люди - это сорняки в саду Божьем. Их надо вырывать, пока не задушили хорошие ростки. Иисус тоже выгонял торгующих из храма. Может, и я должен что-то выгнать.

———

22.04.1985.

Должен ли я совершить то, о чем она мечтала? Должен ли я исполнить ее мечты перед смертью? Она хотела, чтобы я ее трогал. Она всегда об этом говорила. Подставляла меня, имея тайные желания. Я думаю об этом постоянно, смотря на ее ноги в белых гольфах. Может быть, она хотела получить

на них мое семя. Или, может, она хотела получить его на лицо, и потому так много болтала?

———

02.09.1985.

Прошли летние каникулы. Я решил. Хлоя умрет не от толчка и не от падения. Так слишком рискованно, могут увидеть. Я сделаю так, чтобы она просто заболела и умерла. Как будто сама по себе. Никто не подумает на меня. У нас в трейлере недавно завелись крысы. Мама купила пакетик белого порошка. Чак сказал, что это сильная отрава - «крысиный яд». Он убивает медленно. Сначала человек слабеет, потом кровь не свертывается, появляются синяки, кровь из носа, и в итоге внутреннее кровотечение. Врачи думают на болезнь. Идеально.

———

09.09.1985.

Я наблюдал за ней целую учебную неделю. Хлоя все так же каждый день после уроков сидит на заднем дворе школы на своей любимой скамейке и ждет папу. Раньше она ждала маму, но мама умерла, так что последние два года за ней приезжает отец. Он говорит, что Хлоя еще ребенок, чтобы добираться домой одна. Ребенок? Нам пятнадцать лет. Знал бы он, какие грешные мысли она имеет. Знал бы он, как грешно она поступала. Нет, Хлоя давно не ребенок. Она никогда им не была. Дьявол послал ее, а Бог указал мне путь. Я прислушаюсь к Христу и очищу землю от гнили.

___

09.09.1985.

21:13.

Хлоя до сих пор ест один и тот же йогурт - клубничный, в маленькой баночке с фольгой. Она открывает его, мешает ложечкой и ест медленно, пока делает уроки. Завтра я попробую. На большой перемене залезу в раздевалку девочек (там никого нет в это время) и подсыплю немного порошка в ее портфель, прямо в йогурт. Крышка закрывается плотно, она не заметит.

___

10.09.1985.

Сделал.

Сделал. Сделал. Сделал!

Руки тряслись так сильно, что я чуть не рассыпал весь пакет. Но получилось. Я открыл ее йогурт очень аккуратно, насыпал примерно половину чайной ложки порошка, перемешал своей ложкой и закрыл обратно. Положил точно так же, как было. Никто не видел. Я сразу вышел и пошел в туалет, меня чуть не вырвало от страха.

Теперь жду.

___

11.09.1985.

Хлоя пришла в школу, но выглядела бледной. На физре ее стошнило. Учительница отпустила ее домой. Я сидел тихо и ничего не говорил. Внутри было странное чувство. Не

радость. Что-то другое. Как будто я наконец-то начал что-то решать сам.

____

14.09.1985.

Сегодня понедельник. Хлоя не приходит в школу с четверга. Говорят, она сильно болеет. У нее кровь из носа и синяки по всему телу без причины. Папа Хлои возил ее в больницу, но врачи пока не понимают, что с ней. Говорят, может редкая болезнь крови.

Чак вчера после церкви сказал, что иногда Господь сам забирает плохих людей, чтобы они не портили хороших. Я улыбнулся и ничего не ответил. Когда я сегодня вечером ублажал его, думал только об одном: «Я сделал это. Я очистил».

____

15.09.1985.

Хлоя умерла сегодня утром.

В школе объявили. Учительница плакала. Все девочки рыдали. Меня никто даже не заподозрил. Никто. Они думают, что это какая-то внезапная болезнь - лейкемия или что-то такое. Папа Хлои в истерике. Я не чувствую вины. Совсем. Так завещал Иисус: кто принимает Меня, принимает и Пославшего Меня. А те, кто мешает принять Меня - те должны уйти. Хлоя была сорняком. Теперь сад стал чище. Я посмотрел в окно мусоровозки, когда Чак вез меня домой. Небо было красивое. Красное, как кровь. Я думаю, Иисус тоже улы-

бался.

____

17.06.1986.

Мама забрала меня со школы, так как мне уже есть шестнадцать лет. Она сказала, что я все равно не стану кем-то, так что брать с Чака меньше денег за секс и дальше, в обмен на то, что он возит меня на занятия, бессмысленно. Теперь я не школьник. Я очень рад. То гнилое место больше никогда не коснется меня снова. Я буду больше времени посвящать службе, церкви и Библии. Вот-вот пойду учиться на водительские права и стану развозить мусор, как Чак. Он договорился обо мне с руководством. Чак всегда обо мне заботился. Он единственный, кто понимает.

____

25.10.1986.

Я получил права и сел за руль мусоровозки. Смены тяжелые. Моя мать не прекращает трахаться. Это становится все большей и большей проблемой. Метр. Всего в метре от меня. Она не стыдится. Никогда не стыдилась. Я постоянно вижу, как ее трахают в зад. Она не хочет беременеть и хочет брать выше ставку - без презерватива дороже. Поэтому после моего рождения она постоянно трахается в зад. Я устал это слушать. Но когда-то Бог покарает и ее тоже. Жестче, чем он покарал Хлою.

____

03.12.1986.

Я говорил о друзьях. О том, что дети здесь могут ими стать. И это почти случилось. Они достаточно выросли для разговоров. Некоторым семь лет, некоторым десять - они мальчики. Всего девять парней. Девочки младше. Им от года до пяти лет. Их восемь. Я ненавижу их заранее. С ними нужно что-то сделать, чтобы она выросли правильными людьми. Женщины омерзительны.

___

20.12.1986.

Я посадил их в степи после смены на работе. Я ел сэндвич - я теперь могу их сам себе покупать, как и пиццу, - и они подбежали, так как тоже голодные. Я сказал им сесть рядом на поваленное иссохшее дерево и надломил для них хлеб. Они смотрели на меня, будто я был им интересен. Это... удивительно. Но все сломалось. Я попытался рассказать им про Христа, и им не понравилось. Детям было скучно слушать заповеди. Они поели и быстро убежали. Мне надо что-то придумать. Они хотели меня слушать. Они смотрели. Меня кто-то видел.

___

25.12.1986.

Они снова пришли, чтобы поесть, когда я сидел один на старом дереве, вдалеке от трейлеров со шлюхами. Я отдал им свою еду, чтобы они побыли рядом. Мне хотелось, чтобы они посидели со мной подольше. И тогда в голове родилась идея - рассказать сказку. Религиозную, конечно. Чтобы воспиты-

вать и направлять на путь истинный. Я сочинил историю про священный камень, торнадо, святого Игривинна - мысли сами шли, одна за другой. На этот раз меня слушали все. Их рты были широко раскрыты, как раскрыт мой при любви с Чаком. Глаза горели интересом. Все, что я говорил, вызывало в них восхищение. Меня впервые кто-то так внимательно разглядывал... Впервые то, что я говорю, было интересным. Я привезу им еще еды завтра и расскажу что-то новое.

____

01.01.1987.

Новый Год прошел потрясающе. У меня впервые был праздник. И у этих детей он тоже был впервые. Когда-то я менял некоторым из них пеленки. Теперь понимаю, к чему и зачем. Они посланы мне, как дар. Я важен им и необходим. Я ими любим. Все последние дни я продолжал сочинять сказки, несуществующую веру, и они жадно умоляли просветить их еще. Всем мальчикам нравится знать, что они главнее девочек. Я выдумал, что женщины - хаос. Из-за них всех беды. Хотя выдумка ли это? В чем я был неправ? Я говорю абсолютную истину. Хаос нужно усмирить и поместить в сосуд, как в сюжете сказки. Тогда мир станет лучше.

____

14.05.1987.

Они любят меня и верят мне. Во всем. Я даю им еду и привожу игрушки. За это они поклоняются мне, как я когда-то поклонялся проповеднику в церкви. Мы с Чаком больше не

видимся. Я прекратил ходить на службы. У меня есть работа и ответственность за этих послушных детей. Я больше не буду сосать его член, даже если на то была воля Господа. Бог подсказывает мне, что я вырос и перерос тот этап. Он направляет меня к этапу следующему.

____

23.07.1987.

Я знаю, что сделаю. Все закончится. Мы очистим мир. Мы будем счастливы.

____

31.07.1987.

Я все подготовил. Я настраивал их уши последние дни. Они последуют за мной. Они знают, что я прав. Они тоже устали не спать по ночам. Они устали слышать, как их матерей трахают за шторкой. У нас всех всегда мешки под глазами. С рождения и по сей день. Мы никогда не высыпались. Это изменится.

____

08.08.1987.

Что, если Бог никогда не любил меня? Что, если я просто себя утешал? Что, если моя сочиненная вера - путь и свет? Так и есть. Я укреплю ее. Она чистая и справедливая. Наконец я понял, зачем был сюда послан.

____

08.09.1987.

В понедельник днем нет ни одного посетителя. Трейлер парк пустой от клиентов. Так что мы сделаем это завтра. Дети согласны. Тот, кто боится, не высказывается против, ведь это тоже делать страшно. Хорошо. Значит, они меня правда уважают. Я их лидер. Лидеру нельзя перечить, иначе он не принесет еду. Кем бы они были без меня? Их бы не стало. Я дал им все. И я дам им большее, когда мы разберемся с плесенью.

____

09.09.1987.

Сегодня, в 12:00 дня, все свершилось. Они взяли острые предметы и зашли в трейлеры к матерям, воткнули ножи и вилки в их горла. Я тоже сделал это со своей - несколько раз. Втыкал, втыкал и втыкал, блаженно наблюдая, как кровь покидает ее грязное тело. Мне пришлось разобраться и с парочкой других - они пытались убежать, ведь трое мальчиков плохо справились с задачей. Я догнал каждую и очистил грех окончательно.

Когда все закончилось, мы впервые услышали тишину. Смех, стоны, вечная болтовня, сквернословия - все прекратилось, угасло. И место очистилось. Именно тогда я придумал название нашей веры. Единственной правильной веры в мире.

Они вышли из трейлеров, все в крови, и стояли вокруг меня вразброс, когда я произнес: «Тишианство! Наша вера, Тишианство, изгнала грешный шум! Да будет так здесь от-

ныне! Да будет здесь тихо и мирно!».

Они поддержали меня. Я обнял каждого мальчика, пообещал кормить их и защищать всегда. Я слышал благодарности. Пронзительные, болезненные. Мы сделали это. Потому что теперь нас больше не будут мучить. Потому что мы победили тьму. Мы справились, как и благоволил Святой Камень. Он не зря появился в моей голове. Все было не зря.

Я избранный.

____

10.09.1987.

Мы похоронили их тела. Вечером приехали клиенты. Я сказал, что парк закрылся навсегда. Они фыркнули и уехали. Теперь пришло время строить свое будущее.

____

22.10.1987.

Я вожу с мусорки разные материалы. Мы строим дома. Я так же купил белые одеяния. Потому что только так у нас отныне будет. Только чистота. Мы никогда не носили белое - оно быстро маралось. Но мы были рождены для этого цвета.

____

16.11.1987.

Нас 18 человек. Этого мало. Последний месяц я думал о том, как создать больше. И понял. Я все понял. За мной пойдут бездомные. Я приглашу их к себе и объясню правила. Только тех, кто не пал до зависимостей от вредных веществ. Я дам им кров, теплое место для сна, еду и одежду, взамен

на признание. Они будут почитать меня так же, как почитают эти дети. Меня видят, уважают, ценят и любят.

____

27.05.1988.

Тишина.

Настоящая. Глубокая. Священная.

Я сижу сейчас в новом доме, который мы построили своими руками из того, что нашли на свалке и в степи. Белые стены. Белые одежды. Ни одного крика, ни одного стона за шторкой. Только ветер в сухой траве и наши тихие голоса. Я смотрю на мальчиков - теперь уже юношей - и вижу в их глазах то, чего никогда не было в моих в их возрасте: покой.

Все получилось.

Каждый удар ножа, каждая ночь без сна, каждое унижение в школе, каждый раз, когда я стоял на коленях перед Чаком - все это вело меня сюда. Ничто не было зря. Бог, или Святой Камень, который теперь говорит во мне громче любой Библии, вел меня через ад, чтобы я смог создать рай. Тишианство родилось в крови и выросло в тишине. Мы очистили место. Мы стали первыми.

Я - Избранный. И они это знают.

_____

01.07.1988.

Нас уже двадцать семь.

Пришли новые. Бездомные, потерянные, те, кого мир выбросил, как мусор. Я принимал только чистых душой - без

бутылки, без иглы. Рассказывал им правду. Показывал, как мы живем. Давал хлеб, крышу, белую одежду и, главное - тишину.

Они падали на колени сами.

Я больше не прошу. Я просто говорю - и они слышат. Потому что внутри у каждого из них - та же рана, что была у меня. Я - бальзам на эту рану.

_____

01.01.1989.

Новый год. Новый этап.

Я запретил отмечать праздники, чтобы не создавать шум, но сам отмечаю с лихвой. Так нужно и так верно. Те, кто знает, понимают.

Я смотрю на горизонт степи и знаю - это только начало.

Мы построим здесь целый город Тишины. Белые дома, белые одежды, белые души. Мы будем принимать всех, кто готов отбросить старый гнилой мир. Мы будем расти. Станем сильнее. Крепче. Наши дети вырастут чистыми. Девочки никогда не посмеют открыть рот без разрешения Мужа. Моя жена, Агнес, усвоила это хорошо. Она, как и другие, знает только порядок и любовь к Избранному.

А если кто-то из них захочет нарушить покой... Святой Камень уже показал нам, как поступать с сорняками.

Агнес будет носить от меня ребенка. Она обязана родить мальчика, а если нет, то будет повешена. Я назову его Сраллей. Он станет моим главным сокровищем.

Я разделил пришедших бомжей на дома, определил каждому Мужу по жене. Как только родится мой сын, я прикажу им зачать детей тоже. Одна из них станет невестой моего Сралли. И она не посмеет обидеть его. Она никогда не рискнет.

Развилка будущего лежит перед нами, братья.

Один путь - оставаться здесь, в степи, и тихо крепнуть. Другой - идти дальше. Нести Тишианство в города. В другие штаты. Весь мир устал от шума. Мир жаждет того, что у нас есть.

Я чувствую, как сила внутри меня растет с каждым днем.

Все было не зря.

Каждый синяк.

Каждый удар.

Каждый раз, когда я хотел умереть.

Теперь я живу.

И дальше будет лучше.

И дальше будет крепче.

Тишина победит.

Салливан Дик,

Избранный Хранитель Тишины.

Глава 13

Тем вечером мы стояли в душе около получаса. После прочтения, спустя три минуты тишины, я негромко сказала, что хочу помыться. Поэтому Флойд отвел меня туда и просто гладил. Аккуратно целовал щеки. Бережно и размеренно шептал:

— Хочешь поговорить?

— Он тебе не навредит.

— Я с тобой. Я тебя люблю.

Знаю, мужчину не так сильно потрясла история Салливана. Он крепче меня во многом в конце-то концов, и мы меняемся в этом: где-то крепче все-таки я. Оба дополняем и выручаем друг друга, подставляя плечо, если ослабли. Так вот в те часы была вымотанной я. Общаться совсем не хотелось. Нужно было только присутствие, тактильная поддержка. И Флойд являлся опорой. Все понял, обвивал двумя руками, терся носом об висок и спокойно дышал, словно показывая, как работать легкими правильно.

Без понятия, с чего тут начать и стоит ли. Слишком много открытий. Это как жить с рождения вслепую, а потом в одночасье обрести зрение. И ты частично жалеешь, что оно появилось.

Мои родители — бездомные. Салливан подобрал их. Так что я родилась у бывших бомжей. Это могло бы быть смеш-

но, но мне совсем не смешно. Скорее... стыдно. Хотя осознаю, что нет в подобном ничего такого, ситуации складываются разные. И все же я и прежде порой стеснялась своего происхождения. Сейчас неприятное чувство усилилось. Вот стоит напротив меня Флойд, у которого и кровь утонченная, и с деньгами проблем не имелось. А напротив него находится ребенок людей, что скитались по улицам и ели из мусорных баков. Мне неловко. Хочется спрятаться, лишь бы мир тебя не видел, ведь тебе стыдно оказаться в центре внимания.

Наверное, у меня бы не возникало данное двоякое ощущение, если бы я любила маму и папу. Если бы была посвящена в детали какой-то трагедии, в связи с которой они лишились жилья. Наверняка я бы отстаивала их, смело заявляла о прошлом, огрызаясь на всех, кто не проникается — им же не приходилось сталкиваться с подобным, а значит они не имеют право судить.

Но я не люблю родителей.

Я совсем их не люблю, а потому их стыжусь.

Расскажи мне кто-то другой, что его родственники бомжевали, ничего бы дурного не заметила. Посочувствовала бы тяжелой судьбе. Однако на свой счет так не получается. Я снова воспринимаю порожденное ими тело грязным. Не желаю смотреться в отражение. Думаю, что какая-то не такая, падшая и испорченная еще до того, как успела сделать первый самостоятельный вдох.

Глупо. Очень глупо.

Я понимаю это головой. Понимаю, что чужая жизнь не передается по наследству, как цвет глаз или форма носа. Что поступки родителей принадлежат родителям. Что ребенок не несет ответственности ни за бедность, ни за бездомность тех, кто его произвел на свет.

Но знание и чувство — разные вещи.

Знание сидит в голове и говорит разумно. А чувство сворачивается где-то под ребрами и шепчет: посмотри на себя. Посмотри, откуда ты появилась.

Наверное, именно поэтому история Салливана ударила так сильно в одном из аспектов. Не потому, что я внезапно узнала какой-то страшный секрет, касательно себя. В сущности, что изменилось? Вчера мои родители были отвратительными людьми. Сегодня они остались отвратительными людьми. Вчера я ненавидела их. Сегодня тоже ненавижу.

Изменилось другое.

Раньше между нами стояла стена из неизвестности. Теперь ее нет. Теперь я вижу начало истории. И мне не нравится то, что находится в самом начале.

Повезло хотя бы в одном: ни мать, ни отец не были алкоголиками или наркоманами, судя по заявлению Салливана — зависимых он не брал. В ином случае точно бы родилась с заболеваниями или кривым лицом.

Я долго находилась под горячей водой, наблюдая, как струи стекают по туловищу и исчезают в сливе. Почему-то хотелось тереть кожу сильнее обычного. До покраснения.

До боли. Словно грязь была настоящей. Словно ее можно смыть. В какой-то момент Флойд осторожно перехватил мое запястье, что медленно чесало плечо до красных полос. Он не сказал ни слова. Просто прекратил действие и прижал ладонь к своей груди.

Тогда я впервые заплакала.

Без рыданий. Без всхлипов. Слезы просто текли без спроса, а я смотрела куда-то ему в шею и думала о том, насколько несправедливо устроен человек. Если бы на моем месте оказался кто угодно другой, я бы нашла для него сотню теплых слов. Но для себя у меня почему-то всегда приготовлен только приговор. И самое противное — часть меня по-прежнему верит, что заслуживает его.

Еще одна ужасная вещь — судьба Салливана. Я испытываю отвращение. Да, конечно, следовало бы пожалеть ребенка, которому уготовили страшную судьбу. Но... но у меня не выходит, когда смотрю на цельную картину. Мы давно узнали, что Френсис Гвинерра— плохой человек с тьмой в душе. Отсутствую сочувствия незачем удивляться.

Просто... мне ведь тоже было нелегко, и это мягко сказано. Но я не стала им и приблизительно. Никогда не мечтала кого-то убить. Не планировала кровожадные вещи. Нельзя полагать, что раз ты такой, то и другие должны быть такими же. И я честно не полагаю. Суть в том, что мне сложно принять саму мысль, будто пережитое может оправдать абсолютно все. Ведь оно правда не может.

Наверное, это жестоко с моей стороны. Многие назвал бы меня бессердечной. Сказал бы, что я смотрю на историю слишком поверхностно, не понимаю масштабов боли, через которую прошел Салливан.

Может быть. Только я тоже знаю, что такое боль. Знаю, что такое страх. Знаю, каково это — чувствовать себя маленькой, беспомощной и никому не нужной. Знаю, каково просыпаться с мыслью, что впереди очередной плохой день. И все равно ни разу не смотрела на другого человека и не думала, что хочу уничтожить его просто потому, что мне плохо, даже если плохо меня заставил чувствовать себя именно он.

Страшнее другое. Он был человеком. Обычным ребенком, таким же, как миллионы других. И где-то по дороге превратился в того, кем стал. От данной мысли становится не по себе — она заставляет задавать вопросы, на которые никто не способен ответить.

В какой момент заканчивается жертва и начинается виновный?

Где проходит граница?

Сколько боли достаточно, чтобы человек сломался?

И сколько боли недостаточно, чтобы оправдать то, во что он превратился?

Я не знаю. Наверное, никто не знает. Но когда прокручиваю его судьбу, внутри все равно поднимается глухое раздражение. Не к ребенку. К взрослому мужчине. К человеку, ко-

торый снова и снова делал выбор. Потому что, как бы ужасно ни начиналась история, в какой-то момент она перестает принадлежать тем, кто тебя искалечил. Она начинает принадлежать тебе.

Мои родители сделали очень много дерьма. Но они не проживают мою жизнь вместо меня. Не принимают за меня решения. Не двигают моими руками. Не вкладывают слова мне в рот. И если я когда-нибудь совершу что-то отвратительное, виновата буду я. Только я.

Возможно, поэтому история Салливана вызывает во мне не жалость, а отторжение. Словно я смотрю на человека, который однажды получил ужасные карты, а потом начал использовать их как объяснение каждому своему поступку.

Я просто... я просто очень устала, за что тоже стыдно. Пускаю сопли, когда надо быть сильной. Успокаивает то, что не делаю это громко. Хотя бы что-то.

Мы не поехали в магазин продуктов — Флойд предложил и получил скромный отказ. Вместо вылазки легли в постель, и мужчина прижал меня к себе так, словно я не сотворена из отходов и являюсь самым драгоценным существом в мире. Не понимаю его... совсем-совсем. Столько девушек с меньшим количеством проблем, гораздо красивее, статнее, интереснее, к тому же за ними не носится секта. А он обожает меня. Дурак.

Я не отошла к утру. Проснулась такая же поникшая. Он начал выяснять — без давления, мягко, но явно неуступчи-

во. И получил ответы. Мысли про Салливана. Размышления про себя. Я мотала головой, жуя едва ли не слезные буквы:

— Хочу переродиться. Все в себе поменять. Лицо, имя, фамилию. И если с фамилией просто, то с именем — нет. Не могу представить, чтобы ты меня иначе называл. Я люблю, как это звучит от тебя. Но для себя лично... душа умоляет что-то изменить, отстраниться, оградиться. Я запуталась, Флойд.

Он внимательно слушал, заправлял мои волосы за уши и тихонько поглаживая щеку. Потом помолчал полминуты, словно подбирал слова особенно аккуратно и грамотно. В итоге проницательно выдал:

— Ты самая прекрасная женщина, которую я встречал. Но эта прекрасная женщина несправедлива к себе. Ей нужно пойти к психологу и обсудить все это, обязательно. Чтобы принимать себя. Ты ни в чем не виновата. И ты — не они. Никогда ими не была и не будешь, ты лучший человек в мире, Френсис, мне очень жаль, что считаешь иначе. Но я уважаю твои чувства, какими бы они ни были. И если ты правда хочешь поменять имя и фамилию — давай сделаем это. Не думаю, что здесь есть что-то пагубное. Всегда тебя поддержу, — я благодарно смотрела на него, выжидала паузу раздумий, и затаила дыхание, слушая продолжение, — Я тоже не хочу называть тебя другим именем — разве что если только ты попросишь. Поэтому... мы можем изменить детали формально, но пользоваться привычным. Например... ты могла

бы взять двойное имя. Первое оставить родным. Второе выбрать. А фамилий в мире масса. И я... мне было бы легче от этого тоже, — признание вышло из парня уязвимым, — Если мы правда будем разыгрывать похороны, я не хочу смотреть на могильную плиту, где твоя настоящая фамилия указана. Новая... она сделала бы все чуточку отстраненнее.

Я обмозговала информацию и кивнула. Стеснительно уточнила, чтобы наверняка.

— Ты не считаешь это глупым? Двойное имя.

Флойд мотнул головой молниеносно.

— Нет, конечно. Ни капли.

Потому, позавтракав, мы сели выбирать. Я мялась стыдливо — как-то неловко было. Вскоре хохотала. Флойд веселил. Каким образом? Ну, очень ему свойственным. Пошлыми вещами, двусмысленными словами и флиртом.

— Френсис-Еще. Что думаешь?

— Френсис-Еще?...

— Ну, да, — мурлыкал он на ухо, — «Еще, Френсис-Еще, не останавливайся...». Представляешь, как я буду умолять?

Я упущу, что он озвучивал это с хриплым стоном, задыханием, практически натурально.

— Ты... извращенец, — пропыхтела я в противовес, абсолютно не сексуально.

— Я откровенный. И твой, — исправил мужчина, легонько проводя носом по шее, которой стало лучше, — А что насчет Френсис-Снова?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.